

ЛЮДМИЛА РАЙС

ПОРОЧНОГО
ЦАРСТВА

Вос

Его зовут Клифф Кавендиш, и он — король порочного Лондона. Гроза десятков опороченных леди, бог алкоголя, публичных домов и всяческих извращений. Я ненавижу Кавендиша всей душой. И, чтобы свергнуть его с пьедестала, готова на всё — даже переодеться юношей и обманом проникнуть к нему в дом.

Меня зовут Клиффом Кавендишем... И с извращениями, пожалуй, пора завязывать. Потому что десятки опороченных леди — это одно. Но противоестественное влечение к какому-то мальчишке?!

- [Людмила Райот](#)

- [1. Клифф](#)
- [2. Малёк](#)
- [3. Клифф](#)
- [4. Малёк](#)
- [5. Малёк](#)
- [6. Клифф](#)
- [7. Малёк](#)
- [8. Клифф](#)
- [9. Малек](#)
- [10. Клифф](#)
- [11. Малек](#)
- [12. Малек](#)
- [13. Клифф](#)
- [14. Малек](#)
- [15. Клифф](#)
- [16. Малек](#)
- [17. Малек и Клифф](#)
- [18. Малек](#)
- [19. Клифф](#)
- [20. Малек](#)
- [21. Малек](#)
- [22. Малек](#)
- [Эпилог. Малек](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

- [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
-
-

Людмила Райот

Порочного царства бог

1. Клифф

Непрошенный гость

— Почему вас оправдали, лорд Кавендиш? Пистолет, найденный на месте преступления, и показания свидетелей... свидетельниц... Этого было достаточно, чтобы отправить вас на висельницу! — гость, не отрывая взгляда от блокнота, нахмурился.

Я с трудом подавил зевок. С пренеприятнейших событий, упоминаемых юношей, прошло почти три года, а журналисты продолжали спрашивать меня все об одном и том же. Благо, в последнее время поток корреспондентов, желающих сделать себе имя в издательском бизнесе на громком скандале об убийстве Джеймса О'Брайана, сильно подиссяк — отсутствие новых подробностей, а также присутствие в моем доме старины Армстронга заметно поубавили их профессиональный пыл.

Но единичные всплески интереса к моей персоне вроде сегодняшнего тощего мальчишки все еще случались. Зачем я вообще пустил его к себе? Неужели все дело в моем добром сострадательном сердце, которое потревожил жалкий вид нежданного визитера?

Он явился утром, каким-то образом вызнав месторасположение моего тайного убежища, и слезно просил о коротком интервью с Клиффом Кавендишем. Когда дворецкий привел его ко мне в кабинет, я не сразу заметил рядом с ним еще одного человека, настолько щуплый мальчуган терялся на фоне горы Арма. Он не был похож на типичных проныр-журналиг — напротив, выглядел потеряннным и безобидным. Сел на краешек стула напротив меня, разложил блокнот и пишущие принадлежности и начал задавать давно набившие оскомину вопросы.

— А как вы сами думаете, молодой человек? — спросил я, потягиваясь.

Его губы тронула злая усмешка, совсем не красившая юного нежного личика.

— Значит, вы не отрицаете, что дело в продажности нашей системы правосудия... — он коротко глянул на меня, снова наклонился над столом, отчего белесые локоны упали ему на лицо, и принялся что-то быстро записывать.

Довольно смазливенький для мужчины — впрочем, до «мужчины» гостю было еще очень и очень далеко. С генетикой парню явно не повезло: худосочный и низкорослый (выходец из народа, что ли?). Молодой, конечно, и все равно... Потолстеть еще имеет шанс, а вот стать высоким и статным вроде меня — нет, исключено. На лицо нехватка витаминов и разнообразного питания. Весь бледный и какой-то бесцветный — невнятного светлого оттенка волосы, такие же неопределенные глаза. Острый нос и подбородок, ни намек на бороду или усы. Плечи узкие, грудь плоская, черный жилет и шляпа сидят топорно, словно с чужого плеча.

Голос, правда, красивый. Умеренно низкий, но не басистый. Чуть глуховатый и хрипловатый, и оттого завораживающий.

— Какой смысл мне что-либо отрицать? Ваши коллеги давным-давно расследовали это дело. Никакой Америки вы не откроете, являясь ко мне и баламутя прошлое.

— Стало быть, за освобождение заплатил ваш отец? — он не столько спрашивал, сколько утверждал.

И снова классика жанра.

— Давайте не будем вплетать сюда моих близких.

Корреспондент победно ухмыльнулся и продолжил писать. О, марасть бумагу он явно

любил. Пару минут в комнате стояла тишина, прерываемая лишь гневным скрипением его изобличительного пера.

— Позвольте полюбопытствовать, о чем вы пишете? Я ведь вам, по сути, ничего не ответил, а вы все строчите и строчите...

— Вы верите в Бога, лорд Кавендиш? — исписав почти половину листа, обратился он ко мне.

А вот это уже любопытно. Настала моя очередь улыбаться.

— Неправильные вопросы задаете, юноша. С таким материалом вы не получите за свою статейку даже пары фунтов. Кому какая разница, верю ли я в Бога?

— И, тем не менее, ответьте, — собеседник покраснел и поднял на меня глаза. Краска залила его бледные щеки, расцветившая неприятный облик парня всполохами то ли стыда, то ли ярости. — Неужели вы не чувствуете угрызений совести? Знакомо ли вам раскаяние?

В его прямом гневном взгляде почудилось обвинение.

А корреспондентик оказался приставучим. Я не мог понять, раздражают меня его вопросы или, напротив, вызывают интерес, прогоняя скуку и апатию. Он и правда не такой, как другие журналисты — чересчур юн и идеалистически настроен. Воспринимает несовершенство Клиффа Кавендиша близко к сердцу.

— За что мне раскаиваться? — я откинулся в кресле и закинул ноги на стол. — Пока шло следствие, я послушно украшал тюрьму своей скромной персоной, но потом меня признали невиновным, и я вышел на свободу. Отныне Клифф Кавендиш чист — как перед законом, так и перед Всевышним.

— Да что вы говорите?! — он аж подскочил на стуле. — Вы убили человека, как минимум! Тому барону не было еще и двадцати, а вы лишили его жизни... Безжалостно застрелили в пьяной потасовке во время одной из своих оргий!

Я нахмурился, рассматривая визитера. Раздражение перевешивало. Думал, смерть Джеймса давно перестала вызывать у меня эмоции, ан нет.

— Запомню, как вас зовут, мой сердобольный друг?

— У вас проблемы с памятью, маркиз? — журналист приподнял свои еле заметные брови, а потом и вовсе скривился в гримасе отвращения. — Знаете, употребление алкоголя в количествах, сравнимых с вашими, может вызывать необратимые последствия. Не запомнить всего-то одно имя...

— Просто оно такое же блеклое и неприятное, как и вы сами, — парировал я, не сводя с него взгляда. — Будьте добры повторить. А не хотите — выметайтесь из моего дома.

Мальчишка — по сути еще ребенок, решивший поиграть в борца со злом, вспыхнул и замер, тяжело дыша и играя желваками. Отчего-то моя персона вызывала в нем совсем недетский гнев.

— Сэр Малькольм, — наконец выдавил он.

— Так вот, сэр Мальн... Даже и не выговоришь нормально... Суд присяжных оправдал меня, и смерть барона была признана случайностью, — мне было вовсе необязательно что-либо объяснять ему. Один звонок в колокольчик, и малыш Арми ворвется в кабинет и уведет наглеца. Но я почему-то медлил. — Это — «как минимум». А что насчет максимума?

Гость сделал глубокий вдох, собираясь с духом.

— Ваша покойная невеста, лорд Кавендиш, — заявил он с видом человека, решившего идти до конца. — Марсель О'Коннор.

На этот раз он меня действительно поразил. Показалось, мальчишка выбил из-под меня опору, и я падаю в черную воронку отчаянья и безысходности. Сердце сжала когтистая лапа боли, не давая сделать глоток кислорода.

Ну вот, столько раз убеждался, что доброта не принесет мне добра, и опять. Нужно было сразу вышвырнуть этого блюстителя правосудия, а я... Проклятье! Уйма времени прошла, а печаль нисколько не утихла... Сколько теперь выбираться из очередного кризиса?

— И что с ней? — спросил я, удивляясь тому, как незнакомо и безжизненно прозвучал собственный голос.

— Говорят, она умерла вскоре после вашего ареста, — загадочным тоном поведал Малькольм. Ну прямо не корреспондент, а сиделка, рассказывающая страшные байки детворе на ночь глядя. — Так и ни разу не показавшись никому на глаза после перестрелки, учиненной вами в борделе... Все это кажется очень, очень подозрительным.

— Неужели? — эхом повторил я. — И что же именно вам кажется подозрительным?

— Что с ней случилось на самом деле, лорд? Вы — известный пожиратель женских сердец. Возможно, она наложила на себя руки, узнав, что ее жених — ко всему прочему еще и убийца?

Я расхохотался. Чтобы Марс покончила с собой из-за меня... Да это же просто мечта!

— Смеетесь... — мальчишка вытаращил на меня глаза, забыв о своем блокнотике. — А вы и правда бессердечный тип! Тогда, может, было по-другому... Вы убили не только Джеймса О'Брайана, но и ее тоже?

Смех замер на моих губах. Я молчал, переваривая услышанное. Этому юнцу, прикидывающемуся овечкой, а на деле оказавшемуся хищником, удалось невозможное. Любой, кто знает Клиффа Кавендиша, скажет — его очень тяжело разозлить. Но сейчас меня сотрясал и выворачивал гнев.

— Я хотел... — растянул губы в кривом оскале. — Не сложилось.

2. Малёк

Я — гостья, а не гость!

— Хотели убить свою невесту?.. Значит, правда, все, что про вас говорят.... Вы — чудовище! — вырвалось у меня.

Он только что сделал поразительное заявление, но мои руки так дрожали, что я вряд ли смогла бы написать даже пару слов.

— Чудовище? Она называла меня также... — Кавендиш, только что выглядевший взбешенным, вдруг успокоился. Замкнулся и снова стал непроницаемым и холодным. Но прежняя расслабленность ушла из его облика — он напоминал настороженного, готового к прыжку зверя. — Ладно, что еще? Задавайте оставшиеся вопросы и выметайтесь. От вас разболелась голова.

— Минуточку, — я наклонилась к блокноту и сделала вид, что ищу информацию. Голова у него разболелась, как же! Наверняка, мои высказанные наугад предположения прямо в цель угодили. Иначе с чего ему так реагировать?

И все-таки, до чего страшный и испорченный человек! Монстр, настоящий монстр. Да и я хороша. Дурочка слепая — влюбилась в него с первого взгляда, с первой вздоха и мимолетной улыбки... Ууу, ненавижу!

Я открыла чистый лист и снова взяла перо.

— Вас называют «Королем порочного Лондона», лорд Кавендиш, — стараясь, чтобы голос прозвучал максимально сухо и незаинтересованно, сказала я. — Можете прокомментировать?

Я больше не избегала смотреть ему в глаза. Сначала побаивалась — вдруг вспомнит?.. Зря. В таком виде меня даже родные не всегда узнавали, что уж говорить о мужчине, менявшем женщин, как предметы гардероба.

Он приподнял брови и посмотрел на меня так, словно сомневался в моих умственных способностях.

— Я красив, знатен, богат, увлекаюсь пороком и живу в Лондоне. Чего тут комментировать? Кстати, гений пера, вы держите свой инструмент вверх ногами.

Я поджала губы. Как же он меня раздражает! Сидит тут, словно правда король — такой стройный, холеный, утонченный. Всего девять утра, а Клифф Кавендиш уже при параде: выглаженный, напомаженный, с бантом на шее и изысканным парфюмом, заполняющем комнату сладким дурманом. Смотрит свысока, будто на мусор. Издевается.

— Не уходите от темы, лорд. Вы ведь не просто увлекаетесь пороком, вы его культивируете и насаждаете...

Внутри — бульон из желчи и разочарования. Все бурлит, клоочет, выворачивается наизнанку.

Но нужно успокоиться, иначе он выкинет меня на улицу, так и не дав осуществить своего плана.

— Вы о моем маленьком скромном притоне?

— Именно. Снова спрошу вас о совести. Неужели вам не стыдно использовать в своих целях всех этих... несчастных женщин?

— Вы о шлюхах, мальчик мой? Насколько мне известно, они не жалуются.

— То есть, вас совсем не беспокоит, каким омерзительным способом вы зарабатываете

свои деньги?!

— Вас больше волнует моя совесть или мои деньги?

— Просто не понимаю, как можно быть исчадием ада, и ничуть не стесняться этого! — из меня снова прорвалась злость.

Говорите, я блеклая, незаметная и с непроизносимым именем? Спасибо на добром слове — после нашей с вами истории мне другой быть и не положено. Мое настоящее имя и облик навсегда вычеркнуты из перечня благородных леди Англии. И все — благодаря вам, Кавендиш.

— А чего тут стесняться? — улыбнулся Клифф и прищурился, глядя на меня.

— Вы портите и оскверняете все, к чему прикасаетесь! — не стоило говорить этого, но меня уже понесло. — Играюще разрушаете судьбы, даже не задумываясь об этом! Знаете, какая жизнь уготована девушкам, которых вы обесчестили и бросили?!

— Довольно, — все также улыбаясь, произнес Клифф и с размаху опустил руку на колокольчик для вызова слуг. — Я вас раскусил, юноша.

Дворецкий появился сразу — можно подумать, ждал под дверью, готовый в любой момент прийти на выручку хозяину. Ввалился в кабинет и навис надо мной грозной, пыхтящей тучей преданных мускулов.

— Арми, помоги мистеру Малькольму найти выход, наша с ним встреча окончена, — скомандовал хозяин дома. И небрежно пояснил, — Опять родственники бывших пассий заявили мстить...

Милашка «Арми» перевел на меня рассерженный взгляд.

— Стойте, мы еще не все обсудили!.. — возмутилась я, но мощная рука дворецкого, телосложением больше напоминающего борца-тяжеловеса, чем блюстителя домашнего порядка, сомкнулась на моем воротнике и потянула вверх.

Блокнот с пером полетели на пол. Я пискнула и почувствовала, что отрываюсь от стула. Клиффов увалень приподнял меня в воздух за краешек жилета и потащил в сторону выхода.

— Не выгоняйте меня, лорд Кавендиш! — взмолилась я и затрепыхалась. Шляпа слетела с головы и откатилась в сторону, жилет, на пару размеров больше необходимого, затрещал и скользнул на лицо — пара судорожных движений, и я вывалилась из него и шмякнулась на пол. Гора-дворецкий посмотрел сначала на меня, потом на печально обвисшую деталь одежды в своей руке и насупил.

— Расскажите мне все, Клифф! — воскликнула я. Вскочила на ноги и бросилась к хозяину дома, тоже удивленному моим эффектным освобождением. — Поведайте правду — о себе и о своей невесте! Неужели вам не надоело врать и скрываться за мифами, что сочиняют про вас репортеры? Разве вам не хочется облегчить душу?!

— Подожди, — маркиз жестом остановил готового снова броситься ко мне слугу и прищурился. Встал на ноги и оказался выше меня на целый фут^[1]. Подойдя вплотную, аристократ обхватил мой подбородок пальцами и вздернул его вверх, заставив посмотреть себе прямо в глаза.

— Кто ты? — медленно спросил он, всматриваясь в мое лицо. — И зачем пришел ко мне?

От близости Кавендиша у меня подкосились колени, и лишь благодаря отчаянию, толкающему меня изнутри и придающему сил, я осталась на ногах.

У лорда был змеиный взгляд. Зеленые глаза смотрели холодно, оценивающе и очень, очень внимательно. Невозможно, чтобы он не узнал меня!.. Но Кавендиш продолжал

молчать и ждать ответа.

— Я — Лукас Малькольм, корреспондент газеты «Лондонский гриф». Она не очень крупная, поэтому вы, вероятно, даже не слышали о ней, но это правда... — захлебываясь словами, начала я. — Можете наведаться в редакцию и спросить обо мне.

— За что ты так ненавидишь меня? — Клифф немного ослабил хватку, по-прежнему хмурясь и рассматривая мое лицо.

— Это не ненависть... Я вас... Я просто завидую вам! Такие, как вы, с самого рождения получают все, чего не пожелают, и даже преступления не могут помешать вам воссесть на троне! А такие, как я, всегда вынуждены довольствоваться объедками после вашей трапезы...

Маркиз усмехнулся, его взгляд чуточку потеплел, и я поняла, что на верном пути.

— Вы — мой единственный шанс хоть чего-то добиться в жизни, лорд Кавендиш. Если бы я составил сенсационную статью про вас, на меня смотрели бы совсем иначе!

— Допустим. Ну и какое мне до этого дело?

— Я мог бы сделать наше сотрудничество полезным для обеих сторон. Написать, например, повесть или целую книгу про Клиффа Кавендиша... Выставить его в благородном свете — мучеником или жертвой обстоятельств, положив таким образом конец репутации убийцы и негодяя... Тогда другие аристократы перестали бы гнушаться вашего общества!

Выпалив это скороговоркой, я замолкла и перевела дух. Удача, что мне вообще выпала возможность сделать Кавендишу свое заманчивое предложение! Подлец нахально спровоцировал меня, и я вспыхнула и потеряла рассудок, чуть не загубив все предприятие... Впредь нужно быть осмотрительнее. Если, конечно, враг клюнет на наживку и даст мне шанс реабилитироваться.

— Хорошо, — вдруг сказал Клифф. Убрал от меня свои руки и вернулся в кресло. — Иди в свою газетенку и возвращайся сюда завтра.

— Вы... согласны? — я не сразу поверила своим ушам. Его самомнение сильно, кто бы сомневался, но вот чтобы так сразу...

— Да, — он недоуменно пожал плечами. — Что с тобой? Не хочешь уходить?

— Простите, все отлично, — мои губы сами собой растянулись в улыбке. — Значит, я... пойду? И вернусь завтра?

Я попятилась назад и уперлась спиной во что-то твердое и округлое. Это был живот дворецкого. Сам дворецкий был тут же, и очень недовольно смотрел на меня с высоты своего роста.

— Идите, мистер Лукас, — повторил Кавендиш. — Арми проводит вас. Черт, вы точно в состоянии написать целую повесть? Не похоже, чтобы вы быстро усваивали информацию...

Армстронг протянул мне шляпу вместе с жилетом, и я прижала их к груди, все еще не до конца веря в свалившееся на меня счастье. Неужели я наконец-то смогу отомстить Клиффу Кавендишу?!

— Да, и еще... — аристократ окликнул меня уже около двери. — Малькольм — слишком длинно и сложно. Буду звать тебя Малёк.

3. Клифф

Ты — просто очередной неудачник

Я бы удивился, если бы Армстронг, выпроводив мальчишку, снова не нагрязнул ко мне в кабинет. Он вошел и замер около входа, буравя меня неодобрительным взглядом.

— Считаешь, я совершил глупость?

Слуга промолчал, но по его чуть сторбившимся плечам стало ясно — именно так он и считает.

— Брось. Что мне сделает этот пылкий заморышек?

Арми снова ничего не ответил, предоставив мне самому выбирать вариант своей будущей ужасной смерти.

— Ты же слышал, что он сказал. Это просто очередной неудачник, пожелавший прославиться на моем скандальном имени, — терпеливо объяснил я.

Армстронг не из общительных. Он крайне редко открывает рот, когда дело не касается выполнения обязанностей дворецкого. Мне это ничуть не мешает — я общаться люблю и могу делать это за нас обоих. К тому же, слуга умеет доносить свои мысли: красноречиво смотреть, многообещающе пыхтеть ну и все такое.

Сейчас дворецкий чуть покачал головой и устало поднял глаза к небу, выражая недовольство моим желанием спасти каждого встречного горемыку.

— Нет, каждого — вовсе не обязательно. Я действую по наитию... И чаще всего это окупается сторицей. Как было в случае с тобой.

В выражении глаз Арми промелькнула тень вины, но сдаваться так просто он не собирался. Мужчина сложил руки на груди и посмотрел на меня с явным осуждением и немым вопросом.

— Зря ты так, я согласился вовсе не из-за аристократов. Плевать я хотел на их мнение... Меня зацепило другое...

В выражении лица друга проступил вежливый интерес, но я вдруг раздумал делиться с ним. Глупо надеяться, что он сможет понять... Сам еще до конца не понял.

— Уверен, ты не спустишь с него глаз, поэтому волноваться не о чем. Ступай, Арм. Мне пора заняться работой, — я взял в руки ворох бумаг и прикрылся ими, желая наконец отделаться от навязчивого подчиненного.

Тот скептически фыркнул («Работой, как же!»), и с удивительной ловкостью для человека его комплекции выскользнул за дверь, а я выдохнул, уронил бумаги и рухнул на них лбом. Знаю, дворецкий просто беспокоится обо мне, но его забота порой становится слишком уж тягостной. Я — «Король порочного Лондона», в конце-то концов! Взрослый, прожженный и циничный представитель британской аристократии двадцати четырех лет от роду.

Так, или мне уже двадцать пять?.. Последние годы празднования моих дней рождений проходили так одинаково бурно и насыщенно, что потеряться в датах не составило труда...

А, без разницы. Сути дела не меняет.

Почему я согласился на сотрудничество с журналистом? Пожалел его? Ну, если только самую малость. Даже у тех, кому не очень повезло от рождения, есть возможность выбиться в люди более достойным способом, чем клепанием лживых рассказней про недавних заключенных...

Амбиции подтолкнули? Определенно, да — правильная статья могла бы здорово стимулировать мой бизнес.

Но было и еще кое-что.

Разговор с корреспондентом разбередил внутри меня нечто колкое, тянущее, неприятное. «Разве вам не хочется облегчить душу?», выкрикнул он...

Душа.

Та эфемерная, бездоказательная субстанция, которой люди привыкли прикрывать свои слабости и опрометчивые поступки. Любой, кто слышал мое имя, скажет: «У Клиффа Кавендиша нет души», и в чем-то я с ними согласен, но...

Три года прошло, а груз на сердце так и не стал хоть чуточку легче. Тюрьма осталась позади, а неподъемная гиря, прикованная к ноге тяжелой цепью, все еще волочится позади, не давая с облегчением шагнуть в будущее.

Может, пора и правда рассказать правду, пусть даже одному единственному человеку?.. Не уверен, что это поможет, но остальные способы уже испробованы.

***

Скуку долой

После такого дня ночь выдалась еще более изматывающей, чем обычно. Заснул, по обыкновению, далеко за полночь, проснулся около семи. Уже перед самым пробуждением мне приснилась Марс. Рыжая чертовка манила, то согревая пронзительной нежностью, то окатывая нестерпимым холодом. Даже во сне она не подпускала меня к себе, надменно хохоча и вздымая брови. А я все равно тянулся к ней, шел неуверенной походкой тяжелобольного...

Как же я скучаю по тебе, милая моя...

У меня не осталось ни одного портрета невесты. Точный облик девушки давно стерся и поблек, поселившись в голове бледным призраком, сотканным из неясных ощущений. Но иногда, глубокой ночью, когда грань между нашими мирами истончалась, образ леди О'Коннор просачивался обратно. Восставал из глубоко закопанных в недрах памяти воспоминаний, разворачивался во всей своей губительной красоте: яркое облако волос, дерзкий взгляд зеленых глаз, насмешливо изогнутые губы, тонкость рук... Бил в самую мякоть, заставлял замирать в благоговении, корчиться от боли.

Я жил ради этих моментов. Ждал их и панически боялся. Потому что после них становилось еще хуже. Они были инъекцией чего-то искреннего, правильного, настоящего... Тем, после чего мой нынешний картонный домик из пороков и возлияний казался совершенно убогим.

Так случилось и сегодня... Ни капли отдыха подобный «сон» не принес мне, но уснуть снова можно было и не надеяться. Я встал с постели и, пошатываясь, добрал до туалета. Во многих домах Лондона, даже обеспеченных, до сих пор обходятся лоханью, поставленной прямо в спальне. Я же, выбирая особняк, делал упор не на роскошь, а на удобство и технологии. В нем есть целых две ванных комнаты, проведена канализация, электричество и даже телефон — диковинный аппарат с научных выставок, о котором большинство жителей столицы еще не прослышали.

Я открыл раковину и подставил голову под резво бежущую струйку воды. Студеная

жидкость оставила на затылке очертания ледяного цветка, скользнула по лицу, щекоча уши и заливаясь в нос. Я не стал сушить волосы полотенцем, просто откинул их, зачесал пятерней назад... Ночная сорочка тут же намокла, и я стянул ее через голову и швырнул на диван. Подошел к окну, через которое уже доносились отзвуки хмурого февральского утра.

Я живу в Бромптоне, тихом провинциальном пригороде почти на самом отшибе Лондона, вдали от праздничного Вест-Энда и исторического Сити. После сумасшедшей, наполненной событиями юности и выматывающего судебного процесса мне захотелось спокойствия и умиротворенности. Парадный фасад выходит на улочку, застроенную коттеджами таких же скрытных и нелюдимых личностей, а задний примыкает к границе Бромптонского кладбища.

Как раз на него и выходят окна моей спальни, да и всех мало-мальски значимых помещений в доме. С высоты второго этажа открывается хороший вид на раскинувшееся по соседству царство сна и забвения. Пристанище мертвых отделяет высокий кованый забор и небольшая рощица: в теплое время года зелень частично скрывает склепы и могилы, зато сейчас страна усопших лежит открыто, словно на ладони, а тощие и корявые силуэты деревьев лишь придают пейзажу атмосферности. Меж ними ютятся могилы и захоронения. Стоят кресты, надгробные камни, небольшие склепы и каменные фигуры скорбных, сложивших крылья ангелов.

В общем, мой дом расположен в чудесно умиротворяющем месте. Как раз таком, которое и подходит демонизируемой персоне вроде меня.

Я старался поселиться как можно дальше от живых людей, но и тут прогадал. Вход на кладбище находится совсем недалеко, и под моими окнами чуть ли не каждый день разыгрываются похоронные спектакли. Вот и сейчас... Солнце только встало, а по главной аллее уже тащится толпа народа, и шума от них, как от бродячего цирка или цыганского табора. Черные цилиндры, пальто и кринолины покачиваются, словно волнующееся чернильное море. Одна половина собравшихся плачет и воет, излишне театрально, на мой взгляд, другая спорит между собой. В центре копощащейся хмурой массы медленно ползет гроб, и безмятежный старичок в нем выглядит единственным адекватным существом среди всех них.

Через щели в неплотно пригнанных досках рамы ощутимо сквозило. Холод согнал утреннюю заторможенность, но мерзкая грусть никуда не делась. Она поднималась из живота, свивая внутренности в спазмированный клубок, медленно сжимая грудь стальными тисками неотвратимости. Одна из провожающих покойного дамочек вдруг вздела сложенный зонт и начала лупить им по голове шествующего рядом седого господина. С трудом оторвавшись от увлекательного зрелища, я отвернулся от окна и вышел из спальни.

Спустился по лестнице, шагая быстро и бездумно. Уже в самом низу споткнулся и чуть не пересчитал лбом все ступеньки... Ничего, выровнялся, всем туловищем врезался в дверь гостиной, распахнул ее и ввалился в комнату.

Напротив меня на серванте стоял пузатый графин с виски. Не видя ничего другого, я оказался рядом, дрожащими руками плеснул манящий напиток в бокал. Сделал глубокий глоток, и, издав, блаженный стон, замер, запрокинув голову...

Позади меня кто-то шумно выдохнул. Недоуменно моргнув, я резко обернулся, оглядывая пустую, как мне казалось, гостиную.

На краешке дивана, еле касаясь задницей бархатной подушки, сидел вчерашний журналистик. Выпрямленный и напряженный, он изумленно взирал на меня, готовый в

любой момент взмыть в воздух. Ну прямо нахолившийся галчонок, застрявший посередине между двумя ипостасями: уже не пушистый комочек перьев, но и не взрослая сильная особь. Так, недоразумение какое-то...

При еще более внимательном осмотре комнаты нашлась и причина его настороженности: Армстронг был рядом с писакой: не то, чтобы стоял прямо над душой... Хотя, даже находясь в нескольких метрах от гостя, дворецкий все равно производил именно такое впечатление.

А еще я вдруг осознал, что стою перед ними почти голый: в одних тонких кальсонах, с мокрыми волосами и алкоголем в руке.

Неловко получилось. Давно следовало перенести виски к себе в спальню.

— Доброе утро, Арм. Скажи, что вы мне просто снится, — проворчал я и плюхнулся в кресло.

Вопрос был риторическим. Как и следовало ожидать, Армстронг промолчал.

Интересно, как долго продолжалась эта немая сцена — нервно сидящий Малькольм и грозно возвышающийся над ним Арми до того, как я разрушил хрустальную красоту момента своим неуклюжим появлением?

— Здр... Здравствуйте, лорд Кавендиш, — журналист прочистил горло и медленно переполз в другую, более дальнюю от меня часть дивана. — Вы сказали прийти к вам следующим утром...

— А ты точно уходил?

Малек открыл было рот, чтобы ответить, но его опередил другой голос, страшный и хриплый. Звуки выходили рваными, неровными, исторгаясь из покоренного горла в боли и муках.

— Он тут... с шести часов... торчит..

Паренек подпрыгнул, затем, рухнув обратно, испуганно вжался в спинку дивана. Вот почему Армстронг старается не говорить без лишней необходимости — на неподготовленных людей его голос действует сокрушительным образом. Даже я, знающий дворецкого уже не один год, и то вздрогнул от неожиданности.

— Похвальное рвение, — кивнул я и откинул с лица мокрые волосы. — Удивился, что я уже не сплю?

— Удивился, что вы напиваетесь... Уже.

— Выпиваю, а не напиваюсь, — поправил его я и отпил из бокала.

— И зачем вы это делаете?

Я подержал во рту теркий виски, потом медленно проглотил его. Хотел насладиться вкусом элитного напитка, но вместо этого чуть не подавился кашлем. Алкоголь впился в горло, вызвав кратковременный приступ паники и тошноты. Если вдуматься, он давно перестал отвлекать меня или поднимать настроение... И правда, ЗАЧЕМ?

— Из-за скуки, — ответил я, когда удалось выровнять дыхание. Парень с мужчиной взирали на меня: один — с заботой, другой — с жалостливым отвращением. — Малёк, ты знаешь, что это такое — абсолютное бессилие и равнодушие?.. Когда доподлинно знаешь, что мир уже ничем и никогда не сможет удивить тебя?.. Когда главное чудо твоей жизни осталось в прошлом? Даже еще хуже — оно так и не случилось. Подошло вплотную, поманило беспредельным счастьем и гармонией и... Ушло. Умерло. Не судьба.

Парень уставился на меня своими большими светлыми глазами и будто бы затаил дыхание. То ли слушал очень внимательно, то ли наоборот, задумался и отрешился, ловя

отголоски каких-то своих, личных переживаний... Странно, он выглядит совсем юным, но откуда в его взгляде такая бездонная, безжизненная пустота?

— Знаю, — эхом откликнулся он.

— Ах, бросьте, молодой человек, — отмахнулся я. — Откуда вам знать? У вас еще вся жизнь впереди...

Из пустоты в его взгляде проросла едкая злость. Он вдруг перестал сжиматься, отмер, выпрямил спину.

— Также, как и у вас, Кавендиш, — бросил юный нахал. — Сколько вам лет?

— Двадцать четыре, — пробормотал я, смутившись. — Или двадцать пять...

— Хм. Выглядите на тридцать! А рассуждаете — на все пятьдесят.

Ну, спасибо.

— Я много пью, Малек. И мало сплю. В общем, не нужно брать с меня пример.

— И не собирался, лорд, — брезгливо скривил губы он. — Оставьте возвышенные изречения для своих недалеких женщин. Звучит жалко, а не мудро.

Арми в своем углу подобрался и что-то тихо прорычал, я же обомлел от такой неслыханной дерзости. С изумлением взглянул на журналиста, который медленно багровел, мысленно готовясь к тому, что на этот раз его точно выгонят вон. Но вместо гнева меня вдруг разобрал смех.

Я расхохотался — весело и задорно. Хохот шел изнутри, заставляя меня содрогаться всем телом, ломать и сбрасывать с себя корку осточертевшей скуки... Счищать с мыслей налет меланхолии.

Этот мальчишка!.. Как давно мне не встречались люди, открыто выражающие то, что думают! Он презирает Клиффа Кавендиша — также, как и многие другие. Но, в отличие от многих, не боится ткнуть меня лицом в мои недостатки...

И это действует удивительно освежающе!

4. Малёк

Одолела скука? Я вам устрою!

Когда-нибудь, когда я перестану так людо ненавидеть Кавендиша, то перестану раз за разом лезть на рожон. Надеюсь, однажды этот день все-таки наступит. Ведь именно за этим я и пришла к нему — чтобы добиться возмездия и заработать таким образом хоть какое-то подобие успокоения. Но пока мой настрой далек от покоя: вихрем злости и негодования, которую рождает во мне его персоне, можно выжечь дотла целый город.

Я почти не спала этой ночью, трясясь от волнения и нетерпения. Приехала к Кавендишу на рассвете — надеялась посидеть в одиночестве, собраться с мыслями до того, как изнеженный хозяин дома проснется... Не тут-то было. Попробуй собрать хоть что-нибудь, когда над тобой битый час нависает подозрительная туша жуткого дворецкого! Да и сам маркиз хорош — заявился в гостиную в таком непристойном неглиже, что мгновенно выдал всю испорченность своей омерзительной натуры. Стройный оголенный торс, вода, стекающая по темным волосам прямо на грудь, затуманенный взгляд...

Таковыми выходками только соблазнять романтичных барышень! Но Клифф не знает, что я девушка, да и ранний приход оказался сюрпризом... Выходит, это у него само собой получается — сводить с ума и не нести за это ни капельки ответственности?.. Ненавижу!

— Оставьте возвышенные изречения для своих недалеких женщин. Звучит жалко, а не мудро! — дерзкие слова вылетели в мгновение ока.

В гостиной повисло молчание. Я прикусила язык и повторно вжалась в диван. Наглая фраза может стать моей последней фразой, произнесенной в доме Кавендиша.

А Клифф почему-то не рассердился. Лишь рассмеялся и отставил стакан с мерзким пойлом.

— Что ж... Раз уж ты пришел так рано, пойдем завтракать. Миссис Коулман уже вовсю гремит посудой.

— Завтракать... вместе с вами?

— Да, — пожал плечами аристократ и испытующе взглянул на меня, — Или ты не пожелаешь сесть за один стол с чудовищем вроде Клиффа Кавендиша?

Ничего не оставалось, кроме как согласиться. Посажу с ним, так уж и быть, но есть деликатесы, купленные на слезы и честь бедных девушек, ни за что не стану.

— Арм, покажи мистеру Малькольму столовую, — скомандовал маркиз, поднимаясь на ноги. — Я переоденусь и тоже спущусь.

И вот я снова оказалась в обществе дворецкого, пугающего меня вплоть до трясущихся коленок. Мы покинули лаконичную гостиную и проследовали в столовую. Небольшое, как и другие комнаты, помещение отделано в темных тонах. Из украшений — мебель черного дерева: красивые резные стулья и основательный стол на десять персон. Одна из стен снизу доверху завешана красочными миниатюрами.

Значит, Кавендиш увлекается не только пороком, но и искусством, а еще избегает скоплений народа в своем доме. Удовлетворившись беглым осмотром интерьера, я опустила взгляд: не хочу снова показаться чересчур наглой. Армстронг сел напротив. Мужчина молчал (слава Богу!) и вроде даже не смотрел в мою сторону, но меня не покидало ощущение, что я под стражей.

Через двадцать минут пришел Клифф, и на этот раз он был ухожен и цветущ. Длинные

волосы аккуратно зачесаны назад, одежда выглядит идеально, запах парфюма сшибает с ног. Одним словом — бог.

И ведь мало ему быть просто красивым — хочет при этом выглядеть несчастным мудрецом. Сочиняет оды про скуку и безысходность... Пресыщенный богатенький сынок. Получал все по первому требованию, оттого и бесится теперь от уныния!

Сразу после этого вошла неприметного вида горничная и начала накрывать на стол. Еще одна женщина в возрасте втащила в столовую горшок с дымящимся содержимым. Завтрак не порадовал изобилием — каша, тосты, сыр и яйца.

Служанки суетились вокруг нас, а мы по-разному справлялись с неловкой ситуацией. Я разглядывала свои колени, выглядящие совсем тощими в мужских серых штанах. Хозяин дома непринужденно переговаривался с персоналом и тоже разглядывал меня. Армстронг пытался слиться с мебелью, но нетерпеливое пыхтение выдавало его с головой.

— У меня всего одна кухарка, да и та в возрасте, — сказал Клифф, когда женщины покинули столовую — На роскошные трапезы в моем доме можешь не рассчитывать.

— Я пришел к вам не за едой! — мне и до этого не особо хотелось есть, а уж после намек на столь низменные мотивы и вовсе аппетит пропал.

— Зря. Тебя не помешало бы немного откормить, — аристократ снова наградил меня своим фирменным взглядом: цепким, оценивающим, задумчивым. Тем, от которого, несмотря на всю его холодность, меня каждый раз бросало в жар. Я отодвинула от себя тарелку.

— Я не голоден. Спасибо.

— Все равно поешь, — с подозрительной теплотой сказал герцог.

— Не хочу!

— А я настаиваю.

Не знаю, сколько продолжалось бы наше препирательство, но человек-гора справа от меня зарычал что-то и с силой придвинул тарелку обратно. Жидкая каша хлюпнула и выплеснулась через край.

Хорошо хоть, не мне на штаны. Я — не богатенький наследник, и у меня нет возможности по несколько раз на день менять портки.

Порочный Бог сделал лицо аля «Чего и следовало ожидать».

— Не рекомендую выводить моего подчиненного из себя. Я — человек отходчивый и незлопамятный, а вот он... Кстати, мы с мистером Армстронгом познакомились в Пентонвиле^[2]. Угадаете, за что он отбывал срок?

Я осторожно повернула голову и посмотрела на верного слугу Кавендиша. Про Пентонвиль неудивительно, мужчина и напоминал самого обыкновенного бандита. Высоченный, грузный, с невероятным обхватом плеч и живота. Глаза маленькие, злобные. Лоб переходит в гладкую блестящую лысину, на щеках — кучерявая поросль рыжих бакенбард. И даже приличная с виду одежда совсем не добавляет ему лоска: из-под закатанных рукавов сорочки выглядывают мощные руки, сплошь покрытые татуировками, а из-под воротничка — толстая шея со старым отвратительным шрамом. А уж его голос!.. Я вспомнила тягучий и неприятный, словно скрип ржавого ключа, проворачиваемого в не менее ржавом замке, бас, и повторно покрылась мокрой испариной.

— Да, вы верно догадались, — ухмыльнулся Кавендиш, перехватив мой затравленный взгляд. — Именно за это!

Я кисло улыбнулась в ответ и взяла ложку. Утро начиналось фантастически. Что может

быть чудесней, чем завтрак с убийцей? Только завтрак с двумя убийцами. Хотя ты же сама мечтала еще хотя бы раз оказаться за одним столом со своим мучителем и врагом... Ешь теперь и не жалуйся.

— На кузена Марс О'Коннор вы тоже не держали зла? — спросила я, после того как съела для разрядки обстановки половину порции. Каша оказалась на удивление вкусной.

Кавендиш поскущел.

— Я расскажу вам о Джеймсе. В свое время.

— И о вашей невесте?

— И О НЕЙ, — чересчур резко бросил Кавендиш. — А теперь дайте поесть, любопытный вы наш писатель!

— Я не писатель, — тихо буркнула я, но уступила. Скосила глаза на притихшего Армстронга. Тот даже ел поразительным образом: аккуратно подносил кажущуюся игрушечной в громадных лапищах ложку ко рту, медленно смаковал каждый кусок, глотал медленно и беззвучно. Можно подумать, будто это он отпрыск голубых кровей, а не Клифф. Тот, к слову, кушал завтрак незатейливым образом.

Ну что за люди такие! Любой аристократ, нанимая дворецкого, в первую очередь справится о его порядочности, а Кавендиш притащил в дом преступника и душегуба... с внезапно изысканными манерами. Я отчего-то рассердилась и перевела взгляд на пестревшую яркими картинками стену.

И издала нечто вроде полузадушенного вскрика. Сердце бухнуло в груди и чуть не вытолкнуло кашу обратно.

На маленьких симпатичных картинках были пейзажи и интерьеры, а внутри этих пейзажей и интерьеров... люди. Голые или не до конца раздетые. Все они предавались плотским утехам: сами с собой, в паре (не обязательно разнополой), втроем и даже в целой компании. В разных позах, разной степени скрученности и сплетенности...

Определенно, то, что Кавендиш не чужд искусству, говорит в его пользу... Но что же это за искусство такое непотребное?!

***

Прогулка по кладбищу — то еще развлечение

— Нравится, Малёк? — от внимания Кавендиша не укрылся мой интерес к похабным художествам. — Хочешь подойти и рассмотреть поближе?

— Благодарю, не стоит, — выдавила я.

Глупо делать вид, что смотрела вовсе не туда, когда голова того и гляди взорвется от прилива крови. Но я все-таки попыталась: потупила взгляд и одним махом проглотила остатки каши. Не представляю, как должна себя вести приличная леди в подобной ситуации! В особенности та, что притворяется джентльменом...

Раздался полузадушенный, сиплый хрип — рядом корчился домашний головорез Кавендиша. То ли смеялся, то ли давился едой... Да уж, нечего себе льстить — приличные леди в такие ситуации просто не попадают!

Покончив с завтраком, Клифф сложил руки на груди и задумчиво посмотрел мне в глаза.

— И что с тобой делать теперь, маленький надоеда?

— Вы обещали рассказать правду, лорд Кавендиш, — напомнила я.

Тот как-то нехорошо хохотнул.

— Само собой, Малёк, само собой... Но не сейчас. Помимо исповедей у меня ведь есть и основная работа.

— Гхм... Это та, которая растлительная?

— Ага. В общем, я пока займусь ею, а ты иди погуляй где-нибудь. После обеда уделю тебе немного времени.

Я выглянула в окно. Между голыми, печально склонившимися ветви ивами и раскоряченными дубами виднелся неровный строй могильных крестов. Погулять, лорд Кавендиш? Не вопрос. У вас около дома такие места занимательные... Так и тянет пройтись, подышать свежим воздухом.

Опасения, что настырный дворецкий захочет сопровождать меня еще и на улице, не подтвердились. Входная дверь с грохотом (как невежливо, мистер Армстронг!) закрылась за моей спиной, и я осталась в гордом одиночестве. Протопала по хрустящему гравию подъездной дорожки и вышла за калитку. Пустынная улица, вдоль которой стояли огороженные здания, выглядела не привлекательней погоста.

Вжав голову в плечи (отчего-то казалось, что хозяин дома вместе с подручным наблюдают за моими перемещениями из бликующих окон), я обошла особняк сбоку и направилась в сторону приветливо распахнутых ворот Бромптонского кладбища.

Правда, приветливыми они оказались лишь на первый взгляд.

— Хороним только по предварительной записи! — стоило мне ступить на территорию мертвых, из сторожки выглянул старичок грозного вида.

— Запишите на следующую среду, — буркнула я исподлобья.

Сегодня вторник — надеюсь, восьми дней для осуществления моего плана будет достаточно.

— Для кого организуешь погребение, малец? — в руках сторожа сама собой материализовалась толстенная книга, куда испокон веков вносились имена готовящихся к вечному упокоению граждан.

Я задумалась, после чего зловеще промолвила:

— Как пойдет...

Разглядев мое траурное лицо, сторож раздумал спорить.

— Ладно, можешь походить, выбрать место пока что... Свежие захоронения у нас в восточной части. Только веди себя прилично, понял? Цветы не срывай, могилы не трогай, с главной дорожки не сходи!

Я ответила ему мрачным взглядом. Надо же, какие хорошие люди живут в этом райончике! Не только отправили погулять по местному кладбищу, но еще и место себе присмотреть разрешили. Этот старикан с маркизом, случайно, не родственники?..

Центральная аллея погоста встретила меня истошным карканьем воронов, поднявшихся в воздух при моем появлении. В первой линии, на сколько хватало глаз, стояли склепы богатых семей Лондона: с лепниной, витыми чугунными решетками на маленьких окнах. Мертвые аристократы даже после смерти продолжали кичиться и хвастаться друг перед дружкой. Ни один склеп не повторял другого, каждый стремился переплюнуть соседа в вычурности отделки, и, если не вспоминать об обстоятельствах, вынудивших меня появиться на кладбище, эту прогулку можно было бы назвать приятным осмотром достопримечательностей.

Но, какой бы красивой не оказалась архитектура загробного мира, мне в ней чего-то не доставало... Быть может, настоящей скорби — той, которая жила в моем сердце с тех самых пор, как я повстречала Кавендиша?

И, отойдя подальше, куда не доставал зоркий взор кладбищенского надсмотрщика, я все-таки отвела душу. Погладила ангела с плешивой, покрытой пятнами мха кудрявой головенкой. Подняла с земли оброненный недавней процессией цветок, переломила его около бутона и вставила себе в петлицу. И, окончательно обнаглев, свернула на боковую дорожку.

Что мне наставления какого-то незнакомого деда? Я — человек без имени, без звания и происхождения. Не леди и не джентльмен. Мое прошлое запятнано грехом, а будущее скрыто безысходностью. У меня есть только настоящее. Короткий миг свободы и вседозволенности, где личность без пола и регалий вольна делать то, что пожелает.

А желает она — мести.

И сейчас, когда Клифф Кавендиш предоставит мне доступ к своим самым сокровенным тайнам, я наконец смогу воздать ему по заслугам. Я извлеку на белый свет все его мерзкие секреты и предоставлю их широкой общественности. Напишу такую статью, после которой его жизнь тоже пойдет под откос.

Тогда наше положение наконец сравняется. У развратника лорда, как и у меня, останется всего два пути — лечь в могилу или сменить имя и притворяться девушкой...

5. Малёк

Что-то на воспоминания потянуло

В глубине некрополя царили зелень и запустение. С деревьев спускались лианы, опутывая кресты и фигуры каменных святых. Пожухлая трава росла так густо, что через нее приходилось буквально продираться. Ботинки застревали в грязи, ветви кустарника цеплялись за одежду, но сменой маршрута я осталась довольна: находящиеся здесь могилы вызывали отклик в душе. И заставляли снова вспоминать о своей загубленной судьбе.

Конечно, глупо было надеяться, что спустя пять лет Клифф узнает меня — в биографии Кавендиша отметились десятки, если не сотни таких же наивных глупышек... Всех не упомянуть!

А вот я его помнила прекрасно. Его взгляды, слова, прикосновения... Наша история началась внезапно, и также скоропостижно закончилась — оборвалась настолько резко и мучительно, что все проведенные рядом с ним секунды навсегда врезались мне в память. Въелись намертво, выжглись клеймом на сердце...

Тогда меня еще звали Амелией Обри-Флетчер, и я, дочка небогатого барона, пусть и не могла похвастаться завидным приданым, зато имела репутацию спокойной и образованной девушки. Особой красотой не славилась, но могла составить достойную партию какому-нибудь престарелому графу из глубинки.

Моя жизнь текла легко и размеренно до тех пор, пока однажды на моем пути не возник наследник рода Кавендиш... И возник весьма вовремя и эффектно, стоит признать. Я ехала домой от кухни, когда мой экипаж попал в затруднительное положение: дороги размыло после двух недель постоянных дождей, колесо застряло в одной из колдобин и так в ней и осталось. Можно было бы попробовать добраться верхом, но лошади с детства казались мне дьявольскими отродьями. В общем, я уже готовилась провести ночь посреди дороги — в холодной, накрененной повозке наедине с кучером — и тут в окошко моего несчастного транспортного средства заглянул ОН.

Высокий, красивый пэр, одетый в темное. Я знала, что неподалеку живет молодой маркиз с несметным состоянием, но общаться не доводилось: не тот вес. Что ж, вот и выпал шанс познакомиться... Ни потоки воды, льющиеся с неба и стекающие по его черным волосам, ни грязь, хлюпающая под дорогими туфлями аристократа, не смогла сделать его менее прекрасным в моих глазах...

Он спас меня из моего ужасного положения. Взял на руки, чтобы я не испачкала платье, и донес до своей роскошной кареты, которой не были страшны никакие ямы и лужи. Он был очень мил, и также, как и всегда, обольстителен. Довез до дома и любезно пригласил меня заезжать в Лайон Парк, свое родовое поместье. Позже захаживал ко мне сам. Один раз, второй... На третий все и случилось.

Он соблазнил меня просто, словно бы между прочим. Мимоходом, почти не отвлекаясь от других, не менее занимательных и веселых времяпрепровождений. И ладно, если бы ему пришлось изрядно потрудиться для этого... Так нет! Я сама упала ему в руки. Клифф стал для меня богом задолго до того, как этим прозвищем наградила его пресса. Я видела в нем небожителя: восхитительного мужчину, который по определению не может сделать ничего гнусного или неправильного...

Над головой резко закричала птица, и я вынырнула из воспоминаний. Погрузившись в

печальные думы, я совсем не заметила, что забрела практически в чашу. Кладбище приобрело запущенный, даже зловещий вид... Не то, чтобы я испугалась — город близко, вон особняк Кавендиша виднеется в просветах между деревьями... Но на всякий случай повернула назад. А перед этим размахнулась и со злостью пнула некстати подвернувшийся под ногу гриб.

Получилось не очень удачно — ботинок улетел вместе с грибной шляпкой в ближайшие кусты. Черт... Уже четыре месяца живу в образе мужчины, но так и не смогла привыкнуть к их одежде... Болтается на мне, будто на вешалке, сковывает движения. В башмаки так вообще приходится закладывать вату, потому что даже самые маленькие размеры джентльменской обуви оказались для меня чересчур велики...

Совсем не по-женски ругнувшись, я пропрыгала на одной ноге к дезертировавшему ботинку, пару раз оступившись в отвратительную мокрую траву, и погрозила кулаком дому Кавендиша.

Так что же было дальше?..

Я думала, Клифф спас меня. Но вышло иначе. Он меня уничтожил.

После нашей первой и единственной ночи богатый мерзавец пропал, и моя волшебная любовная сказка стремительно скатилась в позорный кошмар. По какой-то нелепой случайности о произошедшем стало известно всем, начиная со слуг и заканчивая родовитыми соседями. В мою сторону плюнули все, кто только смог дотянуться — и лишь Кавендиш-старший остался в стороне, взирая на проделки сына с равнодушием, достойным герцогского титула.

Меня постарались упрятать. Заперли в доме, перестали выводить в свет. Надеялись, так сплетни быстрее утихнут... Впрочем, все знали — это теперь навсегда. Позорная отметина на целом семействе, которую не смоешь.

Мои родители были добры ко мне, и когда стало ясно, что достойного будущего у Амелии Обри-Флетчер больше нет, разрешили ей уехать в Лондон. К дяде, владеющим небольшим издательским бизнесом. Он приютил меня и взял к себе на работу. Я выбросила женскую одежду, подстригла волосы и взяла имя Лукаса Малькольма. Этот был тот момент, когда ничем не выдающаяся внешность сыграла мне хорошую службу...

Каким-то удивительным образом (провидение — не иначе!), поплутав по зарослям, вымокнув и окончательно обозлившись на весь белый свет, я все-таки выбралась к упомянутой дедом восточной части погоста. А оттуда — к центральной.

Переполющенная праведным гневом, перепачканная и увешанная колочками, я направилась к особняку Кавендиша. Хватит с меня загробных достопримечательностей. Буду сидеть у порога дома (если понадобится, даже лежать), но дождусь обещанной аудиенции. А на кладбище — больше не ногой. Если только бывшего возлюбленного в последний путь проводить...

Впрочем, сидеть (а тем более лежать) не пришлось. Хозяин дома вместе с дворецким встретили меня во дворе. Рядом переминались с ноги на ногу два гнедых жеребца, запряженные в экипаж. На всякий случай обойдя животных по большой дуге — наверняка лошадей, как и слуг, самых зверских себе отбирает — я осторожно приблизилась к Клиффу.

Увидев меня, тот одобрительно кивнул.

— Хорошо, что ты заранее измазался.

Слова прозвучали как-то уж слишком многообещающе.

— И что в этом хорошего, лорд? — с подозрением спросила я. Думала, будет ругать

меня за неподобающий его великосветскому обществу облик, а он наоборот... Хвалит!

— Пока тебя не было, я принял решение. Наблюдая из окна, как ты блуждаешь по кладбищу и пинаешь надгробия...

— Я вовсе не...!

— Пинал, Малёк, — во взгляде Кавендиша проскользнул отеческий укор, — я ж видел, что пинал. Не перебивай меня. Так вот, наблюдая за тобой, я пришел к выводу, что у нас с тобой гораздо больше общего, чем показалось вначале. И решил позвать тебя на дело.

— ДЕЛО?!

— Да. Одна из моих девочек... Ох, не делай такие глаза, ты прекрасно понял, о ком я говорю — о шлюхах... Так вот, одна из них скоро будет вынуждена покинуть мой притон, и мне нужно срочно подыскать ей замену.

Даже не знаю, что меня поразило сильнее — то, что Клифф наблюдал за мной, или что оказал честь стать свидетелем своих сутенерских делишек?!

— Спасибо, лорд Кавендиш, — откашлявшись, выдавила я. — Но причем здесь грязь?

— Она понадобится для маскировки, — заговорщицки подмигнул он. — Там, куда мы отправимся, грязи будет предостаточно...

6. Клифф

Будешь моим секретарем, парень?

Полчаса тряски в карете и, судя по усиливающемуся запаху вони и гвалту голосов, долетающих через плотно зашторенные окна, мы почти на месте.

Во время визитов в Ист-Энд я всегда стараюсь соблюдать инкогнито — намеренно одеваюсь в простую и невзрачную одежду, делаю выбор в пользу небогатого экипажа.

Так никто не таращится на меня, не просит милостыню и в карман лезет не чаще, чем обычно. Прозвучит гнусно, но мне нравится бывать в бедных районах: порой самый действенный способ справиться с меланхолией, это своими глазами увидеть, что другим в этом городе живется куда хуже. Каждый визит в трущобы — встряска, которая благотворно влияет на мое эмоциональное состояние: после нее я начинаю благодарить судьбу за то, что она подарила мне, а не проклинать за то, что отобрала... Жаль, хватает этого средства не очень надолго.

— Зачем я вам понадобился? — хриловатый голос юноши вернул меня к реальности. Он снова сидит напротив, не сводя с моего лица требовательного взгляда. Взъерошенный, колкий, угловатый. Приготовившийся спорить и отстаивать правду и честь... Эх, дурачок!

Я вздохнул и слегка улыбнулся. Вот именно потому и понадобился. Твое присутствие отвлекает меня от упаднических настроений, а твои постоянные раздражающие вопросы — от собственных, слишком настойчивых и тягостных мыслей.

Помимо этого я хочу посмотреть, как мальчишка отнесется к уже ставшей для меня обычной составляющей жизни — бедности и пороку. Что-то подсказывает: нынешняя поездка станет встряской не только для меня, но и для него. Возможно, Малёк даже захочет пересмотреть некоторые из своих самых непрошибаемых принципов... Потому что защищать угнетенных издали, сидя в теплой уютной гостиной, и самому столкнуться с угнетенными, шагнуть в их смердящий болезнями и отчаянием мир — разные вещи.

В общем, я взял Лукаса по целому ряду причин. Но ему расскажу только самую очевидную.

— Чтобы написать правдивую и точную статью, тебе придется на время стать моей тенью. Сопровождать меня везде, наблюдать за мной... К тому же, мне не помешает лишний помощник и советчик. Арми хорош, но уж больно молчалив, — я покосился на деревянную перегородку, за которой сидел управляющей каретой дворецкий. — Надоело додумывать за него реплики. Так как, согласен поучаствовать в моей «растлительной, насаждающей порок» работе?

Малькольм передернул плечами. На его правой щеке — маленькое пятнышко грязи, которое мне почему-то хочется стереть рукой. Оно мозолит глаза и постоянно притягивает взгляд.

— Не понимаю, почему я должен сочувствовать вашим трудностям? Девушку, умирающую от сифилиса, мне, конечно, жаль, а вот вас...

— Сифилис? — перебил его я. — О, нет. Все куда прозаичнее. Она выходит замуж.

— ЗАМУЖ, — повторил мальчишка и сделал такие глаза, что меня снова начал разбирать смех. — Как это — замуж?!

— Обычно. С фатой, священником и праздничной церемонией. Знаешь ли, за время работы в борделе девушки осваивают множество полезнейших в браке умений... Тех,

которым не научат дома или в пансионах благородных девиц. А если учесть, что в бордель они попадают после тяжелой жизни в собственных семьях, где им приходится и готовить и убирать... Все это делает из проституток прекрасных невест.

Малёк так надулся, что я перестал насмешничать и замолчал. Того и гляди, лопнет от негодования. Придется обивку салона менять.

Армстронг натянул поводья, и лошади послушно остановились. Я выглянул в окно и вынес вердикт:

— Приехали.

— Куда?..

— Скоро узнаешь. Идем.

Дворецкий высадил нас в стороне от места назначения, дабы не привлекать лишнего внимания. До работного дома еще целый квартал, который мы преодолеем пешком — если, конечно, сумеем пробраться через здешний хаос.

Я держусь подальше от зданий, нависающих сверху уродливыми нагромождениями покосившихся досок и ломающихся перекрытий. Гуляя вблизи окон, можно попасть под ядерный дождь из наполнений чьего-то ночного горшка, да и перешагивать через ноги валяющихся у стен пьяниц то еще удовольствие. Впрочем, прогулку по середине тротуара тоже нельзя назвать скучной: дорогу ежесекундно переходят, перебегают и переползают десятки простолюдинов. Торговцы, прачки, извозчики, нищие и попрошайки... Последних особенно много, и почти все они не достают мне даже до груди — дети-беспризорники, одетые в лохмотья, крутятся вокруг, словно стайка юрких рыбешек.

Мне то и дело приходится оборачиваться, проверяя, что Малёк не потерялся в этом беснующемся море бедняков. Он пытается поспеть за мной — из-за разницы в длине наших ног на каждый мой шаг пареньку приходится делать два. Встречая лужи и ручьи, корреспондент смешно подпрыгивает, стремясь не испачкаться в их отвратительном содержимом.

Кажется, Лукас робеет, но наперекор мне хочет казаться бесстрашным и уверенным. Вкупе с бешеными прыжками он похож на объевшегося белены зайца.

Догнав меня в очередной раз, парень схватил меня за рукав.

— Лорд Кавендиш, — его голос осип от волнения. — Какой-то мальчишка только что стащил у вас кошелек!

— Ничего удивительного, это же Ист-Энд. Я всегда беру с собой два бумажника, когда приезжаю сюда. Один для непризорников, другой для собственных нужд.

— А если второй тоже украдут?

— Исключено. Он у Армстронга.

К дворецкому не сунется ни один воришка. В нем с первого взгляда признают авторитета — такого же несчастного уроженца трущоб, сумевшего выбиться «в люди». Жизнь оказалась к нему благосклонна, подарив шанс закончить с разбоем, но проверять его на терпение и потерю цепкости? Нет, дети улиц не настолько глупы.

Вынырнув из удушающей тесноты кривой улочки, мы вышли на небольшую площадь. За высоким крепким забором виднелись несколько больших зданий. Я на миг остановился, сжав челюсти и почувствовав знакомую тяжесть в груди. Слишком уж это место напоминает тюрьму, где мне довелось провести незабываемые шесть месяцев...

Около входа в работный дом выстроилась толпа из бедняков. Сюда сдаются целыми семьями, когда иного шанса выжить не остается.

Я повел Армстронга и Малька в обход очереди, потупив взгляд. Мне-то повезло (хотя о каком везении речь? Спасибо «продажной системе правосудия», как говорит Лукас!). Клифф Кавендиш вышел из своего заточения. А вот выйдут ли они?..

Мы обогнули забор и подошли к калитке черного входа. Около нее, переминаясь с ноги на ногу, нас ожидал невысокий и полный... человек.

Да, хоть я и пользуюсь услугами Оливера Олсоппа, назвать его «джентльменом» никак не смогу.

— Добрый день, господа! Лорд Кавендиш... — толстяк снял шляпу, приоткрыв блестящую лысину, и поклонился, — мистер Армстронг и...

Он перевел недоуменный взгляд на моего третьего спутника.

— Мистер Малькольм, — сказал я и положил руку на плечо Малька. — Мой новый секретарь.

Щуплые плечи напряглись — парень сжался и хотел высвободиться, но в последний момент передумал. Лишь с тоской посмотрел на крыши корпусов работного дома. В его глазах застыл испуг.

— Это мистер Оливер Олсопп. Он помогает мне, когда... В общем, помогает в некоторых щекотливых ситуациях, — надеюсь, журналист все поймет и не полезет с расспросами или нотациями в этот не очень удобный для проповедей момент.

Новоявленный «секретарь» нахмурился, но промолчал.

— Приятно познакомиться! Пойдемте, девушка ждет нас, — Оливер толкнул дверь, а потом вдруг застонал и, понизив голос, произнес с упоением: — Ох, какой же бриллиант я нашел для вас, Ваше Сиятельство! Элайза — настоящая драгоценность! К тому же, девственница...

***

Когда что-то пошло не по плану...

Я скептически хмыкнул, но позволил Олсоппу и дальше расхваливать неведомую бедняжку. Предлагать дурнушек не в его интересах: чем выше я оценю данные будущей куртизанки, тем большую сумму он получит за сделку. Хотя насчет ее «драгоценности» меня одолевали сомнения. Маловероятно, чтобы в здешних грязи, унынии и мраке могла отыскаться подлинная красота. Тем более — девственная.

Арми остался ждать у входа, а мы с Лукасом и Оливером отправились на встречу с обитательницей работного дома. Изнутри его территория оказалась еще больше похожа на тюрьму, а редкие постояльцы — на изможденных заключенных.

В большом и замусоренном дворе почти никого не было: местное «население» трудится с рассвета и до заката.

— Почему здесь столько зданий? — с недоумением спросил Малёк, а я сделал в голове заметку насчет его прошлого.

Может, он и не из богатеньких слюнтяев вроде меня, но на грани нищеты явно никогда не стоял. Иначе был бы в курсе устройства таких заведений.

— Детей, начиная с двух лет, держат отдельно от родителей. Мужчин от женщин тоже.

— Как, даже женатых?..

— Их особенно, — усмешка вышла горькой. — Чтобы не размножались.

Лукас споткнулся и перестал задавать вопросы. Видимо, догадался, что ответы только расстроят.

Женское крыло дома встретило нас гулкой тишиной и спершейся вонью, такой густой и отталкивающей, что пришлось затаскивать себя чуть не за шиворот. Прижав к носу белый платок, Олсопп показал нам дорогу — вверх по лестнице и налево, в одну из ледяных, еще более студеных, чем улица, спален.

Навстречу поднялись две женщины. Обе в простых серых рубахах, сшитых из мешковины, с коротким ежиком волос и затравленным выражением на почти одинаковых лицах.

Они были похожи друг на друга. Одна — явно мать. В общем-то, еще не старая... Но Оливер не стал бы предлагать ее в мой публичный дом и, тем более, называть «бриллиантом». А вот дочь... Я внимательней всмотрелся во вторую хрупкую фигурку и потерял дар речи.

— Мисс Элайза Бёрджесс, — с гордостью продекламировал Оливер и слегка пихнул застывшую девушку. Та села в неловком реверансе, не сводя с меня огромных глаз темно-серого цвета и пряча руки за спиной. Проклятье, а ведь и правда

Удивительная форма лица — со сглаженными углами скул, лба и подбородка. Напоминает ограненный драгоценный камень. Головка маленькая, шея тонкая и изящная. Яркие губы, выделяющиеся манящим пятном на обескровленном лице...

Далеко не каждая леди может похвастаться такими внешними данными. Надень на нищенку парик и приличное платье, чуть-чуть накорми, развесели... Дай созреть годик-другой, и получится красавица, каких мало. Половина аристократок Лондона удавились бы от зависти при виде простолюдинки из Ист-Энда.

Я сглотнул, чувствуя, как ко мне снова возвращается способность говорить. Изумление медленно переходило в раздражение. Такую дорогу проделал, и все зря! Зато тайна девственности открылась...

— Но она ведь еще ребенок... — захотелось надавать алчному Олсоппу по шее. — Элайза, сколько вам лет?

Брови последней подскочили наверх и жалобно изогнулись. Оливер ответил за нее.

— Ей четырнадцать. Но вы не думайте о возрасте! Лучше посмотрите на ее лицо, тело... Она здорова, красива и вполне сформирована!

В доказательство своих слов Олсопп подтолкнул девчонку ко мне, дернув ворот ее платья. Трухлявая ткань лопнула, обнажая хрупкое, но уже округлое плечико с нежной тонкой кожей.

— Ее здесь не били, видите? Ни ссадин, ни синяков!

Конечно, не били. Здесь бьют только мальчишек. Но это не значит, что девочкам приходится легче. Элайза покраснела, ее руки рефлекторно дернулись вверх, чтобы прикрыть наготу... На полпути замерли и быстро юркнули обратно за спину, но я успел рассмотреть ярко-красные, стертые до крови пальцы. Единственный изъян в совершенной внешности.

— Ладони стертые из-за пеньки^[3], — поспешил успокоить Оливер. — Заживут в мгновение ока, если дать им покой.

— Я не нанимаю на работу детей, мистер Олсопп, — холодно повторил я.

— И зря! — делец подскочил ко мне. — Некоторые клиенты готовы платить втридорога за возможность оказаться с нетронутой малолеткой!

Последнюю фразу он обронил тихо, практически прошипел, но каждый в комнате отреагировал на нее — либо расслышал, либо догадался о ее значении.

Как бы ужасно ни звучало, но он был прав. И мне вдруг стало ужасно неловко — редкая эмоция для отпетого негодяя вроде меня... Перед юной Элайзой, вынужденной выбирать между проституцией и жизнью в работном доме, перед ее бедной матерью, альтернатив для которой уже не существовало, и, главное — перед Малькольмом, замершем у входа с белым, как простыня, лицом.

— Прошу прощения за беспокойство, — выдавил я и развернулся, собираясь уходить.

— Пойдите, господин! — ко мне бросилась молчаливая до этого мать. — Возьмите мою дочь, прошу вас!.. Не оставляйте ее здесь!

Она схватила меня за руку такими же изуродованными, как и у дочери, ладонями, посмотрела полными мольбы и слез глазами... Я перевел взгляд на Элайзу. На ее чистом лице отразилось жгучее разочарование и страх. Страх быть отвергнутой.

— Ладно, — после долгой паузы протянул я. — Пошли. Вещи?..

— У меня ничего нет, — впервые за все время открыла рот девочка. Голос подстать личику — тонкий, нежный, неуверенный. А потом бросилась обнимать мать. Обе разрыдались, прижимаясь друг к другу и прощаясь, возможно, навсегда..

Остаться здесь далее было невыносимо. Я прошел мимо Малька, не в силах поднять на него глаз. Спустился по лестнице и вышел во двор, жадно вдыхая пропахший нечистотами воздух трущоб. После пропитанного отчаянием и смрадом сотен немытых тел помещения он казался сладким, как благовония.

Никто не захотел задерживаться в работном доме надолго. Уже спустя минуту в проходе появились Олсопп с Элайзой, взвизгивая на белый свет так ошарашенно, словно не видела его долгие годы. Казенная одежда была слишком тонкой для промозглого февраля, подросток куталась в дряхлое одеяло. Самым последним показался мой новый секретарь. Он шел деревянной походкой, хмурясь и смотря прямо перед собой.

— Схожу договорюсь с надзирателем, заберу документы мисс Бёрджесс, — довольный Олсопп подвел продрогшую Элайзу. — Вы подождете меня или..?

— Нет, мы не будем вас ждать. Как закончите, приезжайте ко мне для получения гонорара, — нацепив лицемерную улыбку, я пожал руку Оливеру и некоторое время смотрел вслед его удаляющейся, слегка подпрыгивающей от радости фигуре.

Мы втроем вышли за ворота, где нас терпеливо ожидал Армстронг. Задавать лишние вопросы не в его характере. Увидав девочку он молча снял теплое пальто и накинул его ей на плечи. Тяжелый драп рухнул сверху и чуть не свалил бедную с ног, опустившись до самой земли. Опасаясь, как бы дворецкий не напугал ее до потери сознания, я сам помог ей дойти до экипажа и залезть внутрь.

Когда бывшая обительница работного дома спряталась внутри теплой и надежной кареты, я подошел к слуге.

— Вези ее домой. Поработает пока у нас горничной, а там посмотрим... Когда придет Олсопп, заплати ему вдвое меньше обещанного. И объясни, что я больше не собираюсь иметь с ним дел. Объясни ДОХОДЧИВО, понял?

— Да, сэр, — просипел-прогрохотал Арми и полез на козлы.

Экипаж тронулся с места, а я повернулся к необычно тихому Малькольму, подбирая слова.

— Завершенные сделки, удачные или не очень, принято обмывать... Пойдем, здесь

неподалеку есть хороший паб...

Лукас съежился и посмотрел тусклым, ничего не выражающим взглядом.

— К тому же, — у меня вырвался смешок. — Дома в ближайшее время лучше не появляться!

***

Кажется, я тебя раскусил!

Я притащил Малька в одну из пивнушек неподалеку. Понурый юноша, совсем не похожий на завсегдатая питейных заведений, пошел за мной безропотно. Проследовал в открытую дверь, который я зачем-то попридержал перед ним, и растерянно огляделся.

Паб «Бедная Дженни» находился в нескольких кварталах от рабочего дома и кишашего нищими проулка, на более тихой и благополучной улице. Владелец выставил цены чуть выше, чем по району, поэтому отпетые бандиты и бедняки обходили это место стороной, но и почтенный люд сюда редко заходил. Контингент — простолюдины, кое-как сводящие концы с концами и подчас пропивающие весь заработок.

Здесь всегда хватало народа, сейчас же, ближе к вечеру, было и вовсе не протолкнуться. Благо, дядюшка Генри, хозяин чудесного места, еще ото входа заметил постоянного клиента и шепнул что-то на ухо вышибале. Тот мигом поднял за шиворот двух задремавших пьянчуг у окна.

Малькольм плюхнулся на освободившееся место и уставился в сторону. На улице уже скапливалась темнота, ранние сумерки наполняли подворотни и закоулки Ист-Энда неуютными тенями, шорохами, всхлипами. Но в «Дженни» звуки трущоб преобразались: здесь стоял грубый смех и гомон веселых бедняков. Приглушенное освещение мешало как следует рассмотреть других посетителей — и к счастью, наверное.

Генри не заставил себя долго ждать: секунда, две, и он уже стоит около нашего столика.

— Добрый вечер, Ваше Сиятельство. Вам как всегда, или... — он метнул взгляд на скукожившегося мальчика, — в двойном размере?

— Как всегда, — решил я. Компаньон много не выпьет, да и мне не стоит усердствовать.

— Как скажете, — согласился мужчина и мгновенно исчез.

Вот за это дядюшка Генри мне и нравился. В нем была гордость, свойственная человеку благородного происхождения, а его фартюк и свисающее с руки полотенце всегда были чисты. Также, как и помыслы — ни разу он не попытался обмануть меня, за что я благодарил его щедрыми чаевыми.

Хозяин появился еще один раз — поставил перед нами простую бутылку без пробки и этикеток и две маленькие рюмки. Удовлетворенно кивнув, я наполнил одну стопку и придвинул ее к Мальку.

— Пей.

Уговаривать его не пришлось — журналист схватил мутную стекляшку и сходу вылил в себя содержимое. Я аж зауважал его, всматриваясь в лицо мальчишке и ожидая реакции.

Странно видеть Малькольма таким покорным. Странно и... приятно? Молчаливая кротость была к лицу маленькому пареньку: ершистость секретаря успела изрядно поднадоесть... А ведь мы не общались еще и двух дней.

Как и ожидалось, гортань и желудок Лукаса повели себя не так решительно, как его руки и мозг. Он побагровел и закашлялся, вцепившись в рюмку и бессильно открывая рот — хорошо хоть, обратно не отрыгнул. Столик нам достался крохотный, я протянул руку и похлопал парня по спине, выражая понимание и сочувствие. Он ошарашенно выпучил глаза, но бУхать перестал. Замер, постепенно возвращая себе прежний цвет лица.

— Спасибо, — прохрипел Малек.

— Не за что.

Я убедился, что галчонку ничего не грозит, и наполнил свою рюмку. Но насладиться вкусом заказа не успел — секретарь сгреб вторую порцию и отправил ее вслед за первой, на этот раз с куда большим успехом.

— Хм, — глубокомысленно изрек я.

Что и говорить, виски здесь подают отменный, хоть и дешевый. Когда дело касается алкоголя, деньги и статусность не имеют значения. Уж не знаю, что за смеси готовит у себя в подвале Генри, и сколько в них градусов, но после пяти-шести рюмок я сплю крепко и безмятежно, аки младенец. Даже пытался выведать рецепт или закупиться волшебным эликсиром впрок, но старый плут ни за что не хочет делиться своими рецептами и отваживать постоянного посетителя. Эх, наслал бы на него Арми, да совесть не позволяет!

Третью и четвертую стопку постигла та же участь, что и предыдущие. Насилу отхватив себе пятую дозу, я смирился с поражением и позволил Мальку самому управляться со стремительно пустеющей бутылкой.

Зря я его так сразу в самую драму жизни потащил... Он, конечно, выскочка и наглец, каких поискать, но настоящего ужаса никогда не видал. Сидит теперь и молча напивается, хочет заглушить гадкие воспоминания. Только не получится, брат...

Стоило мне опять начать сочувствовать ему, как у того вдруг прорезался голос. Такой громкий, резкий и требовательный, что я мигом заскучал по прежнему подавленному Лукасу.

— И, как?!.. — со стуком опустив на стол рюмку, грозно спросил он. — Довольны сделкой, лорд?

— Чшшш, — осадил его я, оглянувшись по сторонам. — Не нужно орать на весь паб, что я лорд. Знаешь, мне понятны твои чувства, но не следует...

— Нет, не понятны! Вы ничего не знаете ни о моих чувствах... — он помахал указательным пальцем перед моим носом, — ... ни о чувствах тех женщин, которых используете и унижаете!

Прежде, чем я успел ответить на стандартное обвинение, рядом возник хозяин паба.

— Чудесный вечер, правда, господа? Принести еще бутылку, чтобы сделать его еще лучше?

Малёк поднял свирепый взгляд — хозяину явно не удалось разрядить обстановку.

— Не надо, спасибо, — примирительно улыбнулся я. — Ступай, Генри.

Вообще-то я сам собирался напиться в этот вечер. Расклеиться и всласть порассуждать о жизни, а потом позволить Мальку транспортировать меня до дома... Но, похоже, собственное пьянство придется отложить на будущее. Должен же хоть кто-то из нас остаться трезвым.

Малькольм тем временем распалился еще больше. Разудалым движением снял с себя шляпу и водрузил ее на стол. Встряхнул головой и взъерошил волосы, отчего светлые волнистые пряди свободно рассыпались по его плечам, и расстегнул пару пуговиц на

воротнике рубашки, показывая тоненькую шею.

— ПОЧЕМУ?!

— Что «почему»? — я с опаской наблюдал за метаморфозами юного скандалиста.

— Почему в мире все так устроено, лорд? Где справедливость? Женщины вынуждены работать, стирая руки в кровь, тогда как ВЫ... — он обвел рукой поддатых посетителей, сверкая глазами, и осекся, — ...как все МЫ просто сидим тут и напиваемся, как кучка грязных и жалких свиней?!

Тирана прозвучала в полной тишине — Малёк говорил так страстно и увлеченно, что смог докричаться до каждой «грязной и жалкой свиньи» в пабе. Сам он этого не заметил и продолжал с увлечением проповедовать.

— Почему женщин считают за людей второго сорта? Разве они не заслуживают иметь такие же права и свободы, как и мужчины? Право голоса, например?

Последнее предложение не возымело популярности среди рабочих. С разных сторон послышался недовольный ропот:

— Право голоса им, еще чего не хватало...

— Бабам только дай поговорить...

— Ага, ни за что не заткнуться!

К недовольным высказываниям подключились хмурые взгляды не желающих ничего менять в устройстве мира клиентов. Я поспешил отвлечь Малька, пока он не навлек на нас волну народного гнева. Накрыл его маленькую ладошку своей и наклонился к его лицу.

— Оставим пока женщин в покое, Лукас! Давай сменим тему. Хочешь, поболтаем обо мне?

Уловка подействовала. Паренек заткнулся и вперил в меня огромные светлые глаза, в которых воинственный огонь борца с несправедливостью сменился горячим, влажным блеском...

— О вас, мистер Порочность? — хрипло переспросил он и ухмыльнулся, дерзко приподняв правый уголок рта и обнажив ровные и белые, как жемчужины, зубки. — Ну давайте... Вы обещаете честно ответить на все мои вопросы?

— Да, — выдавил я и отдернул от него руку. Передвинул стул и отсел подальше, насколько позволяли скромные габариты стола. На меня вдруг полыхнуло жаром от его хрупкого тела.

Господи, что с этим юношей не так? Заявился ко мне в дом, нападает с обвинениями и претензиями, да еще и смотрит так, будто готов съесть меня заживо?!

Я кинул на него осторожный взгляд и в груди заныло от внезапной догадки. Как же я сразу не додумался! Эти тонкая фигура, миловидное личико... Захотелось скинуть жилет и тоже расслабить ворот сорочки, но я понял, что отныне вряд ли смогу раздеться в его присутствии.

Неужели, Малёк?..

Неужели ты из тех джентльменов, которые мягкости и изяществу линий... предпочитают мощь и размах мужских плеч?!

7. Малёк

Я стану вашим кошмаром, а не секретарем!

Даже в страшном сне Амелии Обри-Флетчер не мог привидеться сегодняшний день. Гулять по кладбищу, вымещать зло на невинных грибочках, как какой-то мальчишка-проказник. Заявиться в самый бедный район города, посетить рабочий дом... Ну и, как апогей невозможного, сидеть в баре для бедняков с самим Клиффом Кавендишем и бессовестно напиваться.

Амелии Обри-Флетчер не было под силу ничего из этого. Эта субтильная барышня не пробовала ничего, крепче яблочного сидра — зато у Лукаса Малькольма были все шансы стать алкоголиком похлеще самого лорда.

Как оказалось, быть мужчиной гораздо интереснее... и страшнее. Боюсь даже представить, из чего готовят местные напитки — они так отвратительны на вкус, что их приходится через силу заталкивать в себя внутрь. Но даже они бессильны против воспоминаний этого дня, и мой тет-а-тет с бутылкой — всего лишь отважная попытка забыть то, что я сегодня увидела и услышала.

Как бы круто не обошлась со мной жизнь, я знала, что, по сути, сама во всем виновата. Поверила в то, чего нет, размякла и позволила обмануть себя. Я и только я была причиной своего падения.

Но чем провинились они?.. Эти несчастные бедняки из «благотворительного» заведения? Лишь тем, что родились не в том месте и не в той семье. И из-за этой единственной, самой первой и жестокой неудачи им отведено ужасное будущее. Такое беспросветное, что мать готова отдать несовершеннолетнюю дочь кучке старых извращенцев с толстыми кошельками, лишь бы уберечь дитя от существования в рабочем доме!

А ведь Кавендишу понравилась эта девчонка... Элайза, или как её там. Я уж думала, придется искать на полу его отвалившуюся от изумления челюсть, пришивать нитками обратно — так на нее загляделся.

Да и неудивительно. Вот она, настоящая, пусть и совсем юная, женщина. Такую красоту ничем не испортить, ни сбритой шевелюрой, ни серым мешковатым балахоном. Вздумай Элайза переодеться мужчиной, все мигом раскусили бы обман. Меня же еще ни одна живая душа не заподозрила...

От этой мысли на душе стало гадко, и руки снова потянулись к бутылке. Клифф мне уже не подливал — правильно, чего ухаживать за уродливым журналистом-прилипалой, который только и делает, что подначивает и оскорбляет?..

Я и сама не заметила, когда успела так захмелеть. Вроде мы с Кавендишем только-только пришли в паб, заполненный грубоватыми, пахнущими потом и испускающими напускную радость мужчинами, и вот уже мое тело и язык существуют отдельно от мозга. Слышу рядом голос, дерзкий и недовольный, выкрикивающий политические лозунги и обвиняющий сильный пол — неужели он принадлежит мне? Или в «Бедной Дженни» оказалась еще одна суфражистка^[4]?..

— Хочешь, поболтаем обо мне? — Клифф придвинулся ближе и накрыл мою ладонь своей. Тепло, исходящее от него, мигом расплавilo колкий комок протеста внутри меня. Горячая нить протянулась по руке, огненным вихрем закрутилась в груди и пришила меня к стулу.

— О вас, мистер Порочность? — спросила я (то есть, не я, конечно, а выпитый мной алкоголь) и усмехнулась... — Ну давайте. Вы обещаете честно ответить на все мои вопросы?

— Да, — как-то затравленно ответил он и отодвинул свой стул.

Вон, даже сидеть рядом не хочет... Неужели я настолько непривлекательная, что он готов сбежать на другой конец стола, лишь бы не находиться со мной поблизости?!

В груди снова стало тяжело и горько. Но возмущаться по поводу безответственности и лени мужчин, как вида, расхотелось. Лучше сосредоточусь на одном из них. К тому же, он сам дает добро.

— З-зачем вы убили того юношу... барона? — я освежила в памяти длинный список претензий к Кавендишу. И обнаружила, что некоторые детали, вроде имени невинно убиенного, освежаться отказываются.

— Повторяю в тысячный раз, это была случайность.

— Вы случайно подняли пистолет, навели его на человека и надали... нажали курок? — еще и язык подводить начал.

— Именно так. Назовем это роковой случайностью, причиной которой стала безответная любовь.

— Чего-чего? — мне показалось, что я ослышалась. — Вы сказали «любовь»?

— Уже звон в ушах начался, Малёк? Послушай, прекращай пить, этот виски не рассчитан на людей твоего телосложения.

— Нет-нет-нет, не сбивайте меня с мысли... — я замахала руками, и от этого простого движения потеряла равновесие и чуть не улетела под стол. — Вы — ЛЮБИЛИ? Но ведь это немыслимо!

— Ты ошибаешься. К сожалению. И перестань наконец кричать, — лорд кинул взгляд по сторонам, будто опасался, что известие о способности «Короля порочного Лондона» испытывать чувства станет достоянием широкой общественности.

— И кого? Кто это был? — так уж и быть, понизила голос я, наклонившись над столом.

— Не поверите — моя невеста.

Была видно, что маркиз тяготиться разговором, но данное слово удерживает его от того, чтобы замкнуться и замолчать.

— Как же такое произошло?! — я честно пыталась представить влюбленного Клиффа и не могла. Слишком уж этот образ отличался от всего того, что я знала и слышала о наследнике рода Кавендишей.

Еще и в невесту! Тот брак был договорным. Родители — старые друзья и партнеры по конному бизнесу. Чистый расчет, молодые даже не были знакомы перед помолвкой... Так не бывает!

— Может, отдашь мне бутылку хотя бы сейчас? — Клифф потянулся к виски. — Такие признания лучше делать с подкреплением...

— Не-а, — я выхватила емкость с высокоградусным напитком у него из-под носа и прижала ее к себе, как дитя. — Вы уже достаточно выпили... в свое время. Рассказывайте, что же в ней было такого необыкновенного, в вашей покойной невесте...

Маркиз задумался, погрузившись в воспоминания. Помрачнел, опустил глаза, но довольно быстро справился с собой и ответил просто:

— Всё. Особенно её неприязнь ко мне.

Я недоверчиво фыркнула.

— Девушка осталась равнодушна к вам — возможно, единственная во всей Британии, и

это так задело вас, что вы сразу же влюбились в нее? Не думал, что вы так примитивно устроены, лорд Кавендиш!

— Представьте, я тоже, — собеседник скривился. И непонятно, чего было в его гримасе было больше — иронии или боли.

— Ооо, я понял! — мое воображение, до этого момента удивленно молчавшее, заработало во всю мощность. — Вы так и не смирились с отказом и хотели убить ее, но потом придумали еще более изощренную месть — убили того, кем ваша невеста дорожила больше всего? Ее самого близкого родственника и друга?

— Ваша логика хромает, мистер Малькольм, — внезапно развеселился Кавендиш.

Да и не только логика, если на то пошло. Перед глазами плыло, в ушах шумело: громкий паб отодвинулся на задний план, разговоры бедняков доносились издали, словно гул далекого прибоя. И только мужчина напротив никак не желал бледнеть, заполняя собой все поле зрения...

Я взяла паузу на обдумывание сенсационного признания. Клифф так и не смог добраться до бутылки, но отобрал у меня рюмку — пришлось хлебнуть прямо из горлышка.

Ну что, утолила любопытство? Загадок стало еще больше, и сознание уже не справлялось с их количеством, настойчиво требуя отдыха от шокирующих новостей. Собравшись с духом, я предприняла еще одну, последнюю попытку все прояснить.

— А потом она умерла, и... ИК!.. ваше сердце разбилось окончательно... Так что вы... ИК!.. сами сдались в руки правосудия?

Аристократ странно посмотрел на меня, будто что-то взвешивая и просчитывая.

— А она не умерла. Марс сбежала из Британии в Америку вместе с любовником — моим слугой, — небрежно ответил он.

***

Погоня во тьме

Прозвучало смешно. Я хотела рассмеяться, но вместо этого возмутилась.

— Вы же обещали быть честным, лорд. Думаете, я такой идиот, что поверю в подобную ересь?!

— Прости, Малёк. Видишь ли, до правды еще нужно дорасти...

— Кстати, а поч... ИК! Почему паб называется «Бедная Дженни»?

— А ты мастерски скачешь с темы на тему, — он сказал это так назидательно, что меня сразу же склонило в сон. Глаза на несколько долгих секунд закрылись, и шум посетителей начал стихать. — Полагаю, он назван так в честь Дженни.

— Дженни? — встрепенулась я. Только что заданный мной вопрос мигом улетучился из головы. — Какой такой ДЖЕННИ?!

Интересно, сколько у маркиза было женщин с таким именем? А сколько Амелий? Сколько Элайз?..

— Бедной, — повторил Клифф и снова огляделся по сторонам, чем вызвал во мне новую волну негодования. Почему он вечно отворачивается? Я такая неприятная, что он и смотреть на меня больше не может?!

— Знаешь что, борец за права женщин, пойдём-ка отсюда, — Кавендиш встал, — пока паб не переименовали в «Бедного Лукаса»...

— Ммм?.. Не вижу связи, — пробормотала я и уже было решила вздремнуть, облокотившись на прохладную поверхность стола, но сильная рука подняла меня на ноги. Мгновением позже мне на плечи бросили пальто, а на голову нахлобучили шляпу.

— Ну ладно... — согласилась я и сделала пару шагов за лордом, чуть не свалившись при этом на пол.

Клифф не стал дожидаться, пока хозяин заведения подойдет к нам, и проследовал к нему сам. Небрежно бросил на прилавок смятую купюру (я пригляделась к ней и разинула рот — журналисты зарабатывают столько месяца за четыре в лучшем случае) и сказал, что сдачи не надо. Позёр.

Было еще не слишком поздно, но снаружи уже клубилась таинственная мгла. Свежий (если это слово применимо к миазмам Ист-Энда) воздух подействовал на меня благотворно. Я даже смогла идти самостоятельно, вот только темный проулок перед глазами медленно вращался, а земля то и дело прыжком кидалась навстречу — видимо, расчувствовавшись и желая меня обнять.

— Зелё-ё-ёные рукава были моей ра-а-адостью [5]... — тихонько затянула я.

— Только не пой, ради Бога, — пропыхтел Клифф, ведя под руку и раз за разом возвращая в вертикальное положение мое падающее тело. — Да уж, не так я себе представлял сегодняшний вечер!

Вежливость требовала поинтересоваться, как же именно он хотел его провести, но тут одна потребность, до того незначительная, вдруг вышла на первый план.

— Подождите! — я остановилась и вцепилась руками в лацканы лордовского пальто. — Я хочу... ХОЧУ... — перешла на громкий шепот, доверительно глядя Клиффу в глаза снизу вверх.

— ЧЕГО? — тоже шепотом спросил он, отвечая мне оторопелым взглядом и оглядываясь по сторонам.

— Мне неудобно так прямо... Понимаете? Слишком деликатный вопрос...

Кавендиш оторвал мои руки от себя и на всякий случай отстранился.

— Мне надо уединиться... в уборной. Мы можем вернуться обратно в паб?

— Нет.

— Нет? — расстроилась я.

— Видишь вон тех двух громил? — Клифф поворотом головы показал в направлении «Бедной Дженни». — Они вышли вскоре после нас. Теперь идут за нами... И смотрят... Нехорошо так смотрят.

— Как?.. — я аж немного протрезвела от испуга. Да и в туалет сразу перехотелось. — Почему за нами? Почему смотрят?!

Было слишком темно, чтобы разглядеть лица и тем более глаза, но пара фигур, возникших в проулке метрах в пятидесяти от нас, и правда выглядела весьма угрожающе. Кроме них, больше никого. Узкая улочка будто вымерла.

— Хороший вопрос, Лукас, — прошипел лорд. — Может, потому что ты назвал их свиньями, просиживающими зады, пока бедные жены работают до изнеможения?

— А может, потому что ВЫ расплатились купюрой, равной их ежегодному заработку? — огрызнулась я. О чудо, ко мне снова вернулась способность связно выражать мысли! Если бы еще это случилось при других обстоятельствах...

— Хочешь дождаться верзил и уточнить?

— Не-а.

— Тогда поступим иначе...

Маркиз кинул на бедняков оценивающий взгляд. Мы стояли недалеко от одинокого фонаря, и я невольно залюбовалась его высокой статной фигурой и спокойным лицом, освещенным желтоватым мерцанием.

— Вы примете бой, лорд Кавендиш?! — мой голос осип от восхищения. Взгляд скользнул по широким плечам и напрягшимся рукам, и мимолетный восторг сменился испугом. Ведь если он будет драться с ними и победит — а он обязательно победит — я могу влюбиться в него с новой силой! Что же делать?

Но Клифф развеял мои опасения. Он с укором произнес: «Я похож на самоубийцу, Малёк?.. БЕЖИМ!» — и рванул меня за руку.

— Ой! — успела пискнуть я, и мы понеслись по улице. Преследователи что-то закричали и бросились за нами вслед, ругаясь и потрясая кулаками. Я не прислушивалась к их угрозам — была слишком занята тем, чтобы удержать равновесие и не свалиться на дорогу.

Мои ботинки не были предназначены для таких забегов — тяжелые и неудобные, они тянули вниз, словно гири. Неловкий прыжок, и ступня второй раз за день выскользнула из мужского башмака. Босая нога угодила прямо в лужу, холодную и склизкую, но о том, чтобы остановиться или вернуться за потерянной «туфелькой», не было и речи.

Клифф так сильно спешил, что чуть не лишил меня конечности — сустав выворачивался из плеча, но я стискивала зубы и шлепала себе дальше. В ушах шумела кровь, перед глазами все темнело, но храбрый лорд продолжал волочить меня по бульвару.

Будь маркиз один, он бы непременно оторвался от погони, но из-за моей коротконогости и неуклюжести расстояние между нами и бедняками неумолимо сокращалось. И тогда, когда мне стало уже все равно, умру ли я от бега или нападения бандитов, Кавендиш смилостивился и остановился. И я с ужасом увидела, что проклятый ловелас... смеялся!

— Спортсмен из тебя отвратительный, как и пьянчужка! — задыхаясь от хохота, пропыхтел он и закинул меня к себе на плечо.

Еще недавно идея сесть обидчику на шею казалась мне привлекательной, но сейчас, от висения вниз головой и сдавливания живота, моему организму совсем поплохело.

— Не надо, Клифф!.. Меня стошнит!

— Эх ты! Напомни научить тебя пить, если спасемся, — он вернул меня на землю и на миг задумался. Улица впереди раздваивалась, огибая с двух сторон выросшую на пути хибару.

Над Ист-Эндом прогремел гром. Первые робкие капли прошелестели по крышам, щелкнули по носам зазевавшихся прохожих. Приняв решение, аристократ снова потянул меня за собой, свернув в один из проходов. Но вместо того, чтобы продолжить бегство, выкинул кое-что иное. Скрывшись из виду противников, уже висевших у нас на хвосте, он втолкнул меня в угол на стыке двух зданий, куда почти не проникал свет. Втиснулся следом и, сильно прижав к стене, замер, развернувшись к улице спиной.

Топот преследователей прозвучал совсем близко. Я охнула — от испуга и, главное, возмутительной близости Кавендиша, но тот обнял меня еще крепче, одной рукой зажав мне рот, а другую положив на плечи, чтобы не дергалась.

Я застыла, уставившись широко раскрытыми глазами в черноту. Простолюдины пробежали мимо, не заметив Клиффа, одеянием и волосами слившегося с властвовавшей

кругой тьмой. Шум их шагов постепенно стихал вдаль, но лорд не спешил отпускать меня.

Бешеная круговерть последних минут замедлялась. Дождь зарядил увереннее, выбивая шепчущий ритм по широкой спине Кавендиша, стекая по моему носу и теряясь в пальцах мужчины — моя шляпа, как и ботинок, остались где-то позади. Я чувствовала щекой мягкий, слегка влажный от мороси ворс его пальто, через который быстро и гулко стучало сердце. Утопала в его запахе, одновременно изысканном и родном. Такой большой, сильный, надежный...

Я поджала разутую ногу, сместив вес, и робко обвила его руками, растворяясь в тепле и спокойствии. И почти сразу же отключилась.

***

Я стала кошмаром для самой себя...

Просыпалась я долго и мучительно. Даже в забытии меня преследовали звуки и картинки прошедших дня и ночи — вонь бедного района, топот ног, плач женщин и гневные крики мужиков. Парочка преследовавших нас с Клиффом бандитов бегала за нами кругами, вечность за вечностью, после чего набухла от ярости, увеличилась в размерах и распалась на четырех бандитиков поменьше. Те, в свою очередь, проделали тот же трюк и развошьмерились. Восемь превратились в шестнадцать, шестнадцать... Господи, да сколько вас уже?!

Один плюс — желающие нам зла головорезы стали такими крошечными, что уже физически не могли нам его причинить. Тогда, вместо грабежа и насилия, они придумали новую пакость: забрались ко мне в голову, достали малюсенькие молоточки и принялись стучать ими по моим ушным перепонкам. Эхо ударов прокатилось под сводами черепной коробки. В нем было что-то настолько торжественное, что я перестала виснуть на Клиффе.

Мужички снова залезли в карманы и достали зеленые колпаки с бубенцами, став очень похожими на лепреконов. На моих ногах как по волшебству появились башмачки с тяжелыми набойками. Бравурный марш сменился джиггой — веселой музыкой, которую наигрывают простолюдины в пабах и тавернах. Я приосанилась и начала плясать...

— Прекрати дрыгать ногами, Малёк, — тихий голос прервал начинающееся представление. — Ты похож на щенка, которому снится, что он бежит.

Лепреконы вздрогнули и перестали играть, яркая картинка съезжилась, а меня выкинуло на каменистый берег реальности. Больше не было ни закоулков, ни шумного паба — я лежала лицом вниз на чем-то в меру жестком и гладком. Руки крепко обнимали подушку — в том, что это никакой не Кавендиш, а всего лишь маленькая бесполезная подушка, было понятно сразу же, даже не открывая глаз.

Кстати, а почему его голос звучит так близко от меня? Как так вышло, что я вообще просыпаюсь рядом с Клиффом?!

Я резко подскочила, и уже в полете пожалела о своей резвости. Замолчавшие было барабанщики опомнились и принялись с удвоенной силой стучать по моим вискам — пространство между глазами взорвалось от боли, я тихо взвыла и приземлилась обратно на диван.

Да, это был именно он. Светло-голубой, атласный диван в гостиной Кавендиша. В меру жесткий, гладкий и, несомненно, баснословно дорогой.

— Ну-ну-ну, не надо так, — пожурил меня хозяин дома. — После пьянки вставать нужно медленно, остороженько... Подлить тебе бренди, чтобы полегчало?

Я отшвырнула диванную подушку, которую крепко держала в руках (с чего мне вообще снится, будто я обнимаю этого нахала?!), и воззрилась на мужчину. Он сидел в кресле рядом с диваном, поддавшись вперед и с интересом наблюдая за моим пробуждением.

— Воды... — просипела я, и он тут же исполнил мою просьбу: графин со стаканом стояли наготове, будто маркиз знал, что именно мне потребуется в первую очередь.

— Что я здесь делаю? — залпом проглотив спасительную жидкость, почувствовала себя капельку лучше. До «отлично» было еще далеко, но в голове слегка прояснилось.

Положение мое, конечно, незавидное — проснуться в таком отвратительном самочувствии в доме врага и обнаружить его прямо перед своим носом! Хотя не в одной постели, уже облегчение...

— О, ты ничего не помнишь? — обрадовался Кавендиш, забрасывая ногу на ногу. — Веселая ночь была, однако...

Я ответила ему угрюмым взглядом, и он счел за лучшее рассказать правду.

— Ты вчера перебрал в «Бедной Дженни». Задираал бедняков, приставал ко мне с расспросами. Потом, когда нам пришлось убежать от убийц...

— Мы убегали от УБИЙЦ?!

— Да. Но не волнуйся, я их всех уложил... Ты был так восхищен, что набросился на меня с объятиями. Зажал в какой-то подворотне, на радостях отключился... — Клифф смущенно замолчал, будто припоминая какие-то неловкие подробности.

Зажала Кавендиша в подворотне?! Мое недоумение было так сильно, что я, черт возьми, ВСПОМНИЛА! Все! Или почти все... Некоторая часть событий припомнилась мне другой, нежели поведал Кавендиш, но я решила пока не заострять на этом внимания.

Сначала был душевный разговор — парень поведал о любви к мертвой невесте и что-то еще, связанное с ней. Что именно — забыла, хоть убей... Потом — сумасшедшая гонка по затемненной улице, наше чудесное спасение... А вот после спасения...

После мир канул в черную бездну, в который вспыхивали краткие, но мучительно яркие картинки: вот я слезно умоляю Клиффа найти для меня туалет, а после заверений, что в этой части города по нужде ходят прямо на улице, уединяюсь в темном закутке («Только не смотрите на меня, лорд!.. Вы обещаете отвернуться и не смотреть?»). Вот забираюсь на козлы к извозчику, подготовившемуся везти нас домой, и пытаюсь отнять у него вожжи...

Позор, какой позор! Даже невыносимый треск в голове отступил перед ужасом «веселенькой ночи»... Лучше б убийцы настигли нас и покровсали на кусочки! Так как жить, зная подобные факты своей биографии — хуже смерти!

— В общем, ты совсем ничего не соображал, — завершил рассказ Кавендиш, видя, что я пока не в состоянии говорить. — Ни где живешь, ни как тебя зовут... Настолько, что мне пришлось привезти тебя к себе. И немного раздеть.

— РАЗДЕТЬ?! — неужели плохие новости еще не закончились?

Я инстинктивно прикрылась от лорда руками, но потом все же опустила взгляд и осмотрела себя. Судя по увиденному, Лукасу Малькольму пришлось несладко (об Амелии в данных обстоятельствах речи уже не шло). Рубашка выбилась из жилета и штанов, нависая нелепыми пузырями, великоватые брюки перекосило на бок, один носок относительно чистый, а другой — почти черный и пахнет омерзительно...

Меня затрясло от отвращения к себе. Недаром Кавендиш потешается: такого

нескладного джентльмена еще поискать! Ни женщина, ни мужчина — ничего толкового из меня не получается!

— А что с моей ногой? — голос задрожал, но я пересилила себя и задала еще один вопрос: если уж погибать от груза правды, то лучше за один присест. — И что это за запах?

— Это запах помоев, малыш. Ист-Энд всегда оставляет свой след. Но и ты в нем тоже наследил! — Кавендиш отчаянно шутил, вот только я была не в том настроении, чтобы оценить его искрометный юмор. — Твоя шляпа и ботинок потерялись во время погони, а дороги в трущобах не самые чистые, как понимаешь... Пальто тоже испачкалось — ты пару раз падал... Можно было бы почистить, но я приказал его выкинуть. Слишком уж смердело...

— Вы выкинули мое пальто?! — вскричала я и поняла, что готова разрыдаться. Унижение — это одно, но остаться в разгар февраля без теплой одежды и обуви — совсем другое!

— Да, — осторожно повторил Клифф. — Я же сказал, оно пришло в негодность...

— Нет, вы сказали, что его можно было почистить!!! Вы в курсе, что это было мое ЕДИНСТВЕННОЕ пальто?! Как и шляпа... — я наклонилась и заглянула под диван, где валялся одинокий башмак. — ... и ботинок...

Вся моя первая зарплата, выданная дядюшкой в аванс, ушла на покупку ныне канувших в Лету вещей. А вторая (тоже в аванс) — на оплату комнаты. На финансовую поддержку от семьи можно было не рассчитывать...

Я закрыла лицо руками, чтобы скрыть подступившие к глазам слезы и дрожащие губы. Мужчины не плачут, знаю. Но случившееся было выше моих сил...

— Малек, у тебя нет денег? — серьезным тоном спросил лорд. Он больше не веселился.

Я не ответила. Видимо, устав наблюдать за столь жалкой картиной, Кавендиш молча встал и вышел из комнаты. Не успела я расслабиться и дать волю эмоциям, хозяин вернулся, держа в руках маленький серебристый ключ. Подошел к серванту и отпер им одну из дверей — оттуда лавиной повалились купюры.

Рыдания застряли у меня в горле. Я забыла, что собиралась реветь. Лишь ошарашенно смотрела, как маркиз двумя руками сгребает с пола ворох смятых, явно бывших в употреблении, бумажек и высыпает их на диван рядом со мной.

— Бери, сколько нужно... Мне их девать некуда.

Ни насмешки в его голосе, ни гордости, ни наигранной небрежности... Он сказал это так просто, так обыденно, будто в горе банкнот, запертых в шкафу, да и в самом его поступке нет ничего особенного.

Справившись с изумлением, я брезгливо отодвинулась.

— Мне не нужны ваши грязные деньги, лорд Кавендиш. Они заработаны бесчестным трудом...

— Ты и сам сейчас не особенно чистый, — Клифф не впервые слышал нечто подобное из моих уст, но в этот раз, похоже, его действительно задело. — Отдыхай, сколько потребуется, а потом позвони в колокольчик. Служанка приготовит для тебя ванну.

Прозвучало скорее как приказ, нежели одолжение, поэтому благодарить я не стала. Так и не притронувшись больше к деньгам и не закрыв дверцу златоносного ящика, Кавендиш оставил меня одну. Вот позер!

Фыркнув, я скинула купюры с дивана (скинула ногой — да, именно той, чумазой) и улеглась. Боль в теле медленно отступала, но уснуть так и не удалось. В голове роились

гневные и не очень мысли.

Конечно, брать подачку «Порочного Бога» не стоило, тут мне не в чем себя упрекнуть. Разве что, отказаться можно было чуть более вежливо... Он ведь не спаивал меня вчера — я сама железной хваткой вцепилась в бутылку. Не бросил, когда спасались от бандитов, и потом, пьяную, в канаве не оставил — привез к себе и раздел, бесчувственную...

Запоздалое озарение ошпарило меня кипятком.

Я ведь была на грани разоблачения! Хорошо, что Кавендиш не из тех, кто интересуется молодыми мальчиками... иначе маскировке пришел бы бесславный конец. Никогда, больше никогда в жизни не возьму в рот ничего крепче яблочного сидра — и к дьяволу бахвальство!

8. Клифф

Досадное упущение в конструкции дома

Оставив Малькольма одного, я спустился к Розе с Армстронгом и теперь битый час скучал в их обществе. Небольшая комнатка, где мы сидели, гордо именовалась «столовой для слуг». Как по мне, для дома, где этих слуг до недавнего дня было всего лишь трое, название неоправданно громкое.

Я не видел смысла набирать целый штаб персонала ради себя одного и не стремился впускать в свой круг дополнительных посвященных. Меньше людей в доме — меньше сплетен и сплоченней коллектив.

Троих подчиненных было вполне достаточно: миссис Коулман, последовавшая за мной из отцовского поместья, готовила.

Роза Блэр, бывшая горничная моей бывшей невесты, прибирала — кто-то скажет, что одной служанки на особняк маловато, но я и не гнался за идеальной чистотой.

Пит Армстронг... Молодчина Арм выполнял самые разнообразные поручения, начиная с контроля свежести моих костюмов и помощи при застегивании запонок, заканчивая обязанностями кучера, садовника и охранника. Он — моя правая рука, левая рука, лишние ноги, уши и глаза.

Но за последние пару дней численность людей в доме парадоксальным образом возросла. Как назвать ситуацию, когда ты очень не хочешь чего-то делать, но обстоятельства складываются таким образом, что делать это все-таки приходится? Именно в такой переделке я и оказался. Мой устоявшийся мирок с четкими границами и действующими лицами рушился.

Забрал из работного дома Элайзу, которая была такой жалкой, что ее просто невозможно было не забрать, нанял Лукаса, который скрутил меня в бараний рог своими требованиями и взаимовыгодными предложениями...

И все же, почему он до сих пор не позвонил? И, главное, почему меня это волнует?

— Как там новенькая? — спросил я больше для того, чтобы отвлечься от мыслей о приставучем секретаре.

За стенкой гремели посудой и котлами, слышались грозные окрики миссис Коулман. Пожилая служанка явно переигрывала, показывая Элайзе, кто на кухне главный.

— Пока что шарахается всех и вся, — прихлебывая чай, ответила Роза. — Но за работу берется любую. Даже ту, которой не требуется.

— Бойтся, что выгоню, если будет плохо работать, — кивнул я. — Передай старушке-поварушке, чтоб не нагружала ее сильно, пока руки не заживут.

— Да, — внезапно прорычал дворецкий и строго взглянул на горничную.

Он тоже пил чай: невесомая фарфоровая чашечка чудом выдерживала натиск его мощных ладоней. К юной нищенке Пит отнесся с куда большим расположением, чем к Мальку — она была девушкой, а к девушкам могучий слуга относился с благоговейным трепетом. К Лукасу же дворецкий проникся стойкой антипатией. Арм ему решительно не доверял, и мое вчерашнее появление с бездыханным нарушителем спокойствия не добавило бедняге очков.

Дззззззз-и-и-и-и-и... По комнатке прокатился нервный визг колокольчика. Горничная поморщилась (Малек все звонил и звонил — этот мальчишка даже сигнальный шнурок

дергает с особой экспрессией!), Арм поморщился, а я первый подхватился с места.

— Роза, подготовь для моего гостя горячую воду в ванной. А когда он уйдет мыться, приберись в гостиной.

Я был уверен — из предложенных Лукасу денег не исчезло ни одной купюры.

— Конечно, сэр, — служанка кивнула и удивленно добавила. — Вы пойдете вместе со мной?

— Нет, я... — понял, что уже стою в дверях и напустил на себя важный вид. — К себе пойду. Засиделся с вами.

И под подозрительным взглядом Армстронга ретировался в кабинет. Минут двадцать честно пытался заняться работой, перекладывая бумаги с места на место. Зря я все-таки притащил Малька в тот несчастный паб: мне-то весело, а ему теперь сквозь землю провалиться хочется... Хотя кто ж знал, что он окажется таким падким на запретные развлечения? Сам обвинял меня в смертных грехах, а потом как с цепи сорвался, увидев бутылку виски. Да и с пальто его неловко получилось... Нужно как-то возместить...

Воодушевленный внезапной идеей, я забыл про бумаги и ринулся наверх, в ванную комнату. Дверь отворилась быстро и бесшумно — недаром я всегда прошу Армстронга следить за состоянием петель.

Лукас стоял спиной ко мне, и наклонившись, отмывал ноги в металлическом тазу. Рядом исходила паром горячая ванна: до нее парень пока не дошел — на нем все еще оставались нижние штаны и свободная сорочка.

Где-то в глубине души мелькнула мысль, что корреспондент будет не в восторге от моего появления в столь интимный момент своей жизни, но... Я обессиленно прислонился к дверному косяку, наблюдая за гостем. Открывшаяся передо мной картина была слишком необыкновенна для этого мрачного дома, чтобы просто взять и уйти.

Без нелепой верхней одежды журналист производил иное впечатление. Через окно в комнату проникали косые солнечные лучи. Они подсвечивали силуэт Малькольма, раскрашивая контур его хрупкой фигурки золотистым сиянием. А заполняющие уборную клубы влажного пара и вовсе придавали происходящему идиллический вид.

А он вовсе не так плохо сложен, если копнуть поглубже. Худой, конечно, донельзя, но не тощий. Скорее гармонично стройный. Кости не торчат в разные стороны, чего следовало ожидать от его комплекции. Ноги тонковаты (неудивительно, что он так плохо бежал вчера), а вот попа, прямо скажем, отличная: миниатюрная, но высокая и округлая, как у фарфоровой статуэтки...

И, да, кто-нибудь объяснит мне, зачем я вообще разглядываю его задницу?

Словно почувствовав мое смятение, Малькольм вздрогнул и обернулся. Широко открыл рот, словно выброшенная на берег рыба, подпрыгнул и всплеснул руками. Таз под ним жалобно звякнул, вода выплеснулась на пол — чуть больший импульс, и он взлетел бы и приземлился парню на голову. В мгновение ока подскочив к стулу, Малек схватил приготовленное для вытирания полотенно и завернулся в него до самого подбородка.

— Малек, у тебя рахит? — спросил я, чтобы заполнить повисшую в ванной тишину. — Как мужчина может быть таким тонкокостным?

Лукас разъяренно сверкнул на меня глазами из-под полотна.

— Не знаю, — глухо ответил он после продолжительной паузы. — Может, и так. Меня не проверяли.

— Хочешь, покажу тебя своему доктору?

— НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ! — Малек перепугался чуть ли не больше, чем когда застал меня за подглядыванием.

— Почему?

— Я их боюсь... с детства, когда мне пиявок ставили! Да и вообще, каким вырос, таким вырос. Уже ничего не исправить!

— Это верно.

Снова повисло молчание. Лукас кутался в простыню с таким ожесточением, словно я собирался покуситься на его целомудрие. Я все так же стоял в дверях. Ноги приросли к полу и отказывались покидать светлую и натопленную ванную. Горячая вода быстро остывала — сквозняк уносил испарения в коридор.

— Гхм... — Малек откашлялся, кидая на меня косые взгляды. — Вы по делу зашли, или просто поглазеть?

Я нахмурился. Заняться больше нечем, что ли, как глазеть на тебя просто так?

— Мойся, и поедем в город за новым пальто. У меня как раз появилась пара часов свободного времени.

— Я снова вынужден отказаться, лорд, — оторопело промямлил Лукас. — У меня нет с собой...

— О деньгах не думай. Купим их в счет твоего будущего гонорара. Или ты собрался писать обо мне бесплатно?

Я приготовился уговаривать его и дальше, но тот насупился и покорно склонил голову.

— Хорошо... А сейчас можете уйти? Вы смущаете меня.

— Конечно. И не будь таким легкомысленным, Малек. Закрывайся в следующий раз на замок!

— Но его нет, лорд Кавендиш! — журналист так возмутился, что слегка уронил свой щит, приоткрыв кусочек тоненькой белой шеи. — Ни замка, ни щеколды — я проверял!

Хм. Ну да. Я ведь живу один, от кого мне закрываться?

Так и не придумав достойного ответа, я сделал неопределенный жест рукой и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Надо будет поручить Армстронгу вделать замки, и не только в ванной, а во ВСЕХ комнатах. А то в последнее время я и сам себя смущаю...

***

Разговоры о любви

— Армстронг, — предчувствуя непростой разговор, строго оклинул я слугу. — Отвезешь нас с Мальком в Сити. Нужно кое-что прикупить.

Мужчина сидел у крыльца и тщательно начищал мои ботинки. При моих словах он медленно отложил в сторону щетку с башмаком и наградил меня полным осуждения взглядом.

— Не твое дело! — разозлился я. — И вообще, если будешь продолжать в том же духе, я найму отдельного кучера! И камердинера...

Вот и поговорили. Такого оскорбления Арм не мог потерпеть. Он рассерженно рыкнул и снова взял в руки ботинок, напоследок издав последний, усомняющийся вздох.

А вот найму. После второй горничной и секретаря мне уже ничего не страшно! Где это

видано, оправдываться перед собственным дворецким?!

Кстати, что касается ботинок...

— Держи, — я положил перед свежeweымытым Мальком, скромно скукожившимся на самом краю дивана, собственное пальто. А другой рукой поставил перед ним женские полусапожки.

— Роза согласилась одолжить тебе свои туфли, пока мы не купим новую пару.

У того даже глаза на лоб полезли.

— Да как вы?..

— Я понимаю, что это выглядит, как оскорбление, но другой подходящей тебе обуви в доме не нашлось. В моей ты утонешь, в огромных колодках Арма — тем более.

Лукас задумался. На его лице отразилась внутренняя борьба, а потом он быстренько придвинул к себе сапожки и вставил в них ноги. Я и глазом моргнуть не успел. Ох ты, какой!

— Ничего, это ведь только до тех пор, пока мы не доедем до магазина, — спокойно заявил он, и я опять поразился.

Любой уважающий себя мужчина скорее согласился бы пойти по улице босиком, чем надеть женскую обувь, этот же... Впрочем, дело хозяйское. Наверное, уже вчера без башмака набегался.

А вот щедро скинутое с барского плеча пальто не вызвало у него какого-либо восторга. Согласен, смотрится не очень — даже самая короткая из найденных мной в недрах гардероба модель сидела на журналисте ужасно. Длинной ниже середины икры, по ширине плеч и остального внутрь еще один такой Малек поместился бы... Шляпа села низко, почти до самых бровей. Штаны и рубашку я не стал ему предлагать, хотя следовало бы — свои-то не особо свежие после вчерашних приключений... Но ничего, это мы исправим.

— Ну что, готов? — я наблюдал за его безуспешными попытками устроиться поудобней в чужой просторной одежде. Когда корреспондент двигался по комнате, казалось, что это не Малек ходит в пальто, а наоборот — пальто таскает неизвестно как затерявшегося в нем человека.

— Готов. Только одолжите мне перо и пару листов бумаги, пожалуйста. Не хочу терять время даром.

Я хмыкнул и мы отправились в кабинет за пишущими принадлежностями. Вот, что значит трудолюбие и увлеченность своим делом! А я, вместо того, чтобы работать, битый час ерундой страдаю. Хотя нянкой, вроде, не нанимался...

Проходя мимо зеркала в прихожей, я увидел наше отражение и чуть было не рассмеялся. Картина маслом — Клифф Кавендиш и его уменьшенная недоработанная копия.

Эх, Лукас, Лукас. Ну просто комедия, а не джентльмен. Хорошо, что я тебя все-таки не выгнал. Такие, как ты — на вес золота, особенно для не до конца вышедших из депрессии субъектов. Поднимаешь настроение одним своим внешним видом!

Малькольм заметил мою реакцию и нахмурился. Стал еще более несчастным и потерянным, чем когда-либо. Я оборвал веселье. Захотелось как-то утешить его, ободрить.

— Ладно, не бери в душу, — мы вышли из дома и направились в сторону ожидающего нас экипажа. На улице ярко светило солнце, отражаясь в лужах прошедшего ночью дождя. В кладбищенском лесу пели птицы, намекая на скорый приход весны — в общем, поездка обещала быть более, чем приятной.

— Сейчас оденем тебя по-нормальному. Потом дам тебе несколько уроков галантного поведения — я в этом вопросе большой специалист... Женщины еще будут на тебя вешаться,

вот увидишь.

— С чего вы взяли, что мне нужна помощь в этом вопросе?! — вскинулся собеседник. Он ловко вышагивал в женских туфлях, не отступаясь и не отставая от меня — похоже, предрасположенность к каблукам у него в крови.

Я помолчал, подбирая деликатные слова. Неужели он сам не понимает, что с таким лицом и телосложением рассчитывать на успех у противоположного пола... ммм.... чересчур амбициозно?

— Понимаешь, Малек... Барышни обычно предпочитают другой тип мужчин. Таких, с которыми можно спастись от любых напастей, а не тех, которых самих приходится спасать...

Мы подошли к повозке. Армстронг, ради разнообразия, оставил появление журналиста без внимания. Впрочем, по его позе и так все было понятно: он сидел на козлах сгорбившись, угрюмо глядя перед собой и сжимая вожжи с таким остервенением, словно это были шеи недругов. Ясная погода никак не отразилась на бдительности моего верного и чересчур мнительного слуги.

— То есть, мужчин вроде вас? — понизил голос Лукас.

Я скромно склонил голову и зачем-то открыл перед ним дверь. Малькольму прекрасно известна моя слава расхитителя женских сердец, так зачем лишний раз хвастаться?

Лукас хмыкнул и залез внутрь. Парня как-то совсем не удивил тот факт, что перед ним только что поухаживал сам маркиз.

— Что-то вы вчера не выглядели таким уж доблестным, лорд Кавендиш. Удирали так, что пятки блестили...

Я сдвинул брови и отправился следом за ним. Сел на диван, неспеша расстегнул пальто и закинул ногу на ногу.

— Не путай внешнюю доблесть с доблестью внутренней, — назидательно проговорил я и дотронулся указательным пальцем до своего лба. — Настоящая сила джентльмена — здесь, а не в мускулах. Нужно понимать, когда есть смысл ввязываться в драку, а когда лучше... проявить гибкость и находчивость.

— Значит, теперь это так называется, — тихо пробормотал Малек, отвернувшись в окно и отчего-то усмехаясь краешком лба.

— Что ты сказал?

— Ничего, лорд Кавендиш. Давайте лучше вернемся к нашей вчерашней теме разговора, — он снял неудобное пальто, достал из-за пазухи бумагу и расположил на диванных подушках баночку с чернилами. — Помнится, вы говорили о любви к своей невесте...

Яркий день сразу потускнел. На задорно подглядывающее в окно солнце словно набежала туча. Вот ведь, приставучий журналюга... А заявлял, что забыл про ночные откровения.

— Ну да, говорил. А что, обязательно все повторять? Одного раза недостаточно? — сегодня у меня не было ни малейшего желания излить душу. Омрачить такой милый день столь отвратительной историей...

Лукас поджал губы. Экипаж тронулся и он схватил рукой чернильницу, чтобы удержать ее от падения.

— Для того, чтобы написать хорошую статью, нужно больше подробностей. Расскажите, как это было.

— Малек, ты идиот? Не знаешь, как люди любят людей?

Тот обиженно скривился, но, вопреки надеждам, так и не отстал.

— Неважно, как любят другие, главное — именно ваша интерпретация. Мы ведь хотим нарисовать вас в позитивном свете? Поделитесь какой-нибудь яркой, печальной деталью, чтобы читатели смогли вам сопереживать...

Хм. Какой, например? Той, где я сам привел к нам в дом любовника Марс? Или той, где они встречались за моей спиной, пока я всячески пытался доказать ей, что тоже чего-то да стою?.. Боюсь, от таких деталей читатели подавятся сопереживанием. Захлебнутся сочувствием ко мне и, чего доброго, начнут поносить дочку О'Коннора...

А я не хочу, чтобы о ней говорили и думали плохо. И если когда-нибудь и решусь на откровенный рассказ, то явно сделаю его не для широкой публики.

— Нечем там делиться... — пробурчал я, не глядя на корреспондента. — И гордиться тоже нечем. Если бы была возможность, я вырвал бы ту страницу из своей биографии.

Журналист на миг оторвался от своих записей и глянул на меня с изумлением. Даже из моих скупых ответов он умудрился почерпнуть какую-то важную информацию и теперь старательно доверял ее бумаге: вопреки трясущейся повозке, строчки выходили стройными и красивыми. Может, ему и необязательно рассказывать ВСЮ правду? Проблем с воображением у парня явно нет.

— Но разве любовь не чудесное, светлое чувство?

— Какая пошлость, — мне захотелось сплюнуть. — Скажи еще, что она вдохновляет людей на подвиги...

— А разве нет?

— Уж о моем деянии во славу любви не нужно ничего рассказывать — оно и так всем известно. Благодаря ему я целых полгода отдыхал в Пентонвиле...

Что-то я поспешил, называя Малькольма источником хорошего настроения. Запомнил, как молниеносно он умеет его портить одними своими вопросами.

— Значит, смерть барона вы тоже пока не готовы обсуждать? — собеседник глубоко вздохнул и обмакнул перо в чернила.

— Готов, — после недолгого размышления ответил я. — Но явно не в дороге и не в трезвом состоянии... Кстати, заляпаешь мне фиакр — вычту из твоей зарплаты. Стоимость фиакра.

Лукас присмирел и на всякий случай прикрыл чернильницу крышкой.

— Ладно, тогда последний вопрос на эту тему: кажется, вы упоминали причину гибели вашей невесты... Не помню, какую конкретно... Можете повторить?

Я безразлично пожал плечами.

— Ничего отличного от официальной версии сообщить не могу — я тогда сам был в местах не столь отдаленных. Брюшной тиф... Стремительная беспощадная хворь. Врачи не смогли помочь моей невесте, и я больше никогда ее не видел... Впрочем, что это мы все обо мне да обо мне? Расскажи тоже что-нибудь захватывающее. Сам-то ты как, Малек? Любил когда-нибудь?

Его рука, старательно выводящая буквы, дрогнула и прочертила резкий зигзаг. Ровные этажи аккуратных строчек обезобразились уродливой кляксой.

Я усмехнулся и оперся локтями о колени, смещаясь к Мальку и наблюдая за его лицом.

— Любил, так ведь? Дай угадаю: первое, самое чистое и самое трепетное ликование сердца... Ты был готов подарить ей всего себя, но эта недалекая мамзель исчезла, так и не

поняв, какое сокровище скрывалось под внешней неказистостью?..

Малькольм замер, а потом поднял на меня тяжелый, полный бессильного гнева взгляд. Я попал в самую точку.

***

Мы еще сделаем из тебя красавчика!

— В чем-то вы правы, лорд Кавендиш, — справившись с волнением, глухо ответил юноша. — Особенно в том, что касается недалекости...

Он старался говорить беззаботно, но из глубины его глаз на меня дохнуло болью — застарелой, выдохшейся, но все еще вполне живой.

Вот тебе и «чудесное светлое чувство». Так ты у нас тоже покалеченный любовью, Малькольм!

— Прости ее. Юные девушки часто бывают легкомысленны... Она ведь была юной, надеюсь?

Ладонь Малька на чернильнице опасно сжалась. Ой, как бы не прилетело мне в голову чего...

— Стоимость фиакра, — на всякий случай напомнил я. — И моей одежды.

— Она была исчадием ада, укрывшимся под личиной человека, — выдавил он. — А я — полным болваном, купившимся на симпотичный облик...

«Исчадие ада» — где-то я уже слышал нечто подобное. У парнишки явная тяга к отрицательным героям. С виду невинный, а на деле — хлебом не корми, дай попасть в плохую компанию. Сначала влюбился в какую-то ужасную особу, теперь нанялся к главному грешнику столицы...

Так, а вдруг это была вовсе не «особа»?.. Может, и несчастной эта любовь стала именно потому, что не вписалась в нормы современного общества? А что, версия жизнеспособная, и внезапная страсть к женским туфлям ее только подтверждает...

— Ух, сколько ненависти! А ты, оказывается, злопамятный человек, Лукас, — чтобы скрыть смущение, рассмеялся я. — Не хотел бы я быть твоей первой любовью...

Разрядить обстановку не получилось — после неудачной шутки Малек готов был кинуться на меня с кулаками. Да и мне самому резко расхотелось иронизировать. Грудь перехватило от волнения и непонятной тоски.

Что еще за мысли такие нелепые? Чтобы я — да первая любовь Лукаса?! Чушь собачья. Мы с ним и не встречались никогда. Уж такого презабавного паренька я бы точно запомнил.

— Ладно... Хочешь еще разговаривать, или помолчим?

Малек презрительно зыркнул на меня и отвернулся к окну. Я сделал тоже самое. Что ж, мне удалось отбить его охоту к откровенным разговорам. Дальше мы ехали в приятной, хоть и порядком напряженной, тишине.

Молчание прервали самым некультурным образом: слева стукнула перегородка, отделяющая салон от места кучера, и в ней показалось рябое лицо дворецкого.

— Куда вас отвезти, лорд? В «Элегантные пальто мистера Томсона»? — громыхнул он своим феноменальным голосом.

Снаружи истерично взвизгнули перепуганные лошади. Повозка дернулась в сторону и вперед, чтобы спустя пару мгновений резко затормозить. Не удержавшись, маловесный

Малек слетел со своего сиденья и приземлился... прямо на меня.

Руки — по обе стороны от моего туловища, лицо — в животе, колени — на полу.

— Нет, Арм, — с удивившим меня самого терпением сказал я. — Сначала — в «Удивительные фраки и пиджаки»...

Взял журналиста подмышки, оторвал его от себя и вернул обратно на диван. Проклятье, какой же он легкий...

— Ишь, разлетался тут... Птенец, — хотел отругать Лукаса за то, что тот не держится, но передумал — журналист медленно наливался краской, сливаясь по цвету с бордовой обивкой дивана.

Я прикрыл обе шторы и велел дворецкому поторопливаться. С улицы лилась отборная брань — фиакр чуть не врезался в многоместный дилижанс. Арм с поистине аристократическим спокойствием проигнорировал все эпитеты и метафоры и взмахнул кнутом. Одно слово, брошенное мощным басом, и все скандалисты утихомирились бы, но теперь он заговорит не раньше пятницы.

Напряженное молчание сменилось потрясенным. Малек комкал штанину на тощей коленке и, не мигая, смотрел в пространство. Краснел, бледнел и так по кругу. Я прямо посочувствовал ему — такое неловкое падение! Теперь представляет, наверное, всякое... Никак не может остановить полет воображения...

Боясь, как бы и самому не начать чего-нибудь представлять, я принялся насвистывать и отбивать пальцами ритм по оконной раме. Свист и постукивания сами собой сложились в мотивчик народной песенки, которую распевал Лукас на пути из паба... Так. Не к добру!

Я шумно вздохнул, перестал музицировать и посмотрел на Малька. Все-таки он на меня очень странно влияет. Точнее — странно, что он вообще на меня влияет. Влез в мою жизнь, перекроил привычные действия, да еще и мысли оккупировал.

Объект моего недовольства ничего не замечал. Сидел ни жив ни мертв и витал в облаках (надеюсь, без моего участия). Кажется, он что-то сотворил со своей внешностью, пока был в ванной. Помыл голову, или дело в чем-то еще?

Меня даже кольнула зависть. Я — сторонник ухоженных и красивых стрижек у мужчин, но с журналистом мне не сравниться: его шевелюра подлиннее будет. Мои волосы прямые и темные, а его — светлые и завиваются в крупные локоны (притом, без участи щипцов). Опускаются почти до самых плеч...

И почему мне раньше казалось, что они у него блеклые и бесцветные? Есть у них цвет, есть. Золотистый. И на ощупь, наверно, они такие же нежные и мягкие, какими кажутся на вид. Можно дотронуться и убедиться в своей догадке...

Я отдернул уже потянувшуюся к Мальку руку. Нет, корреспондент не поймет. И попробуй объясни ему, что это чисто в исследовательских целях.

Через двадцать долгих минут экипаж остановился на обочине оживленного проспекта.

— Приехали, — я вздохнул с облегчением и первым выскочил на свежий воздух: оставаться вместе с Лукасом в пределах тесной кабины фиакра стало непросто.

На этот раз мы оказались в центре района богачей, и атмосфера здесь была совсем другой, нежели в Ист-Энде. Вест-Энд создавался, чтобы поражать воображение — пышными и опрятными платьями барышень, стильными смокингами местных денди, высокими, крепкими зданиями... Вот только мое воображение было уже безнадежно поражено: оно давно перестало подавать признаки жизни при любых проявлениях роскоши и связанных с ним атрибутов красивой жизни... А Малькольм был слишком критичен и радикально

настроен, чтобы восторгаться кичливыми замашками аристократов.

— А зачем мы приехали... сюда? — парень наконец пришел в себя и теперь непонимающе смотрел на черно-белую вывеску с витиеватыми буквами. На ней красовалась надпись: «Удивительные фраки и пиджаки сэра Томаса».

Нескромно, зато соответствует действительности. В этом магазине-ателье продавали и шили самую качественную и изысканную одежду для мужчин.

— Чтобы купить тебе новые вещи, — я посмотрел на него сверху вниз.

— Но мне нужны только ботинки, шляпа и пальто! — возмутился Малек. — А ни какие не фраки и пиджаки. Тем более, «удивительные»!

— Думаешь, я позволю своему секретарю ходить в таком виде? Ты похож на подростка, обчистившего шкаф старшего брата! — я тоже повысил голос. Как же он раздражает! Спорит всегда и обо всем! Так, спокойно... Я сделал глубокий вдох и добавил уже тише. — Мистер Малькольм, вы сопровождаете самого лорда Кавендиша. И должны быть на уровне.

Малек запыхтел и нахмурился. Вызывающе сложил руки на груди, кинул еще один взгляд на витрину... Сдался.

— Будь по вашему, — мрачно произнес он. Прямо согласился на четвертование, а не на покупку нового гардероба. — Но я должен выдвинуть пару условий...

И первое из них...

— Я буду переодеваться САМ, — отрезал Малек и отшатнулся в сторону, когда услужливый сэр Томас кинулся ему навстречу и приготовился ощупывать и измерять строптивного журналиста. — Мы живем в цивилизованном обществе, в котором пользоваться услугами других людей для столь примитивных действий — кощунство!

Портной замер, как громом пораженный. Полагаю, еще никто и никогда не называл его работу «кощунством».

— Ничего страшного, Томас, — я вымученно улыбнулся и положил руку на плечо Малька, который тут же ее сбросил. — Мы и сами справимся. Просто приготовьте для мистера Малькольма подходящие его росту и фигуре штаны, сорочку и все остальное...

Продавец с изумлением взглянул на нас.

— Само собой, сэр.

— Мое второе условие, — продолжил командовать журналист, — никаких «мы справимся». Вы, Ваша Светлость, подождете меня снаружи.

Мне показалось, я ослышался. Значит вот как, Лукас?.. Ты вообще знаешь, что такое совесть? Неужели слова «признательность» и «благодарность» — пустой звук для тебя?..

— Но лорд Кавендиш — непревзойденный специалист в вопросах моды! — встал на мою защиту хозяин магазина. — Он мог бы дать вам ценные советы касательно...

— Не стоит, сэр Томас, — с достоинством ответил я и направился к выходу. — Я буду на улице. Оденьте моего друга по высшему разряду. Также, как вы одеваете меня. Ах, да... Не найдется ли у вас еще и туфель нужного размера?

Мужчина перевел взгляд на ступни Малька, упрятанные в женскую обувь, и изумленно округлил глаза.

— Вот это вряд ли, лорд... — модельер заметил разочарование на моем лице и тут же исправился. — Посмотрю в детском отделе.

— Буду премного благодарен.

Можно было бы посидеть в фиакре, но я предпочел остаться у магазина: только тихого злорадства Армстронга не хватало для полного счастья. Одолжил у проходящего

джентльмена сигарету и без удовольствия закурил, предавшись философским размышлениям.

Вряд ли после «Фраков и пиджаков» Малькольм превратится в сговорчивого малого, но, по крайней мере, хоть внешне станет похож на человека.

Мимо сновали разносчики газет и деловитые банкиры. Степенно прогуливались знатные дамы, искоса поглядывая на меня: правила приличия запрещали им проявлять интерес в открытую. А вот парочка проституток, укрывшаяся в тени дома на противоположной стороне улицы, открыто подмигивали мне и приподнимали подолы, демонстрируя отсутствие панталон. Спасибо, уж этого добра у меня навалом.

Те полчаса, что Малек провел в магазине, показались вечностью. Я одолжил вторую сигарету, а потом и третью... Так можно и в заядлого курильщика превратится. Наконец звякнул наддверный колокольчик, и из магазина вышел новоиспеченный человек.

Я повернул голову, одновременно затягиваясь, и... почти что погиб. Сигарета скользнула мне в рот вместе с глубоким рефлекторным вдохом, дым ушел глубоко внутрь, искры опалили язык...

Не думал, что хоть что-то в Вест-Энде еще способно поразить меня до глубины души... Но это все-таки случилось.

9. Малек

И как я вам теперь?

Я вышла из магазина и поежилась — огромное пальто Клиффа осталось в фиакре. Скванно подвигала плечами, отметив, что пижонский высокий воротник не дает привычно втянуть голову в плечи. Эх. Новая одежда села удобно, но больно уж... плотно.

Сэр Томас сказал: «Из гончей волкодава не сделаешь» и предложил сделать акцент на природном изяществе. Подобрал мне все настолько миниатюрное, насколько возможно: маленькую рубашку с высоким воротником из плотного качественного хлопка, небольшой красивый жилет, тесно обхватывающий талию и плоскую грудь... Из такого уже не выскользнешь (как это случилось в первый день в доме Кавендиша), такой нужно постараться, чтобы от себя отлепить... Лакированные ботинки были почти что по ноге («Как удачно, мистер Малькольм, что у нас в салоне одевают не только самих пэров, но и их сыновей!»). Но больше всего меня смущали брюки — очень узкие, а в бедрах так и подавно обтягивающие. Пришлось вставить в них свернутые носки Клиффа, чтобы имитировать неотъемлемый признак мужского тела...

Фу! О том, что деталь гардероба моего врага отныне находится в столь интимном месте, я старалась не думать, это было слишком унижительно. Ладно бы перчатки, или шейные платок... А так — он словно повторно вытер об меня ноги!

Сам «Волкодав» ждал меня неподалеку. Ну, то есть как ждал... Сгибался пополам и, судя по всему, пытался выкашлять из себя легкие.

Я подошла к нему и посмотрела на папиросные окурки, разбросанные под его ногами.

— Вы еще и курите в добавок ко всему?

— Нет, я вообще-то больше по морфию... Был, — подавив приступ кашля, ломким голосом ответил он.

Заядлый игрок, пьяница, бабник, владелец притона и теперь еще — бывший наркоман, оказывается... Да, Амелия Обри-Флетчер, ты умела выбирать мужчин. Красив, конечно, как черт, да и язык хорошо подвешен, но как можно было так глупо вляпаться?!

— Теперь я достоин носить звание вашего секретаря? — спросила с вызовом, хотя внутренне совсем не ощущала уверенности.

Я чувствовала себя практически голой, хотя из открытых частей тела остались только голова и кисти рук. Даже платья с декольте, которые приходилось носить в прошлом, и то казались более целомудренными, чем одеяние лондонского денди...

Клифф окинул меня равнодушным взглядом. Потертый диван, который по его просьбе перетянули новым вельветом, и то, поди, удостоился более бурной реакции. Вот и стоило ради этого идти на неудобства?!

— Вполне, — скучающим тоном ответил он и наставил на меня указательный палец. — Но пальто я подберу тебе сам!

— Как пожелаете, — можно было, конечно, чисто из вредности покочевряжиться, но если переодевание не грозит моему инкогнито, смысла прогонять Кавендиша больше нет. — Только нужно кое-что забрать из магазина...

Сэр Томас тоже расстроился, разглядев кислую мину Кавендиша — он, как и я, ожидал от Клиффа более ярких эмоций. Но, несмотря на отсутствие восторгов, расплатился маркиз безропотно. В своей обычной манере бухнул на стол целую пачку купюр крупного

достоинства, даже не позаботившись о сдаче.

Потом также молча подхватил два упакованных свертка — один с синим комплектом одежды, другой с бордовым. Я сгребла в охапку старые вещи и подцепила туфли горничной. Эх, жаль, недолго посчастливилось в них ходить... Хотя мужские ботинки из детского отдела тоже оказались весьма комфортными.

— Будем ждать вас еще, лорд Кавендиш! — бросил на прощание продавец. Во всем его виде читалось неподдельное раскаяние: он так и не понял, почему заказчику не понравилась проделанная им работа.

А вот я догадалась: капризный мальчик обиделся, что ему не дали блеснуть талантами в области моды. Вон, даже дверцу фиакра передо мной придерживать не стал. Просто залез внутрь, устроился на диване и дал отмашку Армстронгу — и без разницы, успела я следом забраться, или нет...

А я успела. От меня не так-то просто отделаться. И теперь, когда объемная одежда больше не сковывает движений, я стану еще более стремительной и смертоносно мстительной. Кавендиш еще пожалеет, что не проехал тогда мимо на своей телеге...

— Вы сердитесь? — спросила я, когда молчание начало наигрывать «Токагту и фугу ре минор»^[6] на моих нервах.

Клифф вынырнул из своих мрачных размышлений.

— Нет. С чего ты взял?

— Значит, можно задать вам один вопрос?

Собеседник глубоко выдохнул.

— Валяй. Ты ведь только ради этого ко мне и приклеился, так ведь?

Не знаю, чего в его голосе было больше — раздражения, надежды или... покорности судьбе.

— Вы сказали, что ваше увлечение морфием осталось в прошлом. Почему?

Клифф пожал плечами.

— Тюрьма лишила меня многих вредных привычек. По некоторым я, честно говоря, скучаю...

Хм. Очень интересное заявление. Что же это за привычки такие, если и сейчас его образ жизни здоровым не назовешь?

— Расскажите?.. Кажется, я не все о вас знаю, — хотела было взяться за блокнотик, но Клифф так нехорошо взглянул на него, что я решила обойтись устным опросом.

— Это кажется тебе удивительным? Меня вроде пока не заносят в школьные учебники, — он опять закрылся. Отгородился непробиваемым заслоном циничного высокомерия.

Я задумалась. Сказать ему или нет? О том, что последние три года только тем и занималась, что собирала самые разные слухи о «порочном боге» Лондона?.. Коллекционировала газетные вырезки с разгромными статьями, выуживала мелкие факты из новостей о его отце и друзьях, пополняя кладезь информации о бывшем любовнике. На стеночку находки, правда, не вешала, но в памяти моей каждой из них было уготовано собственное место...

— Я, в некотором роде, изучал вас, лорд Кавендиш... — загадочно произнесла я и сцепила руки в замок, поигрывая пальцами.

— Звучит маниакально, — он одарил меня настороженным взглядом и сдвинулся к противоположному краю дивана. — И в чем это заключалось?

Снова отсаживается. Как и тогда, в пабе... Подождите! Так он меня что ли... боится?!

— Наводил справки. В прессе о вас пишут с завидной регулярностью, — чтобы проверить свою теорию, я пересела на его сторону, почти коснувшись мужчины боком. Клифф дернулся в сторону и прижался спиной к стене, взирая на меня с неприкрытой оторопью.

Ха, так и есть! Волкодав испугался маленькой гончей. Успех или не совсем?.. Впрочем, любая эмоция всяко лучше, чем напускная холодность.

— Так что с вами случилось, лорд? — с нажимом произнесла я.

Кавендиш перескочил на пустующее сиденье и наконец-то задышал спокойно.

— Я... — он замялся, будто сомневаясь, говорить или нет. Понизил тон, хотя подслушивать нас было абсолютно некому. Да и несподручно — в трясущемся-то экипаже. — Я остыл к женщинам...

— ДА ЛАДНО?! — я пару раз ошарашенно открыла и закрыла рот. Весь боевой настрой сразу слетел с меня. — Вы же распоряжаетесь целой армией куртизанок!

Клифф скромно махнул рукой.

— Не армией, а всего лишь девятнадцатью. Да и это просто работа. А вот женщины для души, в качестве хобби... — он уставился в потолок и сокрушенно покачал головой.

Хорошо, что Кавендиш смотрел вверх и не видел, как меня перекосило. Значит, вот кем я когда-то стала для него — женщиной, соблазненной «в качестве хобби»?! О, буду знать, что моя честь и доброе имя сгинули не просто так, а пошли на развлечение скучающего маркиза!

Еле удержалась от того, чтобы не придушить милого наследничка прямо здесь, его же собственным шейным бантом. Но мертвый он больше не сможет ничего рассказать, а любопытство в последнее время пылало чуть ли не жарче ненависти...

— То есть... — я запнулась: не умела говорить о подобных мерзостях в столь поэтической форме. — Вы имеете в виду...

— Да, — подтвердил он. — Пресса продолжает сочинять про меня всякое, но на самом деле мои похождения остались в прошлом... Мне больше не интересны недоступные леди.

Еще бы, когда под рукой столько доступных.

— Я вам не верю, — подумав, заявила я. — Некоторые из ваших недавних пождений были описаны со всеми подробностями. Например, акт бесчестия с мадам Честертон...

— Мадам Честертон уже восемь лет, как вдовствует. Это был акт сострадания, а не бесчестия. Если ты понимаешь... — он многозначительно поиграл бровями.

Я не поняла. Но уточнять не стала.

— То есть вы не получили удовольствия от данного инцидента?

— С каких пор тебя волнует мое удовольствие, Малек? Допустим, получил — но ведь этот факт не отменяет пользу благого поступка, что я совершил? А если наоборот — разве отсутствие наслаждения прощает грех?

Он сказал это с очень серьезным лицом, но у меня создалось впечатление, что маркиз насмехается надо мной. Я взяла паузу. Почему-то признание Клиффа вызвало во мне странные ощущения. Легкое чувство, похожее на смесь сожаления и обиды... Нет, я ни в коем случае не сочувствовала потере его «хобби» — так и надо, сластолюбцу богопротивному! Но в голове словно зазвенел тихий тревожный звоночек. Крючок, засевший в груди после «веселья» в пабе, снова болезненно дернулся.

— Это ведь не из-за тюрьмы, а из-за нее? Вашей почившей невесты... Так?

Кавендиш моментально посуровел.

— Довольно, Малькольм, — сказал он изменившимся тоном. — Мы договаривались на один вопрос, а ты задал уже целых шесть.

— Но это очень важный аспект, лорд! — воспротивилась я. — Психологическое обоснование — главный ингредиент хорошей исто...

— АРМ! — заорал Кавендиш. — Армстронг, стой!

Фиакр остановился, и я подобралась, на всякий случай вцепившись руками в диван. Сейчас прикажет своему жуткому громиле вышвырнуть меня на улицу... И спасибо, не на полном ходу.

В окошке показалось рябое лицо дворецкого.

— Подвинься, я лучше поеду с тобой на кОзлах, чем рядом с НИМ, — разъяренно сказал Клифф и выскочил из салона, громко хлопнув дверцей перед моим носом. Вскоре экипаж снова застучал колесами по мостовой.

Я раздраженно передернула плечами и уставилась в окно. Определенно, одной ехать даже приятнее. Снаружи проплывали дома и пешеходы, но я их не замечала, погрузившись в размышления.

Когда сын герцога впервые сказал, что любил Марс О'Коннор, я не восприняла его всерьез: чтобы Клифф Кавендиш кого-то любил? Да это ведь просто невероятно — такие мерзавцы априоры не способны на глубокие светлые чувства! Но раз за разом наблюдая одну и ту же реакцию на ее имя — стоит мне заговорить о ней, и он будто срывается в бездонный колодец, заполненный темной ледяной водой — я убедилась: маркиз не соврал.

Он и правда любил ее. Точнее, любит до сих пор, хоть она и давно мертва.

И хотя этот нюанс добавлял ему привлекательности, как человеку, мне он доставлял настоящую боль. Одно дело — думать, что осталась без взаимности, так как избранник априори не способен любить, и другое — доподлинно знать: способен.

Просто он выбрал не тебя...

***

Внезапное предложение

Даже сбежав поближе к лошадям, лорд не отказался от намерения привести меня в «божеский вид». Мы поехали в магазин верхней одежды, и не в один — первый не удовлетворил требовательного маркиза ассортиментом, и нам пришлось идти во второй.

Клифф прошелся туда и обратно мимо длинного ряда с вешалками.

— Это, — почти не глядя, ткнул он пальцем в пальто. Ушлый продавец тут же бросился исполнять волю обеспеченного клиента. Он возмущенно подвигал бровями и почти что зашипел, когда я недостаточно резво, на его взгляд, расставила руки для одевания. Куда бы мы не зашли, реакция на Кавендиша была одна: все дружно стелились перед ним, рассыпались в комплиментах его вкусу и бились в экстатическом желании услужить.

Я бы ни за что не смогла изобразить из себя подобного преклонения... хотя, может, и следовало. Как долго лорд станет терпеть мой нрав, и насколько быстрее я смогла бы добиться от него сенсационных подробностей своей жизни, претворись восторженным поклонником, а не оскорбленным злопыхателем?

Я была почти уверена, что Кавендиш ткнул в пальто наугад, но выбранная им модель на

удивление хорошо села. Фасон, размер, цвет, покрой... о цене я старалась даже не думать. Вряд ли я смогла бы заработать столько, сколько он на меня потратил, даже написав с десяток разоблачительных статей. И в зеркало старалась не смотреть — того и гляди, понравится одеваться по-мужски...

— Где ты живешь? Давай завезем вещи. Раз уж все равно день потерян... — Кавендиш недовольно посмотрел на меня, когда мы вышли на улицу.

Я хмыкнула и назвала адрес. Можно подумать, его кто-то просил целый день разъезжать по магазинам. Сначала раздевает, потом одевает, а по завершении, вишенкой на торте, еще и высказывает претензии... Я ему игрушка, что ли?

— Леман-стрит? — он на миг задумался и опешил. — Это тот, что на другом конце города? В Уайтчепел?

— Именно он.

— И как же ты добираться до Бромптона? С извозчиками?

— На омнибусе, — коротко ответила я. Уточнить, что финансы поют романсы, не хотелось. — Точнее, двух — прямого маршрута на такое расстояние нет.

Клифф замер, переваривая информацию. Видимо, я сказала нечто, с трудом укладывающееся в его голове. Сомневаюсь, что герцогский сынок, выросший в роскоши и изобилии, хоть раз близко подходил к общественному транспорту.

— А вчера, когда ты явился ни свет ни заря, ты тоже?..

— Да.

— И ты не боишься... Жить там один? После всего ^[7]...

Я не удержалась от смешка.

— Нет, я ведь не проститутка. А вот вам, с вашей репутацией, стоит поостеречься.

Маркиз ничего не ответил. Вернулся к фиакру и легко запрыгнул на козлы.

— На Леман-стрит, — скомандовал он Армстронгу.

Дворецкий лишь молча прибил меня взглядом к тротуару. Кажется, после этой поездки он возненавидит Лукаса еще больше.

Даже из центра дорога до моего жилья не самая близкая. Пит Армстронг вложил в управление лошадьми всю свою дьявольскую энергию: яростные щелчки его кнута слышались даже внутри фиакра — я бы непременно пожалела лошадей, если бы не считала их не менее чудовищными отродьями. Карета раскачивалась, на большой скорости маневрируя между другими участниками дорожного движения. Нам вслед раздавались проклятия и пожелания быстрой неминуемой смерти — но вряд ли этот факт смущал кого-то, кроме меня. Оставшись в одиночестве, я попробовала было достать перо и записать хоть что-то из сегодняшнего диалога, но фиакр качало так сильно, что я побоялась пролить чернила на диван или, того хуже, новый гардероб.

Когда мы доехали до места назначения, я готова была возносить небу благодарственные молитвы — потому что осталась жива.

За Уайтчеплом закрепилась дурная слава. Говорят, несколько лет назад тут творилось черт знает что, но сейчас это был обычный бедный район. Здесь находилась редакция газеты моего дяди, здесь же он поселил и меня — на самой окраине, подальше от мест трагических событий.

Я взяла вещи и спустилась на землю. Леман-стрит — серенькая, скучненькая и безликая улица. Дома здесь одинаково унылые, мне понадобилась неделя, чтобы научиться определять именно свой. Кавендиш спрыгнул вслед за мной.

— Куда? — он оглядел нестройный ряд построек и отобрал у меня свертки. В сгущающихся сумерках здания выглядели особенно угрюмыми.

— Не надо... Я сам отнесу! — не хватало только, чтобы Клифф побывал в моей комнате. Самооценка и так трещала по швам.

— То, что ты нищий, я уже понял, — отрезал он. — Чего тебе еще стесняться?

Ну, как пожелаете... Я показала рукой в сторону одного из домов. Мы молча вошли во двор, поднялись на третий этаж. Кавендиш казался чужеродным элементом на темной скрипучей лестнице. Его возвышенный аристократический облик не сочетался с неудобными помещениями сдаваемого в наем жилья.

Моя комнатка мало чем отличалась от остальных комнат. Внутри не было ничего ужасного или отталкивающего — конечно, я выросла немного в других интерьерах, но человек существо приспособляемое, быстро привыкает к новому... Но Кавендиш все равно пораженно застыл на пороге. Меня это даже задело: на рабочий дом, в котором было куда хуже, он реагировал спокойнее.

— Благодарю за помощь, лорд Кавендиш, — сухо отрапортовала я. — И за новую одежду... Увидимся завтра с утра.

Я потянулась за покупками, которые он держал в руках, но Клифф вдруг отступил назад, не давая забрать вещи.

— Слушай, Малек... Ты, конечно, просто мой секретарь, но все равно, жить в ТАКОМ месте... Может, остановишься на время работы у меня?

Я тоже замерла, глядя на маркиза с раскрытым ртом. В голове пронесся ураган мыслей. Жить в доме Кавендиша?! Вне всяких сомнений, это будет ужасно! Неудобно, неприлично, стеснительно, да и особая «любовь» Армстронга не внушала чувства защищенности... С другой стороны, находясь целые сутки в тылу врага, я получу легкий доступ к его счетам и официальным бумагам. Моя задача сильно упростится, и можно будет забыть об утомительной дороге туда и обратно...

— Хорошо, — выговорила я.

— Тогда собирай вещи, и поехали, — мне показалось, он облегченно выдохнул. — Это райончик меня угнетает...

Я не стала говорить ему, что кладбище под окнами угнетает куда сильнее. Растерянно огляделась по сторонам. Брать было нечего. От прежнего гардероба меня мутило. Ничего женского, ТАЙНОГО в моем обиходе просто не осталось. Я нарочно оставила любые дамские атрибуты в прошлом. В нынешних реалиях они могли лишь отвлекать меня от цели и ставить под угрозу личность Лукаса.

Чуть подумав, я все-таки захватила стопку книг и письменных принадлежностей — то, что помогало мне в работе журналистом.

— Все...

— Ты — невероятная личность, Малек, — Клифф раздраженно цокнул языком и взвалил на себя новую ношу. Учитывая обстоятельства, это вряд ли можно было считать комплиментом.

***

Армстронг немало удивился при виде нас, появившихся на улице с еще большим набором скарба.

— Потом объясню, — глухо откликнулся лорд в ответ на его требующий разъяснений взгляд. Свалив ношу внутрь салона, он всерьез задумался, с кем сесть на обратном пути — с надоедливой мной или сердитым дворецким... Выбор пал на последнего. Я повторно оскорбилась.

Назад в Бромптон мы добирались не менее стремительным образом. В безумной манере Армстронга управлять фиакром была своя польза — если на перекладных я тряслась около полутора часов, то сейчас дорога до дома Кавендиша заняла не больше сорока минут.

Мы приехали к самому ужину. Совсем стемнело. На фоне темно-фиолетового неба мрачный особняк выделялся мрачным пятном. И лишь окна первого этажа пылали желтым, придавая угрюмому зданию слегка приветливый вид.

— Добрый вечер, Роза, — поздоровался Клифф с вышедшей нам навстречу служанке. — Пусть миссис Коулман вместе с новенькой накрывает на стол, а ты приberi спальню наверху. Мистер Лукас пока поживет у нас.

— Его дом сгорел?.. — тихо пробормотала озадаченная горничная, но пошла исполнять приказ.

— А ты, Арм, помоги Мальку донести вещи. Я подожду вас в столовой.

Дворецкий, гневно пыхтя, подхватил мои пожитки одной левой и направился вслед за Розой. Коротко глянув на Клиффа, я побежала вслед за ними. Мне было неловко перед слугами Кавендиша.

Служанка открыла небольшую дверь на мансардном этаже и пропустила меня вперед. Мы с женщиной вошли нормально, а вот рослому слуге пришлось согнуться, чтобы переступить через порог. Моя временная спальня представляла из себя типичную спальню, расположенную прямо под крышей — судя по всему, добрый маркиз поселил меня на чердаке.

Нет, я не жалуясь — как и во всех комнатах Клиффова дома, здесь было весьма атмосферно. Низкая крыша шла под углом, опускаясь прямо к огромному, почти во всю стену, окну: может, поэтому, а может, потому что здесь никто никогда не жил, спальня казалась прохладной. В укромных закутках деревянных стропил, вероятно, жили летучие мыши и пауки. В остальном — была кровать, был стол с плотным шкафом и даже симпатичная люстра. Жить можно.

Сгрузив вещи на пол и бросив на меня последний уничтожающий (и предупреждающий) взгляд, Армстронг пошел вниз по лестнице. Топал он при этом так, что на нижних этажах должна была осыпаться штукатурка. Роза быстро смахнула пыль с мебели и спустилась за постельным бельем.

Я еще раз огляделась и пришла к мнению, что на чердаке почти уютно. Из плюсов нового жилья — относительная удаленность от спальни Кавендиша. Из минусов — панорамный вид на Бромптонское кладбище.

Вернулась служанка, держа в руках благоухающие свежестью простыни.

— Как давно вы служите лорду Кавендишу? — спросила я, чтобы сгладить неловкое молчание между нами.

— Около двух лет... сэр, — горничная запнулась, но все-таки обратилась ко мне, как к аристократу. Ей пришлось сделать над собой усилие — «сэр» был младше лет на двадцать, худее, ниже ростом, и всего пару часов назад разгуливал по городу в ее ботинках.

— И как вам работается у такой... ммм... неординарной личности?

Роза еле заметно пожала плечами, ловко заправляя одеяло в пододеяльник.

— Прекрасно, мистер Малькольм. Наверное, я привыкла быть в подчинении у неординарных личностей.

— Правда? А на кого вы работали до этого?

— Я была личной горничной леди Марс. Недолго, всего месяц перед тем, как она... скончалась.

Меня передернуло. Опять ОНА. Я подошла к окну и сделала вид, что люблюсь чудесным пейзажем ночного погоста. Если смотреть по хронологии, Клифф вышел из тюрьмы и вскоре после этого нанял себе прислугу своей невесты. Странно... Неужели он сделал это для того, чтобы было с кем вспоминать любимую?..

От лежащего по ту сторону окна кладбища явственно потянуло холодом.

— И какой она была? — как можно незаинтересованнее спросила я.

— Очень красивой. И сильной.

Вот и разгадка. Я не могла похвастаться ни тем, ни другим. Неудивительно, что Кавендиш забыл меня сразу же, как вышел из моей спальни. Я оказалась таким бледным событием в его насыщенной жизни, что он не запомнил ни моего голоса, ни лица...

Я неуверенно хмыкнула.

— Что же, в ней совсем не было недостатков?

Роза отчего-то улыбнулась.

— Были, и множество. А главный из них — она совсем не любила лорда... Пойдемте, мистер Малькольм, наверняка ужин уже накрыли.

Я кивнула и машинально пошла вслед за ней. В некотором роде мне повезло — Роза наверняка более разговорчива, чем Кавендиш, вот только интересоваться таинственной Марс О'Коннор вдруг резко расхотелось. Даже в своих недостатках она обставила меня. Потому что я его до сих пор... Нет, не любила. Я в нем застряла.

Так застревают невесомые мушки в жирных сетях паука. Я словно угодила в паутину — запуталась, провалилась вглубь, и напрасно билась уже четыре года, пытаюсь высвободиться и улететь, забыв оковы, как страшный сон... Моя жизнь остановилась, я перестала мечтать о будущем, фактически перестала существовать — лишь снова и снова возвращалась мыслями к прошлому, к знакомству с Клиффом, заиклившись и нарезая тихо звенящие от напряжение круги по орбите нашей роковой встречи... Паук давно забыл про добычу, сплел иные сети и вообще ушел на другой конец леса, а я все еще болталась между небом и землей.

В столовой нас уже ожидали Клифф с Армстронгом.

— Садись, Малек, — хозяин дома хлопнул по стулу рядом с собой. — Хорошо разместился?

— Чудесно, лорд Кавендиш. Ваше милосердие не знает границ.

Чтобы не смотреть на непотребные картинки на стене, я сосредоточилась на слугах, и почти сразу обнаружила еще одну жертву коварного обольстителя — юную Элайзу. Она сновала вокруг стола, подкладывая еду и посматривая на маркиза с затаенным восхищением. Ловила его движения, стараясь предугадать и тут же исполнить любое желание... Дурочка! Но какая все-таки хорошенькая... Отсутствие мозгов и слабость к высоким брюнетам — опасное сочетание (на собственном опыте убедилась). Он ведь ни за что не удержится от соблазна, а она и рада будет...

— Малек, ты чего испепеляешь девушку взглядом? — насмешливый голос Клифа вывел

меня из душевного неравновесия. — Тебе не доложили овощей? Или влюбился?

Присутствующие посмотрели сначала на меня, потом на Элайзу. Последняя покраснела.

— Все нормально, — буркнула я и опустила глаза к тарелке. Кажется, за всеми этими переживаниями я почти забыла, что такое еда.

В доме Кавендиша не ценили долгие застолья, и ужин быстро подошел к концу. Клифф с дворецким встали и собрались уходить, служанки убрали со стола. Я не последовала их примеру, а медленно отступила к книжному шкафу.

— Малек, ты не идешь?

— Нет, я... — спешно взяла первый попавшийся в руки том. Очень увесистый. — Я заметил у вас в коллекции интереснейшую книгу — «Математические начала натуральной философии»^[8]... Почитаю перед сном... Чтобы сны хорошие снились.

— О тяготении-то? — усмехнулся хозяин дома. — Ну, как знаешь. Спокойной ночи.

— До завтра, лорд Кавендиш, — я с важным видом уселась в кресло и раскрыла книгу. Роза, тихо посмеиваясь, собрала тарелки и покинула столовую. За ней шмыгнула Элайза. Они еще пару раз пришли и вышли, а потом я осталась одна.

Наконец-то! Время возмездия наступило — нужно отомстить Кавендишу прежде, чем он успел загубить еще одну невинную душу! Я сделаю это сразу же... Сразу же завтра. А сейчас мне нужно заняться кое-чем другим.

Я встала и осторожно подошла к стене. Кровь бросилась к лицу, дыхание сперло в груди, стоило вблизи увидеть коллекцию миниатюр Кавендиша. Я переводила взгляд с одной картинки на другую, и меня переполняло возмущение и... недоумение. Почему у всех этих женщин такие забавно перекошенные лица? Будто они кричат... Но ведь в постели удовольствие получают только мужчины... Наверное, это от боли — попробуй так изогнись и не заори. Или унижения — Господь Бог придумал людям рот, чтобы кушать и говорить, а не... Фу, даже подумать страшно!

Но почему так трудно дышать?.. Кажется, страдания этих женщин передались и мне: сердце билось, как ненормальное, ноги слабели, в животе локализовалась подозрительная тяжесть. Интересно, можно ли умереть, получив сердечный приступ от просмотра непристойных художеств?..

— И как тебе «Математические начала»? — прямо над ухом раздался любопытный голос Кавендиша. — Увлекают?

Я дернулась и выронила монументальный труд ученого, который все еще держала в руках. Тяжеленный том приземлился прямо мне на ногу, доказав справедливость описанных в нем законов, а я тихонько взвыла. Может, от непристойностей и не умирают, но от стыда — легче легкого!

— Все нормально, не переживай, — «успокоил» меня Клифф. — В твоём возрасте нормально интересоваться такими вещами... Хочешь, поделюсь опытом? Вот это — классическая позиция: самая очевидная, но при этом скучная... Вот — «Бутон лотоса», а вот — «Затаившийся тигр». Не обнадеживайся — эти позы смотрятся красиво, но далеко не все из них применимы на практике. Вот эта, например, совершенно невыполнима, а вот эта... — он оглядел меня и закончил уже не так уверенно, его голос охрип, — хорошо подойдет для людей с большой разницей в росте...

— А как называется вот это позиция? — я ткнула пальцем в одну из миниатюр: женщина сидела верхом на мужчине, обхватив его бедра ногами.

Кавендиш помрачнел и насупился.

— Знаешь что... Маленький ты еще, такие картины рассматривать! У нас завтра работы невпроворот, а ты!..

И он как-то чересчур поспешно ретировался из столовой. Я подняла Ньютона и с силой вставила том на законное место, отчего шкаф закачался и закрипел.

Нет, ну какой сноб! Лишь бы покрасоваться, познаниями своими глубокими прихвастнуть... «Затаившийся лотос», «Тигр и бутон»... Со мной-то он так не изгалялся — обошелся «классикой»!

10. Клифф

Это все физика виновата...

Я достал с полки книгу с изыскания Ньютона и задумчиво повертел ее в руках. «Математические начала натуральной философии» с научной точки зрения описывают взаимодействие тел в пространстве.

«Любые два тела притягиваются друг к другу с силой, прямо пропорциональной массе каждого из них и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними...».

Если верить Ньютону (а у меня не было оснований ему не верить), тому, что меня так непреодолимо тянет к Мальку, есть вполне логическое объяснение.

— Роза, поднимись еще раз к Лукасу и спроси, когда он думает завтракать?

— Я была там пять минут назад, лорд. Он отказался — сказал, плохо себя чувствует.

Ну-ну, знаем мы это внезапные недомогания. Небось, боится показаться на глаза после вчерашнего.

— Тогда отнеси еду прямо к нему. И предупреди, что я приду проверить, все ли он съел.

Служанка не сразу нашлась с ответом.

— Конечно, Ваша Светлость, — обменявшись с Армстронгом короткими многозначительными взглядами, женщина взяла тарелку с ложкой и покинула столовую.

Знаю, слуги в тихом ужасе от моих поступков. В последнее время я действую немного непоследовательно и экстраординарно... даже для самого себя. Позвать Малькольма жить с собой — уже перебор, согласен. Но как я мог оставить его — такого мелкого, слабого и беззащитного — в этом жутком райончике, где еще недавно бродили маньяки-убийцы? И ведь Джека так и не поймали... Вдруг он решит переключиться на юных сладких мальчиков?..

— Арми, подожди, — дворецкий уже встал из-за стола, но я задержал его. — Мне нужно кое о чем поговорить с тобой.

Человек-гора остановился.

— Знаешь, вопрос может показаться тебе странным, но... Как думаешь, нормально ли мужчине, находящемуся в несколько стесненных физических и эмоциональных обстоятельствах... испытывать влечение к другому мужчине?

Армстронг задумался над моим вопросом. Обычно он отвечает молча, но в этот раз дворецкий, видимо, счел проблему достаточно серьезной, чтобы изменить принципам.

— Нет, сэр, — просипел-прохрипел он.

Я прошелся по комнате, подыскивая правильные слова. Вместо слов отыскался графин с алкоголем.

— Наверное, ты меня не понял... Что, если рассматривать это влечение, как естественную реакцию одного живого существа на другое? Ну, вспомни: когда мы несколько месяцев сидели в одной камере, например? Я — весьма привлекательный и удачно скроенный мужчина, а физиология — она и есть физиология... Неужели ты никогда не думал... ну, не рассматривал меня в этом плане?..

Дворецкий долго смотрел мне в глаза — с каким-то упорным, почти что тупым непониманием. Будто бы я сказал нечто совершенно запредельное для его восприятия.

— НЕТ.

— Ладно, Арм. Можешь идти, — безнадежно махнул рукой я и залпом осушил бокал с

виски.

Может, я не настолько привлекателен, как считал? Обидется, что ли, вычесть у него из зарплаты... Ладно, спишем на ограниченный кругозор дворецкого. Всяко, необразованный дубина из трущоб — не тот, с кем следует говорить о высоких материях.

Вернув Ньютона обратно, я поднялся на третий этаж. Чтобы пролезть в комнату Малька, пришлось наклонить голову. Черт, даже не думал, что у меня в доме есть такие несуразные маленькие двери... Да и внутри оказалось не лучше. Для журналиста — в самый раз, а вот мне с моим ростом было явно тесновато.

Малек, сидевший за столом, поперхнулся кашей. К счастью, в этот раз гость был полностью одет. На мгновение стало стыдно — ну не приучен я стучать, что ж теперь поделать? С самого детства я всегда входил куда и когда захотел. Да и не к лицу «Порочному богу Лондона», как шутливо звала меня пресса, сторониться юркого мальчишки.

— Болеешь, значит? — я подошел ближе и посмотрел на бумаги, разложенные вокруг тарелки.

Тот выпятил подбородок, выглядя одновременно дерзким и виноватым. Как у него это получилось, ума не приложу.

— Не пытайся провести меня, Малек. Я всегда чувствую обман.

Паренек перестал дуться и как-то странно ухмыльнулся, приподняв краешек рта.

— Да неужели?..

— Даже не сомневайся.

Малькольм несколько раз глубоко вздохнул. На его щеках медленно таял нежный румянец.

— Я спущусь, — он отвернулся и взял выпавшую из рук ложку. — Лорд Кавендиш, Роза передала, что вы заботитесь о моей сытости...

— Верно. Ты очень худ. Тебя любой завалить сможет, — сказал и сам поразился. Что за невероятный ход мыслей?!

— Так почему вы нависаете и МЕШАЕТЕ МНЕ ЕСТЬ?

— Скажи спасибо Ньютону, — проворчал я. — С физикой спорить бесполезно...

Малек не удержался и удивленно взглянул на меня.

— Чего? Вы сами-то как себя чувствуете, лорд?

Хм. Душевное состояние колеблется, и голова немного не в себе, а в целом — бодрость, энтузиазм, возбуждение... Давненько я не чувствовал себя таким ЖИВЫМ. Озвучить Мальку полный анамнез? Пожалуй, не стоит.

— Прекрасно, Малькольм, прекрасно! И скоро мне станет еще лучше... В общем-то, я просто зашел убедиться, что состояние позволит тебе сопровождать меня по делам. Рабочим.

Журналист нахмурился и отправил в рот ложку Коулмановской стряпни. Потом еще одну. Он очень внимательно разглядывал пейзаж за окном, будто ожидая, что среди крестов и склепов вот-вот начнет происходить нечто увлекательное.

— Позволит, — наконец вымолвил парень. — Куда поедем?

— В бордель, — услышав заветное слово, Лукас сразу же забыл о кладбище и обратил внимание на меня — так и знал, что тебя воодушевит эта новость, маленький шалунишка! Поймав его пораженный взгляд, я поправился. — В МОЙ бордель.

Кажется, мне срочно нужна женщина. И не одна...

Кавендиш, страшный и ужасный

— Нет, сегодня я в твоих услугах не нуждаюсь, — Армстронг уже запрягал лошадей, и мне пришлось осадить его. — Доберусь сам.

Получилось немного грубовато — видно, обида за пренебрежение моей красотой еще не прошла. Дворецкий медленно обернулся. В его маленьких темных глазах плескалось острое разочарование. Прямо преданный пес, которого пнули ногой за излишнее рвение в службе хозяину. А я всего лишь устроил ему внеплановый выходной.

— Никто не сравнится с тобой в умении управлять фиакром, — поспешил объяснить я. — Просто хочу поехать в омнибусе.

На смену разочарованию пришел испуг и удивление. Как назло, именно в этот момент из дома вышел Малек, и удивление сменилось возмущением.

— Не ревнуй, Арм, — похлопал я дворецкого по плечу. — Ты по-прежнему мой самый любимый слуга. Но рано или поздно приходится менять устоявшийся порядок вещей. Когда хочется совершить нечто координально новое... Понял?

Раздраженно рыкнув, Пит взял одну из лошадей под уздцы и повел ее обратно в конюшню. Само собой, дворецкий не понял. Но навязывать свое общество не стал.

Лукас прикрыл за собой дверь и двинулся ко мне. И у меня, как старательно я не готовил себя к зрелищу дефилирующего Малька, снова захватило дух. Никогда не видел, чтобы одежда настолько подчеркивала фигуру. И каким местом я смотрел раньше?.. Считал его нескладным, называл "нахохлившимся птенцом"...

Не похож он на птенца. Скорее — на котенка, хрупкого и грациозного. Непредсказуемо ласкового и сердитого. То ли выпустит когти, то ли огладит пушистой лапкой...

Я помотал головой, прогоняя внезапно разыгравшееся воображение. Спасибо, сэра Томас, удружил! Ноги моей больше не будет в «Удивительных фраках и пиджаках». Обещал Малькольму достойное облачение — то, в котором юноша без труда сможет покорять женские сердца. А этот продавец превратил моего секретаря в приманку для извращенцев...

Малек подошел ко мне, оглядывая двор и недозапряженный экипаж.

— Выглядишь взволнованным. Никогда не бывал в борделе? — спросил я и тут же прикусил язык.

Очевидно, что даже рядом не стоял. Малыш невинен и свят, аки херувим. Даже не обратил внимание на насмешку. Только спросил напряженным голосом:

— Надеюсь, поездка предстоит сугубо официального характера?

— Конечно, — без зазрения совести соврал я. Что поделывать, раз моя чудесная работа напрямую связана с получением удовольствия. Судя по его неуверенному виду, Малек и так в шаге от того, чтобы сбежать. Если узнает, для чего мне понадобился визит в публичный дом на самом деле, точно исчезнет и пропустит все веселье.

— А где ваш дворецкий?

— Армстронг нас не повезет, — я взял журналиста под локоть и потянул его в сторону ворот: надо улизнуть до того, как слуга вернется и застанет нас за беседой. — Придется ехать по-простому, вместе с рабочим классом.

Малькольм захлопал глазами, осмысливая сказанное. Он явно не рассчитывал когда-либо услышать от меня такое.

— И вы готовы пойти на это?!

— В других обстоятельствах я бы вряд ли решился на подобную авантюру, но раз уж у меня в доме поселился знаток общественного транспорта... Показывай, где остановка. Я, честно говоря, даже не подозревал, что до Бромптона ездят омнибусы.

— А они и не ездят, — откликнулся сконфуженный Малек. — Нужно идти двадцать минут до Фулхэм Роуд.

— Еще и идти... — пробормотал я. Полтора часа в тесной трясущейся повозке, потом пешком несколько кварталов: это ж насколько бедняга должен быть увлечен мной, чтобы преодолевать такие расстояния! Нет, чтобы найти развратника поближе к дому...

Через двадцать минут неловкого молчания мы и правды набрали на шумную улицу. В одном месте концентрация людей была особенно высока, и какое-то необъяснимое чутье (неужели в энном колене моей чистейшей родословной затесался простолюдин?!) подсказало: дошли.

— Вы уверены, что хотите этого, лорд? — еще раз удостоверился Малькольм, оглядывая толпу из разноликого люда. Будущие пассажиры отличались полом, возрастом и степенью бедности одежды, но всех их объединяла угрюмая решимость, написанная на лицах; всех связывала одна цель — пролезть в омнибус в числе первых.

— Абсолютно. Я открыт новым впечатлениям.

— Что ж... Тогда нам лучше попасть вон на тот рейс, — парень показал на приближающийся экипаж. — Следующий только через полчаса.

Стоило омнибусу затормозить у тротуара, как цивилизованная на первый взгляд очередь превратилось в сущее столпотворение.

Мне случалось участвовать в пьяных драках, организованных обеспеченными кутилами, и публика там собиралась куда менее благородная — проигравшиеся в пух и прах виконты могли и ножичек достать в пылу сражения... Я не особо вглядывался, кому и как раздаю тумачи, просто наотмашь бил руками, следя, чтобы никто не задел прижатого ко мне Малька. Он, не размениваясь на ругань, маленьким тараном вклинивался в толпу, находил промежутки среди неплотно подогнанных тел и просачивался в них, сокращая расстояние до возжеленной повозки.

Таким способом мы оказались в омнибусе. Нам невероятно повезло — ближе к хвосту осталось незанятое место. Поймав мой одобрительный взгляд, Лукам уселся и перевел дух. Тем, кому повезло меньше, остались стоять. Остальным бедолагам пришлось лезть на второй этаж, расположенный на крыше.

Я встал рядом с ним и приготовился наслаждаться долгой и занимательной поездкой. Открытия не заставили себя долго ждать — оказалось, жизни все еще есть чем меня удивить в плане низменных удовольствий. Слева, справа и даже сзади ко мне прижимались незнакомые люди — в основном, мужчины (многие из них кидали на меня гневные взгляды, потирая ушибленные места). При каждом резком движении или неровности на дороге они терлись о меня, и ни капли энтузиазма по этому поводу я не испытывал.

Что ж, хорошая новость: с ориентацией у меня по-прежнему все в порядке. А влечение к Мальку — временное помрачение рассудка; ошибка организма, вызванная долгим отсутствием женщин. Просто так получилось, что с самого нашего знакомства я был непозволительно близок к назойливому журналисту. Перед глазами, как по щелчку, встала картина: мы стоим под дождем в подворотне бедного района, и я крепко обнимаю Малька, желая защитить его, спрятать от преследовавших нас бандитов.

Я до сих пор помнил ощущение правильности и гармонии, которое возникло, стоило мне прижать его к себе: несмотря на большую разницу в росте, стоять впритирку к Мальку оказалось очень удобно. Будто он именно для того и был создан — чтобы заполнять своими выпуклостями мои промежутки, и сглаживать своей мягкостью мои собственные неровности...

Но уже на следующей остановке наше мирное путешествие было нарушено: по скоплению тел в омнибусе прошла волна, и на свет рядом с нами вынырнула сторбленная пожилая дама. Осмотрев сидящих пассажиров, она моментально вычленила самое слабое звено — Малька, и безапелляционно заявила:

— Ишь, расселся тут... Вставай, малец. Уступи место бабушке.

Юноша пристыженно закивал и поддался вверх... Я опустил руку ему на плечо и усадил обратно.

— Сиди.

Малек вскинул голубые глаза, полные испуга и непонимания. Ох, какие огромные... Старушница тоже на миг потеряла дар речи, но голос быстро вернулся к ней — куда быстрее, чем хотелось бы.

— ХАМ! — провозгласила она, глядя на меня с негодованием. — Где ваше уважение к старшему поколению? Где сострадание?! Я прожила на свете втрое больше, чем он!

Лукас побледнел и попытался встать, но у него опять не получилось этого сделать.

— СИДИ, МАЛЕК, — строго сказал я секретарю, а потом со всей любезностью обратился к даме. — Вот именно, милая старая леди. Вы живете так давно, что уже не можете принести обществу никакой пользы. А этот молодой человек трудится не покладая рук на славу Британии. Вы что, не видите, как он худ и слаб? У него ведь рахит!

Весь омнибус слушал нашу перепалку. Казалось, еще чуть-чуть, и старушка растворится в облачке возмущенного дыма.

— Вы — страшный человек! — пропищала она.

— Даже не представляете, насколько, — вкрадчиво подтвердил я и навис над ней. Темная челка упала мне на глаза, а на губах заиграла зловещая ухмылка.

— Такой и убить может!.. — еще более неуверенно выдала пожилая леди.

— Не сомневайтесь в этом.

Старушка сникла и как-то быстро растворилась в толпе. Стоящие вокруг люди стали смотреть на меня с куда большим уважением: места в повозке было мало, но они умудрились дополнительно сгруппироваться, и вокруг нас с Мальком образовалось свободное пространство. Журналист громко дышал, покрываясь потом от стыда и волнения. Он расслабил шейный платок, оголив кусочек тонкой шеи: яркий румянец на щеках, опускаясь, переходил в белую кожу — нежную, тонкую, словно у молочного поросенка...

Так... Я тоже взмок и с усилием оторвал от него глаза, тупо уставясь в окно. Сначала — галчонок, потом — котенок, теперь вообще поросенок... Что за звериный беспредел творится у меня в голове?! Может, завести домашнее животное?.. Маленькое, трепетное, преданное; чтобы можно было тискать его и оберегать — так, как хочется оберегать Малька...

— Мда, лорд Кавендиш... — только и сказал мой спутник, когда через полчаса мы наконец добрались до места назначения.

Если для проживания я выбрал себе тихий район, то с работой дело обстояло совсем иначе: бордель под названием "Ретивые всадницы Клиффа Кавендиша" располагался почти в

самом центре города. На шикарном четырехэтажном здании красовалась вывеска — девушка с распущенными волосами и в струящихся полупрозрачных одеждах гордо восседала на огромном жеребце.

— Ну что, готов познакомиться с моей самой темной стороной? — спросил я, наблюдая за реакцией Лукаса.

— Неужели в вас есть нечто еще более ужасное, чем то, что вы продемонстрировали в омнибусе? — слабо спросил он.

— Конечно. Я ведь и правда страшный человек, — подмигнул ему и распахнул входную дверь.

Затем с промежутком в доли секунды случилось сразу несколько событий. Гул женских голосов внутри здания стих, затем раздался дружный визг: "Лорд Кавендиш! НАКОНЕЦ-ТО!!!". А потом сразу с десятков девушек подхватились с мест и бросились обнимать меня, чуть не повалив при этом на растерявшегося секретаря.

***

Пора вывести тебя на чистую воду!

Соскучившиеся куртизанки кинулись ко мне, и я позволил им обволочь себя и поглотить. Те, что стояли ближе всех, заключили меня в объятия, остальные прильнули к ним и тянулись к тем моим частям тела, до которых могли достать: гладили по голове, плечам, рукам. А я... Я нырнул в их мягкие, нежные тела, желая спрятаться от волнующих и подозрительных перемен, происходящих в моей душе. И буквально с каждой секундой, проведенной в их компании, мне становилось легче. Я снова ощущал себя Клиффом Кавендишем — прежним легкомысленным любителем слабого пола.

— Знаешь, что мне нравится в женщинах больше всего, Лукас? — вдоволь напивавшись их мягкостью, я поднял голову и наткнулся на взгляд Малька.

— И что же? — он смотрел на нас со смесью удивления, отвращения и... зависти. Неужели?..

— Это, — я потрепал одну из девушек за грудь, а потом переместил руку ниже, ухватив ее за крепкую задницу. — И вот это. У мужчин нет ни того, ни другого!

Малек скривился. Не представляю, как можно остаться равнодушным к прелестям моих девочек — они в моем борделе лучшие из лучших — но он и здесь решил покичиться своей индивидуальностью. Протиснувшись мимо нас в дверь, журналист первым проследовал в холл, робея, но стараясь выглядеть самоуверенно.

Как по мне, внутри было весьма приятно. Горел камин — больше для уюта, чем для тепла, на стенах сияли газовые светильники в виде раскидистых канделябров, висели кнуты, уздечки и стремяна. На многочисленных картинах были изображены галопирующие лошади — они яростно взмахивали гривами и словно пытались прорвать холст и ворваться в помещение — а также развязные, полуобнаженные девы. Некоторые из них были рыжеволосыми: моей невесте наверняка бы польстило, что свой бордель я посвятил не кому-нибудь, а именно ей.

Виснувшие на мне девушки галдели все разом, интересуясь моими делами и дружно рассказывая о своих успехах, но я все же расслышал потрясенный голос Малька:

— Почему здесь так много лошадей?

Я вырвался из назойливых объятий проституток и поспешил к нему.

— С некоторых пор эти животные очень интересуют меня... Знаешь, я ведь чуть не сделал карьеру жокея. Даже участвовал в скачках однажды.

— Вы?!

— Что, не читал об этом в газетах? — мстительно усмехнулся я. — Тот заезд окончился для меня бесславно... Отец постарался, чтобы в прессу не просочилось ни слова.

При упоминании герцога и семейных тайн глаза Малька жадно блеснули. Он явно готовился наброситься на меня с новой порцией вопросов, но нас прервал женский голос — низкий, резкий, но необъяснимо приятный.

— Маркиз собственной персоной! Нечасто же вы посещаете своих подопечных, лорд Кавендиш...

На верхней ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж, стояла невысокая крепкая женщина в черном бархатном платье с кожаными вставками.

— С тех пор, как их взяла под крыло сама леди Гамильтон, я совсем не волнуюсь об их благополучии, — откликнулся я и слегка поклонился.

Если Армстронг был правой и левой рукой (и всеми остальными конечностями сразу), то Лидия Гамильтон была мозгом, извлеченным из моего тела и заправлявшего борделем в мое отсутствие — хватким, деятельным и целеустремленным. В общем, тем, которого так не хватало мне самому.

— И зря! Некоторым клиентам приходится постоянно напоминать о правилах хорошего тона, — Лидия спустилась вниз, держась рукой за ажурные деревянные перила. — Не женское это дело, знаете ли, разбираться с буянами.

— Не верю, что вы не справились бы с развоевавшимися аристократишками, еще и выпившими к тому же... Кстати, а где охранники? — я оглянулся по сторонам, ища глазами ребят, нанятых двумя неделями ранее.

— Я их прогнала, — непререкаемым тоном заявила главная куртизанка "Ретивых скакунов".

— И этих тоже?!

— Да, — пожалала плечами она, подходя ко мне и протягивая руку для поцелуя. — Мало кто из мужчин сможет нормально работать в такой обстановке. Разве что, евнухи...

— Даже не знаю, что вам на это ответить, леди. Похоже, вам так и придется собственноручно устраивать взбучку драчунам.

— Стара я уже для этого, — рассмеялась женщина. Она и правда была немолода — лет сорок, не меньше, но энергичностью и харизмой заткнула бы за пояс любую красотку вдвое младше. — Так и придется идти на покой... Можно вас на пару слов, лорд?

— Конечно.

Мы отошли к окну, занавешенному толстой бархатной портьерой. Ни один лучик света не проникал через нее с улицы. Все, что происходило в "Ретивых наездницах", было тайной, недоступной для взора случайного прохожего. У нас здесь царила своя атмосфера, часть которого можно было, только заплатив немалую сумму денег. По пути Лидия деловито провела пальцем по каминной полке, проверяя ее на наличие пыли и подкинула полено в потрескивающее искрами пламя.

— Мне звонил твой дворецкий, Клифф, — стоило нам уединиться, управляющая моментально отбросила вежливо-отстраненный тон, обратившись ко мне неофициально. — Сказал, ты завел себе нового питомца...

И она, не поворачивая головы, кинула взгляд на забившегося в угол Малька, наблюдавшего за нами с отчаянным интересом.

— Прямо так и сказал? — поразительно, но Гамильтон была единственным человеком на всем белом свете, с кем Армстронг умудрялся общаться посредством голоса, а не красноречивой мимики. На мгновение я даже пожалел, что провел телефонный провод не только домой, но и в бордель. С другой стороны, уж кого-кого, а Лидии стесняться не стоило. Она не только нашла общий язык с молчуном Армом, но и знала все, что происходило со мной до и после ареста. И информацию черпала не из газет, раздувающих сенсационные статьи из высосанных из пальца фактов, и не из злословных сплетен других старожилов высшего света — а из первоисточника. То есть, из моих уст.

— Не совсем так... — она достала серебряный портсигар, взяла длинную тонкую папиросу и неспеша закурила. — С его слов, ты носишься с этим парнишкой днями напролет. Одеваешь, подвозишь до дома, кормишь, заботишься. Даже позвал его жить к себе... Хотя он еще никак не проявил своей компетенции в вопросах вашего, кхм, "взаимовыгодного сотрудничества".

Я пропустил мимо ушей скепсис в ее голосе. Отпираться бесполезно. Именно так все и было.

— Выглядит странно, да? — волнуясь, спросил я.

Женщина приподняла подкрашенные краской, изогнутые брови, затянулась и выпустила клубы дыма мне в лицо.

— Нет, — внезапно ответила она. — Этого стоило ожидать.

— Хочешь сказать, что от меня можно ожидать любой дикости?

— Не передергивай, душенька, — она нежно потрепала меня по щеке. В ее жесте не было ничего интимного, лишь снисходительная, материнская ласка. — Не вижу в твоём покровительстве ничего дикого или странного. Ты всю жизнь имел дело с одними бабами, избегая глубокого общения со сверстниками мужского пола. Я рада, что ты наконец-то нашел себе друга...

Я приободрился. Милая, мудрая Лидия. Она права — что такого в том, что мне в кои-то веки понравилось общаться и со своим полом тоже?

— Мистер Малькольм слишком неопытен для нашего порочного города. Его не мешает поднатаскать в вопросах любви. Займешься этим, Лид?

— Почему именно я? — Лидия вяло удивилась. — Думаешь, ему нужно...

— Я уверен в этом. Он чурается обычных женщин. Посмотри на него — какой он тонкий, нежный, subtilный, — перечисляя достоинства Малька, мне захотелось отобрать у нее сигарету и закурить самому.

Собеседница уже в открытую взглянула на Лукаса. Тот пытался отбиться от насевших на него девчонок: те, сначала настороженно приглядывающиеся к новому гостю, уже распознали в нем легкую добычу и теперь приставали к парню с вопросами и предложениями. Судя по его малиновым щекам, вопросы и предложения эти были вполне ожидаемого характера.

— Ну, раз ты просишь. Мальчик он симпатичный, почему нет? — опытная куртизанка предвкушающе ухмыльнулась. — Давно в мой будуар не захаживали бодрые жеребята — все пожилые ленивые мерины попадаются...

— Генрих — чудесный человек, хоть и с наклонностями, — ничуть не покривил душой я. — Он подарит тебе именно ту жизнь, о которой ты всегда и мечтала.

— Верно, — вздохнула она, делая последнюю затяжку и щелчком отбрасывая окурок в камин. — Пойдем спасать твоего протеже. Его сейчас съедят заживо. Или изнасилуют.

Стоило ей сказать это, как я явственно представил себе Лукаса: лежащего навзничь на постели, с разметавшимися по подушке волосами и приоткрытыми розовыми губами... Проклятье!

— Идем, — выдавил я.

Пора заканчивать этот балаган с нелепыми и непозволительными желаниями... Еще немного, и я узнаю, о ком холодными зимними ночами грезит Малек... И зачем он НА САМОМ ДЕЛЕ пришел в мой дом!

11. Малек

Еще посмотрим, кто кого выведет!

"И вовсе не толпа, а всего лишь девятнадцать!" — как-то заявил Клифф о количестве девушек в своем заведении.

ВСЕГО ЛИШЬ.

Вроде как, это немного по сравнению с другими публичными домами. Даже не знаю — я не специалист в бордельных делах, но по-моему, девятнадцать проституток, одновременно обнимающих Клиффа Кавендиша — это чересчур. Гораздо больше, чем могло выдержать мое бедное многострадальное сердце.

Или их было меньше?..

Одна женщина не присоединилась к акту коллективной нежности. Наоборот, отчитала лорда за то, что он редко навещается к ним в гости.

Очень необычная, однако... дама. Прямо специфическая. Хотя сразу не объяснишь, что же именно отличало ее от остальных: прямая осанка, командный голос, уверенный взгляд? Или то, что она держалась в стороне от остальных шлюх и была одета куда скромнее? Черное закрытое платье, длинная юбка — вот только кожаные детали гардероба выглядели несуразно. Кажется, ей больше всех остальных приглянулась роль "ретивой наездницы"... И, судя по тому, как благоговейно обращался к ней маркиз, для сердца моего она представляла куда большую опасность, чем остальные восемнадцать шлюх, вместе взятые.

— Можно вас на пару слов, лорд? — спросила эта "леди Гамильтон", и меня взбесило, как послушно и незамедлительно он отправился вслед за ней. Прямо телок на привязи. И потом шептался, не мог наговориться (о ком они говорили, кстати? Надеюсь, не обо мне?), позволял гладить себя по щеке...

Ух, и почему я взаправду не заболела? Откуда нашла в себе силы явиться в этот рассадник греха?!

— Какой милый сладкий юноша! — раздался еле слышимый голос у моего левого уха: пока я, скрипя зубами, наблюдала за лордом и его собеседницей, там обосновалась некая раскованная брюнетка. Я отпрянула вправо и тут же столкнулась с развязной блондинкой, присевшей с другой стороны.

— Такой юный и светлый, — мечтательно откликнулась она.

Я попыталась встать, не соприкасаясь в окружившими меня куртизанками, но еще одна их подруга нависла над нами сверху.

— Сразу видно, добрый и ласковый!

И, окончательно отрезая путь к отступлению, передо мной на колени упала еще одна девушка.

— Ошибаетесь, леди... — я прочистила горло и ответила самым низким голосом, который только смогла воспроизвести. — Я злой, грубый и темный!

— Ууу, еще интереснее! — промурлыкала четвертая, опуская руки на пол и почти вытряхивая из декольте свои верхние прелести. — Неизвестный мистер, со мной вы можете быть каким угодно — даже грубым. Меня это заводит.

Я удивилась, но близкий контакт с девицами неустойчивых моральных принципов не вызвал во мне отвращения. К чести Клиффа, его "подчиненные" были чистыми, ухоженными и приятно пахли.

— Милые дамы, вы не так меня поняли! Я пришел сюда по работе. Даже денег с собой не взял!

Соблазнительницы слегка подостыли. И лишь та, что заводилась от грубостей (нагрубить ей, что ли, чтоб отчалила?!), спокойно продолжала раздеваться.

— Ничего страшного, мистер! Я готова сделать вам подарок...

Такая самоотверженность и любовь к своему делу немало меня поразили. Дело приобретало пугающий поворот. Но не станет же эта ненормальная предаваться распутству прямо в гостиной?.. Господи, да она ведь уже это делает!

— Благотворительностью решили заняться, девушки?! — помощь подоспела как нельзя вовремя: Кавендиш вспомнил про мое существование и поспешил утихомирить распоясавшихся путан.

— Матильда, Розетта, Клозетта! — вторя Клиффу, строго окликнула проституток леди Гамильтон. — Вы чего здесь устроили? У нас приличное заведение, а не какой-то там бордель!.. ДЖЕССИКА, РАЗОРВИ НАПОПОЛАМ ТВОЕГО ПАПАШУ!!! Слезь с него и спрячь наконец свою грудь!

Разочарованные, но не слишком напуганные шлюхи расступились, давая мне вдохнуть кислорода.

— А зачем вы тогда привели к нам этого красавца, лорд Кавендиш? — обиженно протянула "заводная Джесс", натягивая на пухлые белые плечи лямки корсажа. — Разве не за тем, чтобы мы помогли ему расслабиться и отдохнуть от тягот мирской жизни?

— Рано ему отдыхать! Он еще даже не поработал как следует... Правда, Малек?! — грозно спросил Клифф.

— Конечно! — почувствовав прилив благодарности, я вскочила на ноги и вытянулась по стойке смирно. — Готов приступить к выполнению своих служебных обязанностей прямо сейчас!

— Тогда пошли. А вы, — мужчина обернулся к шлюхам и наставил на них палец, — приготовьте обед, пока мы работаем!

— Мистер Малькольм — новый секретарь лорда Кавендиша, — уходя, услышала я разъяснения леди Гамильтон. — Его нельзя трогать... без позволения.

Кабинет Клиффа располагался на втором этаже. К счастью, в этой комнате не наблюдалось ни лошадей, ни скачущих дев, и я устало плюхнулась в кресло. Да, джентльменом быть непросто — в этом я убедилась на собственной шкуре — но чтобы НАСТОЛЬКО!

— Извини их, Малек, — сухо сказал Клифф, садясь за стол. — Они немного потеряли головы при виде нового мужчины.

— А вы ведь обещали... — укорила его я и оскорбленно шмыгнула носом. Хотя на самом деле внимание девушек мне даже польстило — возможно, я не так уж и плоха в мужском обличье?

Клифф глубоко вздохнул.

— Хочешь меня о чем-то спросить в качестве возмещения морального ущерба? Спрашивай, пока я чувствую себя виноватым за случившееся. Сможешь внести то, что узнал, в будущую статью, — и Кавендиш сам придвинул ко мне стопку листов и перо.

Я помолчала, собираясь с мыслями. Перед глазами все еще стояли обнаженные груди бойкой и великодушной Джессики, но я честно сосредоточилась на вопросах, которые и правда появились, стоило мне войти в публичный дом.

— Зачем вы поместили на вывеску свою имя, лорд? Можно же было обойтись просто "ретивыми скакунами"...

— Почему нет?

— Многие сошлись во мнении, что таким образом вы вываляли всю свою древнюю семью в грязи.

Клифф откинулся на спинку кресла и легким движением закинул ноги на стол.

— Моя семья так древна, что в ней не осталось ничего чистого. Просто я первый, кто решился признаться в этом во всеуслышанье.

— И все равно. Возможно, в будущем вы захотите заняться чем-то другим, кроме содержания проституток, но отныне на вашем имени всегда будет клеймо владельца публичного дома!

— Нет, Малек, не захочу, — рассмеялся он. — Я — богатенький, бесталанный лентяй, и сфера удовольствий — единственная сфера, где мне удалось достичь каких-то высот. Я не умею ничего, кроме как прожигать жизнь. Вся моя юность прошла в подобных местах, и именно с ними связаны мои самые теплые воспоминания. Но если раньше я только и умел, что оставлять в них свое состояние, то теперь я научился сам извлекать из этого доход.

— Значит, все дело в деньгах? Неужели вам мало того, что досталось по праву рождения? — вырвалось у меня.

Да, маркиз Кавендиш негодяй и подонок, но неужели он так и будет курсировать между двумя домами — собственным и публичным — вплоть до самой смерти?!

— Да ты не кипятись, Малек, а записывай... — Кавендиш указал на безвольно обмякшее перо в моей руке, с которого натекала уже целая лужица чернил. Я покорно посмотрела на чистый (не считая пятна) лист бумаги, но бешено скачущие в голове мысли не спешили оформляться в слова.

— Утверждать, что мне не нравится обеспеченная жизнь, было бы слишком лицемерным, — продолжил Кавендиш. — Я люблю комфорт и даже роскошь, я к ним привык... Но пользоваться состоянием Кавендишей я больше не собираюсь. Как ты наверно, уже прослышал, мои отношения с герцогом не заладились еще со времен Пентонвиля. Все, что ты видел здесь и в моем доме, куплено на мои собственные деньги — пусть и заработанные не совсем богоугодным делом. И это моя маленькая гордость.

— Гордость... — тупо повторила за ним я.

Я уже несколько лет не помнила о том, что это такое и в чем проявляется. Столько раз пыталась ГОРДО забыть Кавендиша, но вместо этого сама влезла к нему в жизнь и принялась обеими руками ворошить пчелиный улей старых травм и обид...

— В чем дело? — Клифф всмотрелся в мое лицо. — То, что я тебе только что рассказал, обязательно должно быть в статье, ты не считаешь?

— Да, но я... У меня нет вдохновения, если честно. Я все запомню и запишу дома.

— Ладно, — тут же согласился маркиз. — У меня есть для тебя и другое задание. Надеюсь, ты разбираешься в бухгалтерии?

Он отпер ключом ящик стола и вытащил на свет божий толстую стопку бумаг.

— В целом, да... А что?

— Посчитай сам, сколько я заработал в нынешнем месяце. Я больше гуманитарий, чем математик, и эти вечные цифры... — он закатил глаза и помахал рукой, словно отгоняя невидимых демонов, кружащих в воздухе и готовых кинуться на него. После чего пихнул папку по столу прямо ко мне.

У меня засосало под ложечкой от волнения. Я осторожно перевернула несколько страниц, исписанных аккуратным вычурным подчерком. Неужто Кавендиш умеет так красиво писать?.. Не ожидала.

— Здесь вся документация, связанная с деятельностью борделя, — сказал Клифф. — Отчисления агентам, поставляющим мне новых девочек, имена постоянных клиентов и их взносы... В общем, сам увидишь. Я хочу, чтобы ты составил полный финансовый отчет. Справишься?

— На... наверно... — у меня вдруг отнялся дар речи.

— Вот и чудненько, — Кавендиш встал и направился к двери. — Пары часов до обеда хватит? Я пока побеседую с работницами. У них всегда столько жалоб и предложений... Можно отдельную книгу составлять!

— Подождите!.. — вскрикнула я. — То есть вы оставляете ВСЕ ЭТО мне? А сами уходите?..

Происходящее не укладывалось у меня в голове. Я собиралась всеми правдами и неправдами выпытывать у него сенсационные подробности своей работы, искать грязные улики, которые смогли бы раз и навсегда утопить остатки его репутации в глазах общества...

А он взял и САМ вручил мне документы со всей финансовой подноготной своего бизнеса? Как так?..

— Да, — лорд посмотрел сначала на меня, потом в пространство и недоуменно пожал плечами. На его губах появилась легкая блуждающая улыбка — он не понял, почему я спрашивала...

Да уж. Не думала, что ужасный Клифф Кавендиш, которым благородные матроны пугают своих юных дочерей, настолько наивен и простодушен. Так доверять незнакомому "парню", который заявился к нему и наплел с три короба — обхохочешься! Похоже, есть все-таки в мире высшая справедливость: иначе почему мой коварный план мести воплощается в жизнь самостоятельно, без особых мучений с моей стороны?

Мои руки дрожали, когда я осторожно переворачивала страницы отданных мне документов. На самом деле, не так уж мне было и смешно.

Ведь как бы я ни старалась снова настроить себя против Кавендиша, как бы усердно не воскрешала в памяти свою боль и стыд после встречи с ним...

Я больше не ощущала к нему прежней ненависти.

***

Госпожа Гамильтон... пощадите!

— Посчитал? — Клифф вернулся через два часа, как и обещал.

— Да, лорд — я покорно протянула ему листок с цифрами и пояснениями. Его копия, составленная для моих личных целей, покоилась в недрах костюма. — У вас отличный доход.

Кавендиш мельком взглянул на результат и вместе с остальными документами убрал его в ящик.

— Потом ознакомлюсь... Проголодался, наверное? Пойдем есть.

Обедали мы все вместе: я, Клифф и его девятнадцать проституток. Лорд сел в центре длинного стола, по левую он усадил меня, остальные разместились по боками и напротив.

Ну прямо большая дружная семья. "Тайная вечеря" Леонардо да Винчи — Иисус и его верные апостолы!

— Как вам ваш начальник, мистер Лукас? — осведомилась леди Гамильтон. — Правда ведь, у лорда Кавендиша в кабинете царит сущий хаос?

Все проститутки обернулись ко мне, ожидая ответа, а я чуть не подавилась куском. Ускользнуть от вопроса не получится, придется возвращать сбежавшее вдохновение и безбожно сочинять.

— Он очень щедр, великодушен и... — я замялась. На такую большую публику мне еще никогда не приходилось врать.

— Совершенно безалаберен, правда? — подсказала Гамильтон. — Ему давно пора было нанять себе помощника. Может, хоть вы сможете привести его дела в порядок... Ну же, Лукас, расскажите — скоро ли мы окажемся на улице?

И она так нежно улыбнулась Клиффу, что у меня не осталось сомнений: даже журия и подначивая, она все равно относится к нему очень тепло.

"Между ними что-то есть!" — снова подняла во мне голову рев...

Ревность?..

ТАК! С каких пор я опять начала ревновать Кавендиша?!

— Судя по докладу Малькольма, публичный дом процветает, — главный герой моих терзаний по-своему воспринял громкое сопение справа от себя и пришел на помощь.

— Приятно слышать! — отозвалась женщина в черном, и остальные девушки рассыпались в овациях и радостных комментариях.

— Правда, он посоветовал мне со временем поискать себе новое призвание, — будто невзначай обронил маркиз, и ликующие возгласы разом стихли, а восторг сменился недоумением.

— Почему это? — хмуро спросила одна из них.

— Вы считаете, человеку его происхождения не пристало иметь дело с такими, как мы? — высказала предположение еще одна.

Я поняла, что попала впросак. Недоумение на лицах быстро перетекало в злобу и негодование. Казалось, некоторые из этих недалеких падших женщин готовы были разорвать меня на куски.

— У мистера Малькольма сложилось мнение, что я использую вашу честь и добродетель в своих корыстных целях, — снова "спас" меня Кавендиш, чтоб ему провалиться! — Держу вас силой, заставляю заниматься богопротивным делом...

— Это не так! — с удивлением ответила полненькая девушка, сплошь покрытая веснушками, остальные согласно закивали. — Нас все устраивает.

— Но почему?! — не сдержалась я. — Проституция — это нарушение женских прав! Унижение вашего облика и достоинства! Вы все достойны лучшего!

Последовало недолгое молчание. Куртизанки некоторое время осмысливали сказанное, прежде чем заговорить почти одновременно:

— Какая глупость!

— Нас не унижают. Лорд Кавендиш очень тщательно отбирает для нас клиентов!

— Мы живем в прекрасных условиях: у нас есть кров, отличная одежда и сытное пропитание...

— Верно. О какой лучшей жизни вы говорите, Малькольм? — спокойно спросила леди Гамильтон. — Мы — не дворянки, и не мужчины, которые вольны выбирать себе дело по

душе. У простолюдинок есть всего два пути: мы можем сутками напролет трудиться прачками, получая при этом считанные шиллинги, а можем зарабатывать на жизнь телом. Знаете ли вы, что жены торговцев вынуждены в свободное время подрабатывать уличными шлюхами, чтобы иметь возможность хоть как-то содержать семью?

Я потрясенно открыла и закрыла рот. Конечно, до печального события, превратившего меня в изгоя, я и слыхом не слыхивала о трудностях низшего сословия. А вот после... Ну, я смогла устроиться журналистом, чтобы получать мизерную сумму, которой не хватило бы даже на аренду комнаты. И то, потому что притворилась юношей, а нанимателем был мой собственный дядя...

— А мы зарабатываем прекрасно! — словно прочитав мои мысли, воскликнула шатенка с длинной косой и глубоким декольте. — В "Ретивых наездницах" платят гораздо больше, чем в других столичных борделях.

— И у нас есть шанс однажды встретить свою судьбу — так, как это сделала леди Гамильтон, — мечтательно протянула Джессика. — И тоже выйти замуж...

Я удивленно воззрилась на подругу Кавендиша. Эта не совсем юная и совсем не прекрасная... девушка выходит замуж? Да еще и за мужчину, которого встретила, работая в борделе?!

— Малек, я говорил тебе, что одной из моих лучших работниц скоро придется уйти, — небрежно бросил Клифф. — Ее будущий муж не уверен, что она сможет совмещать два занятия: управление борделем и руководство его многочисленной прислугой.

Гамильтон как-то кисло улыбнулась и кивнула.

— Через пару дней состоится моя свадьба. Приглашаю вас, мистер Малькольм. Приходите вместе с лордом.

— К... конечно.

Всегда мечтала о том, чтобы побывать на свадьбе проститутки и ее сомнительного поклонника.

— Лорд Кавендиш, вы так плохо едите. У вас нет аппетита? — помурлыкала шлюха, сидящая с другой стороны от маркиза. Я вывернула голову и разглядела, как она игриво провела ноготочком по его щеке.

У кого точно скоро не останется аппетита, так это у меня. Еда, конечно, не так плоха, но вот общество... И эта аура благочестивого разврата, витающего в воздухе... Я не могла дождаться конца обеда, но в открытую проявлять нетерпение опасалась — в следующий раз меня ведь могут и побить.

— Как я могу думать о еде, когда рядом со мной сидят такие обворожительные барышни? Я сюда не набивать желудок приехал... — галантно ответил Клифф, и мне захотелось вонзить нож прямо ему в шею — как раз под рукой был. И как раз столовый. Чтобы смерть получилась более мучительной.

— Хотите уединиться с кем-то, лорд? — оживилась Гамильтон. — Кого возьмете? Анну?

Клифф практически не думал. Даже странно — такой выбор, а он обошелся всего тремя.

— Как и всегда. Анна, Аделфа, Айседора — не желаете составить мне компанию?

Польщенные девушки мигом побросали недоеденное мясо и вскочили из-за стола. Нежно обнявшись, тройка куртизанок и порочный бог направились к выходу.

Я побарабанила пальцами по столу и плотно обхватила фужер с разбавленным вином. Ножом уже никак не достать — слишком далеко, а вот фужер мог бы долететь. Прямо до

ГОЛОВЫ...

— Эм... Леди Гамильтон! — маркиз вдруг вспомнил о чем-то важном. — Мистер Малькольм прекрасно поработал и заслужил соответствующую награду, как считаете?

Награда? Я отставила бокал и подобралась. Что еще за награда? И почему все снова смотрят на меня: Клифф — с усмешкой, Джессика — с надеждой и завистью, а остальные девушки — с интересом?..

— Совершенно верно, лорд Кавендиш. — Хозяйка борделя с готовностью встала и подседа ко мне, заняв освободившееся место. — Я целиком и полностью в его распоряжении!

— Мне ничего не нужно, — твердо ответила я, как только дар речи снова вернулся ко мне. — Я всего лишь исполнял свои служебные обязанности!

— Брось, Малек! Тут все свои, нечего стесняться и притворяться недотрогой. Ну какой мужчина в здравом рассудке отказался бы от возможности провести время с леди Гамильтон? Она — самая дорогая и востребованная куртизанка Лондона!

Кавендиш весело рассмеялся, и я поняла, что мерзавец снова меня обманул. Чего и следовало ожидать: как я вообще могла ему поверить? Зачем начала сочувствовать и искать оправдания его мерзостям... Нет, теперь пощады точно не будет! Только искупление, только месть!!!

— Но у меня нет денег! — я обратилась к уже проверенному способу избежать нежелательных ласк.

— Безвозмездно, юноша! — томно выдохнула женщина вплотную придвинулась ко мне. От нее пахло духами вперемешку с дорогими сигарами: изысканная и пугающая смесь. — Вы так молоды и очаровательны: я буду рада провести время с вами наедине.

— Эээ... Все равно вынужден отказаться... — пробормотала я и попыталась отодвинуться, но леди Гамильтон вдруг положила руку мне на плечо. И рука это оказалась на удивление тяжелой и крепкой.

— Пойдем, малыш, — скомандовала шлюха и я почувствовала, как попа отдаляется от стула: Гамильтон подняла меня за воротник. Будто кошка-мать, берущая за шкурку мелкого и несмышленного котенка. — Побываешь у меня в будуаре — там очень уютно.

— Не сопротивляйся, Малек. Ты еще скажешь мне спасибо! — подмигнул Кавендиш, когда мы с Гамильтон прошли мимо него. Вернее, шла только она — я же невпопад перебирала ногами, размышляя, как показать свое отрицательное отношение к намечающемуся интиму и при этом не вызвать подозрений своим поведением.

Кавендиш прав: никакой мужчина в здравом рассудке не отказался бы от такого щедрого предложения — вот только я не мужчина! И раскрывать свое инкогнито так скоро в моих планах не стояло...

МАТЕРЬ БОЖЬЯ!

Спальня, куда меня затащила Гамильтон, напоминала преддверие ада. Алый огонь свечей. Огромная черная кровать. Красный балдахин. Десятки черных предметов на красных стенах.

Воспользовавшись тем, что я остолбенела от неожиданности, женщина ловко юркнула мне за спину и закрыла дверь на замок. Ключ от замка она опустила в ямку между грудей — тот сразу же упал в глубь корсета.

Мне поплохело. Открыть дверь теперь можно было лишь одним способом — раздеть подругу Кавендиша и отыскать в ее горячих телесах ключ... Господи, дай мне сил!

Она тем временем и не думала переставать шокировать. Быстро развязав тесемки сзади, дама резким движением скинула с себя юбку и корсаж, оставшись в кожаном корсете и крохотных, даже не прикрывающих коленей, панталончиках. Тоже черных.

— Что это на вас, л-леди?..

— Специальный наряд, — Гамильтон подбоченилась. — Мои клиенты любят, когда я выгляжу именно так.

— И что вы собираетесь в нем делать?!

— А ты не догадываешься, дурачок? Иди и обними меня. Может, тогда понятней станет.

Она двинулась ко мне с распростертыми объятиями, но я юркнула в сторону и перебежала к кровати.

— Но вы же выходите, замуж, леди! — в моем голосе прозвучали истерические нотки. — Как я могу встать между вами и вашей любовью?!

— Знаешь, сколько их уже там постояло, мальчик? — возразила Гамильтон, снова двигаясь на меня. — Одним больше, одним меньше...

— Тогда подумайте о МОЕЙ будущей любви! — вскрикнула я, бросаясь на кровать и стремительно переползая ее на коленях. — Я хочу сохранить себя нетронутым!

— Глупое решение, — фыркнула Гамильтон, отбрасывая упавшую на лоб прядь темных, слегка тронутых сединой волос. — Твоя избранница будет счастлива, если ты наберешься опыта перед тем, как предстать перед ее светлым ликом.

Мы нарезали еще пару кругов по комнате, и куртизанка, тяжело дыша, остановилась, тяжело дыша и сверкая глазами.

— Не дразни Госпожу Гамильтон, мальчик! Во мне просыпается инстинкт хищницы, когда кто-то так отчаянно улепetyвает.

— Простите, мисс! — пискнула я. — Оно как-то само получается!

— Ладно, тогда сразу перейдем к самому интересному, — шлюха подошла к стене и сняла длинную, устрашающего вида... ПЛЕТКУ!

Только сейчас я увидела, что все стены был увешаны «пыточными» приспособлениями — кнутами, плетками, кожаными ремнями и даже кляпами.

— Лорд Кавендиш попросил позаботиться о вас, — с угрозой произнесла Гамильтон, щелкая кожаным орудием. — Я не могу подвести его!

Душа ушла в пятки, а ноги отнялись, стоило представить, чем на самом деле грозило свидание с самой востребованной шлюхой столицы. Ох уж этот Кавендиш! Погодите, доберусь до вас... Только бы выбраться живой из будуара этой ненормальной! И с каких пор ремни и кляпы относятся к категории "заботы"?

Обзаведясь плеткой, шлюха словно превратилась в самого дьявола. Я дернулась влево — и она, словно черная полуголая тень, ринулась вслед за мной. Метнулась вправо — и она уже поджидала меня там.

— СПАСИТЕ! ПОМОГИТЕ!!! — последним отчаянным усилием я рванула к двери и замолотила в нее кулаком.

— Попался, жеребчик! — расхохоталось исчадие ада и рывком развернуло меня к себе. Гамильтон отбросила плетку, прижала к стене всем телом, одной рукой закрыла мне рот, а вторую засунула между ног...

Ничего не нащупала, проверила еще раз... Убрала ладонь с моего лица и немного отстранилась, разглядывая. Скользнула взглядом по волосам, губам, плоской груди с узкими плечами...

Через пару секунд, в ходе которых выражение ее глаз менялось с озадаченного до удивленного и, наконец, понимающего, женщина глубоко вздохнула и отошла.

— Так... Ну, рассказывай, голубушка!

***

Я любовник хоть куда!

И я рассказала ей — все, как на духу. Про то, как Кавендиш одним непринужденным поступком разрушил всю мою жизнь. И что теперь я сделаю с ним тоже самое: отныне ему придется собирать ошметки своей репутации, разметавшиеся по всей стране...

Не знаю, почему я не стала увиливать или придумывать легенд: может, испугалась умения Гамильтон обращаться с несущими боль предметами, а, может, мне тоже было необходимо излить душу. Поведать правду — хоть раз, хоть кому-нибудь...

— М-да. После такого нужно выпить, — пробормотала моя слушательница и подошла к туалетному столику. Достала бутылку и плеснула в фужер виски чуть ли не до краев.

В наступившей тишине отчетливо раздавались приглушенные расстоянием стоны, которые не могли принадлежать никому иному, кроме как моему возлюбленному.

— Я больше не пью, мисс... — виновато пробормотала я, смаргивая подступившие к глазам слезы

— Это не для тебя, а для меня, — ответила Гамильтон и залпом осушила бокал: пила куртизанка не хуже Кавендиша.

Забытая плетка валялась около двери. Хозяйка будуара сбросила амплуа воинственной и развратной амазонки и предстала передо мной в облике обычной (если не считать экстравагантного наряда) женщины — в меру усталой и немного грустной. Она села на кровать, ссутулившись и глядя в пространство прямо перед собой: под глазами — россыпь мелких морщинок, в черных волосах — серебряные проблески седины.

— Кавендиш отпустит девочек примерно через час... — подумав, произнесла она. — Значит, мы появимся через два. Хочешь, посмотри пока на мою коллекцию, — проститутка махнула рукой в сторону настенных "декораций". — Я тебя не трону, если ты этого опасаться... Мучить барышень, и так несчастных, не в моих правилах.

— Но... — мне сразу же расхотелось плакать. Душа воспряла, вновь наполняясь надеждой и одновременно поражаясь тому, как удачно все сегодня складывалось. — Неужели вы не выдадите меня?..

— Не выдам. Будем считать, что я стала невольной свидетельницей чужой драмы, и, вместо того, чтобы лезть не в свое дело, тихо удалилась.

— Но почему? Ведь вы с лордом так...

Мне не хватило храбрости произнести слово "близки". В горле и так стоял ком после незапланированной исповеди.

— За ошибки нужно платить. А Клифф в свое время ошибался много и часто... Я думала, он уже расплатился сполна, но твоя история и лицо говорят об обратном.

— Но ведь тогда вашему борделю придет конец...

— Во-первых, это не мой бордель, — рассмеялась Гамильтон, доставая из-под кровати томик поэзии Альфреда Теннисона и усаживаясь с ним на стул. — А во-вторых, меня к тому моменту здесь уже не будет: я выхожу замуж, помнишь? Да и кто станет грустить по какому-

то публичному дому?

Я нахмурилась, пытаюсь разгадать ее загадочную фразу (она ведь сама совсем недавно уверяла меня, как здорово быть проституткой?!), но дама уже углубилась в чтение.

Когда время пребывания в будуаре подошло к концу, она придиричиво оглядела мою сбившуюся во время погони одежду.

— Нет, не поправляй! Оставь рубашку выпущенной, а жилет расстегни до конца... Волосы надо взлохматить, — проститутка распушила мои кудри и довольно улыбнулась. — Вот так!

— Спасибо, что помогаете мне, — с благодарностью сказала я,

На что куртизанка удивленно приподняла брови.

— Я тебе не помогаю. Просто не мешаю.

— И все равно...

— Можешь считать, что я преследую свои цели, — отрезала она и открыла передо мной дверь. Стоило выйти, как Гамильтон тут же снова стала прежней — самой ловкой и востребованной продажной дамой столицы.

— Подыграй! — шепнула она, взваливая мою руку себе на плечо и приобнимая меня за талию. Мне ничего не оставалось, кроме как согласиться.

В гостиной было все также многолюдно, но при этом тихо. Шлюхи негромко переговаривались, не желая беспокоить босса: Кавендиш, успевший вернуться из своего короткого эротического путешествия, сидел в напряженной позе, не отрывая застывшего взгляда от лестницы. При виде нас он заметно расслабился и даже повеселел.

— Наконец-то! — воскликнул он, поднимаясь с дивана. — А я уж начал волноваться, не случилось ли чего!

Я промолчала. Волновался он, надо же: что ж ужасного может случиться в комнате, сплошь увешанной плетками и населенной садисткой? А вот Гамильтон молчать не стала.

Расплывшись в блаженной улыбке, она томно проворковала:

— Спасибо тебе за НЕГО, дорогой! — и, обхватив мое лицо, проститутка смачно поцеловала меня в губы.

Дамское перешептывание смолкло. Должно быть, смотрительница борделя крайне редко провожала клиентов с подобной нежностью. Я зажмурилась, нелепо взмахнув руками, замерла... и робко опустила кисти ей на плечи.

Для меня подобный опыт тоже был в новинку — даже перевоплотившись в Лукаса, я не то, чтобы часто целовалась с женщинами — как и с мужчинами, впрочем.

По правде говоря, единственный человек, с которым я вообще занималась этим до Гамильтон, стоял в двух шагах от нас. И он не то, чтобы сильно превосходил ее в этом умении...

Куртизанка в черном отсоединилась от моего рта лишь спустя неопределенное, показавшее бесконечно долгим, время. Незаметно подмигнув, она шлепнула меня по попе и толкнула к Кавендишу.

— Мистер Малькольм — самый бесподобный любовник из всех, что когда-либо заглядывал ко мне в комнату! — выдохнула она и обессилено рухнула на диван.

Гостиная медленно вращалась перед глазами. Мое актерское дарование даже близко не стояло рядом с Гамильтоновским: я не знала, что сказать и как еще ей подыграть. Подозреваю, что ошарашенного, взъерошенного вида было достаточно, чтобы передать всю палитру моих чувств от прошедшего свидания.

— Э-э-э... Пожалуйста... — протянул Клифф Кавендиш. Он выглядел одновременно и разочарованно озадаченным, и мечтательно зачарованным. С его лица не сходила глуповатая улыбка — кажется, мысли его витали далеко. — Бесподобный любовник, говорите... Кто бы мог подумать?

— Я! — раненой ланью взвыла Джессика. — Я ТАК И ДУМАЛА! Умоляю, лорд Кавендиш — можно я буду следующей?!

— НЕТ! — мигом скинув с себя мечтательность, прорычал маркиз. — Мистеру Малькольму уже достаточно. Правда, Малек?!

— Правда, — закивала я. Мне нисколько не улыбалась перспектива отбиваться от приставаний очередной проститутки. Еще одного подобного инцидента я бы не пережила.

— И вообще, мы уходим, — выдал Клифф. — Я вдруг вспомнил, что у нас есть дело... Очень важное и неотложное.

— Ох... Ну, тогда до следующего раза, — чуть не до слез огорчилась Джессика. — Вы ведь придете к нам снова, сэр Лукас?

— Может быть, когда-нибудь, — передразнил ее Кавендиш и повернулся ко мне. — Приводи себя в порядок, маленький развратник, и пойдём. Ты ведь не собираешься показаться на улице в ТАКОМ виде?

— Не собираюсь, — зло уронила я, поправляя рубашку и жилет.

На себя бы посмотрел! Хотя он, похоже, уже сделал это... Одежда маркиза была в полном порядке. Даже волосы, и те совсем не взлохматились: определенно, нужно быть кем-то вроде Клиффа Кавендиша, чтобы уметь выглядеть безукоризненно даже после оргии!

— Да, приводите своего секретаря снова, лорд. Мы будем ждать его почти также трепетно, как и вас, — улыбнулась Гамильтон, подавай нам обоим руку для поцелуя. — И обязательно приходите ко мне на свадьбу!

— Всенепременно, леди! — я галантно склонилась к ее ладони, задействуя всю свою природную маскулинность.

— Пошли уже! — толкнул меня к выходу Кавендиш. — А вы все, — он обвел грозным взглядом собравшихся нас провожать девушек, — работайте! Пять часов вечера, скоро клиенты начнут подтягиваться!

Прощались мы тепло, хоть и поспешно — Клифф вознамерился как можно скорее увести меня из борделя (испугался конкуренции, что ли?). Можно считать, что визит в публичный дом прошел не так уж плохо: я достала компромат на Кавендиша, обзавелась неожиданной союзницей и даже укрепила самооценку. Зря я переживала, что после своего падения никогда не смогу насладиться прелестями близости с человеком — по крайней мере две из обитательниц "Ретивых наездниц" будут рады видеть меня снова.

На улице уже сгустились сумерки. Маркиз пружинистым легким шагом шел по бульвару, маневрируя между прохожими и торговцами, уверенно направляясь к одному ему известной цели. Он совсем не учитывал мое изможденное после леди Гамильтон состояние, и разницу в длине наших ног: чтобы поспеть за ним, мне приходилось почти бежать.

— Долго еще? — через пятнадцать минут напряженного шага спросила я. — И куда мы вообще направляемся?

— Почти пришли, — Кавендиш свернул в последний раз и остановился перед дорогой подсвеченной вывеской.

— Развлекаться, Малек, и отдыхать после трудового дня.

Я напряглась. Если то, что случилось в борделе, Клифф считал "работой", то какие

тогда у него развлечения?!

— Но вы же говорили про "очень важное и неотложное дело"!

— Так и есть. Снятие напряжения для меня сейчас — вопрос жизни и смерти, — сверкнул глазами Кавендиш. — А за тобой должок, между прочим!

Я почувствовала, что краснею.

— Если вы имеете в виду случившееся в борделе, то моей вины здесь нет. Я сразу предупредил, что эта затея мне не по нраву...

Клифф поморщился, словно от зубной боли.

— Я не про это, а про твои кульбиты после "Бедной Дженни". Помнишь, Малек? Теперь МОЯ очередь напиваться в хлам!

И он сладко, предвкушающе ухмыльнулся, словно обещая — мои чудачества покажутся детским лепетом после того, что учудит он.

12. Малек

Пожалеть вас, что ли?

Не скажу, что я пришла в восторг от идеи Кавендиша. Мне на сегодня уже хватило острых эмоций — в отличие от Клиффа, ресурс которого на всякие непотребства был воистину неограничен.

— И это называется "привел себя в порядок"? — проворчал маркиз, дергая за краешек мой шейный бант (признаюсь, в искусстве мужского одевания я пока так и не преуспела). — Мы пришли не в какую-то харчевню, а в бар-салон! А в таком виде тебя пустят разве что в общий [\[9\]](#)!

Продолжая распекать "своего несобранного секретаря", лорд самолично перезавязал мой бант, поправил жилет (встряхивая меня, как мешок с картошкой) и застегнул забытую впопыхах пуговицу — разве что, рубашку не полез в брюки заправлять (и слава Господу!). Удостоверившись, что со мной можно показаться в приличном обществе, Клифф громко постучал в дверь паба. Ему тут же открыл камердинер: важный, словно индюк, и ухоженно-благоухающий, словно барышня на смотринах.

— Добрый вечер, господа! Добро пожаловать в наше скромное заведение! — галантно поклонился он и проводил нас внутрь.

Кавендиш слегка кивнул — посчитал себя выше того, чтобы здороваться с обслуживающим персоналом, я тоже не ответила — пришла в немое изумление при виде самого "скромного" питейного заведения, которое когда-либо видела: с набивными обоями на стенах, травленными кислотой стеклами и ковровым покрытием под ногами. Храня гордое молчание, мы с лордом прошли на отведенное лакеем место — одну из закрытых кабинок, огороженную около барной стойки.

В баре-салоне были все условия для того, чтобы высокородные снобы могли спокойно предаваться возлияниям — в одиночестве или небольшой компании. Каждый из столиков находился в своей нише, отделенной от соседей перегородками из резного красного дерева. Над столом висел светильник, придающий небольшой кабинке уютную, прямо-таки интимную, атмосферу.

— Удивлен? — спросил Кавендиш, когда мы уселись в обитые бархатом кресла. — Думал, я только по пабам для бедняков слоняюсь?

Я снова не нашлась, что ответить. Завязанный Кавендишем бант давил мне на шею — кислорода в легкие поступало не слишком много, но я крепилась, держа лицо перед услужливым официантом, ожидающем заказа.

— Три бутылки джина, — не стал томить его лорд. — И два стакана.

Тут уж я не удержалась.

— Лорд Кавендиш, а вы в курсе, что джин, потребляемый в большом количестве, вызывает помутнение рассудка, бредовые идеи и, в тяжелых случаях, даже галлюцинации?

— Да. Именно поэтому я его и заказал.

— Даже в рот не возьму эту дрянь, — на всякий случай предупредила я, когда официант вернулся с бутылками и бокалами.

— А тебе и не дадут. Второй бокал я попросил только для того, чтобы ты не чувствовал себя ущемленным перед официантом. Должен же хоть один из нас сохранить ясный ум и крепкий рассудок, — хмыкнул Клифф и забрал оба бокала себе.

Первые полбутылки джина герцогский наследник выпил быстро, не отвлекаясь на разговоры и словно позабыв о моем существовании. Потом чуть замедлился. Налил себе очередную порцию, тяжело вздохнул и, подперев рукой подбородок, посмотрел на меня.

— Лукас Малькольм, значит, — припечатал он. — Малек. Хочу знать о тебе больше. Откуда ты родом?

Я насторожилась. Беспечно пожав плечами, махнула рукой в неопределенном направлении.

— Оттуда. Из Нью... Ньюхаус-стемпинга, — странное слово само собой пришло ко мне в голову. — Это маленькое местечко очень далеко отсюда. Скорее всего, вы о нем даже не слышали.

Вероятно, такого места даже не существовало, но Кавендиш ведь не собирается ехать на мою малую родину?

— Скорее всего... — задумчиво протянул Клифф и опрокинул в себя заготовленную рюмку. — По правде говоря, я почти не путешествовал по стране. Зато по Лондону — да! Знаю все более-менее приличные пабы города и могу устроить тебе экскурсию по публичным домам. Но ты ведь откажешься?

— Конечно, лорд Кавендиш, — поджала губы я.

— И почему вы все отказываетесь... — пробормотал он и подлил еще джина. — Расскажи мне о своей семье, Малек? В каком доме ты вырос?

— Семье?.. — в кабинке стало душно. Я поерзала в кресле и чуть поправила шейный бант, медленно, но верно удавливающий меня. — Да что там рассказывать? Семья, как семья! Мама, папа, я... И дом у нас самый обычный. Двухэтажный.

— Да, звучит довольно обыденно, — согласился Клифф. — Родители, небось, в тебе души не чают? Ведь ты такой милый и правильный. Прямо идеальный сын.

— Любят... То есть, любили. До того, как я переехал в Лондон, — меня все больше тяготил этот разговор.

Я настороженно следила за собеседником, пытаюсь отследить момент, когда Кавендиш начнет пьянеть и вести себя соответствующе званию самого заводного кутилы столицы, но пока что он только грустнел, проявляя склонность к задушевым разговорам.

— Поверьте, моя биография не заслуживает никакого внимания, — попробовала переключить его внимание я. — То ли дело ваша... Вы — сын герцога, ваш род известен на всю страну, а ваше имение, Лайон Парк, больше напоминает дворец, нежели дом.

Кавендиш кивнул

— Ты прав, но все вышеперечисленное — ерунда, не заслуживающая внимания, — отмахнулся Кавендиш. — Знаешь, почему я занялся бордельным бизнесом, Лукас? Потому что как бы пошло это не звучало, я верю, что таким образом приношу миру хоть какую-то пользу. Девушки оттуда — им ведь и правда больше некуда пойти и нечем заняться... И они единственные люди на всем белом свете, кто питают ко мне светлые чувства. Кроме них меня никто не любит. И не любил.

В его голосе прозвучала такая неприкрытая тоска, что во мне против воли поднялось сочувствие вкупе с возмущением. Как это так, "Никто не любит и не любил"?! А как же я?!

— Так не бывает, — сердито проворчала я, пряча смущение. — Всех кто-нибудь, да любит. Например, те же родители!

— Мать не успела меня полюбить, так как умерла при родах. А отец открыто ненавидел. Я рад, что мне больше не нужно притворяться его обожаемым сыном, — Клифф повертел в

руках бокал, рассматривая его содержимое на просвет.

— А ваши друзья? До того, как попасть в тюрьму, вы вели активный образ жизни и были всегда окружены людьми!

— Да разве ж эти люди — друзья, Малек? Так, напарники для азартных игр и компаньоны для оргий.

Я помолчала. Не может быть, чтобы любимец дам и прославленный весельчак Клифф Кавендиш действительно так считал! Он просто хочет сыграть на моей жалости и потому несет полный вздор.

Да и вообще, почему меня так задевают его слова? Ну хочет считать себя несчастным и обделенным любовью, пускай считает. Какое мне дело?

— Но ведь были еще женщины, — веско заметила я. — Много женщин. Те, что падали к вашим ногам, стоило подарить им один мимолетный взгляд... Наверняка среди них были десятки, если не сотни, тех, кто любил вас без памяти!

— Нет, Малек, — усмехнулся Кавендиш. — Их чувства — лишь пустышка. Они влюбились не в меня, а в мою внешность, мое состояние и мой титул. Ни одна из тех, кого ты имеешь в виду, не знала меня настоящим — что я за человек, о чем мечтаю, чем живу... Да и не хотела знать. Им достаточно было того образа, что они сами себе нарисовали.

***

Вы меня убиваете, лорд...

Я чуть не свалилась со стула. Мне показалось, что на меня вылили ведро ледяной воды, отхлестали по щекам и выставили голый на площадь... Да, он прав — Амелия Обри-Флетчер и правда не знала его настоящего. Она верила в героя; в благородного рыцаря, которого сама же и придумала, закрывая глаза на дурную славу избранника... Но при всем при этом ОНА! ЛЮБИЛА! ЕГО!

Благодаря ему она узнала, какой безумно окрыляющей и бесчеловечно ранящей бывает любовь; ради него забыла о своем долге и воспитании — и он говорит, что ее чувства были **НЕНАСТОЯЩИМИ**?!

— Вы ошибаетесь, лорд, — выдавила я, яростно теребя ненавистный бант. — Уверена, некоторые из них были искренни. А вы обошлись с ними бесчестно...

— Даже если так, я давно получил по заслугам, — обреченно, с какой-то мученической улыбкой на лице сказал маркиз. — Ведь единственная женщина, которую любил Я, предпочла другого...

Ну, спасибо, дорогой работодатель! Если и был способ раздавить меня еще сильнее, то это вспомнить свою дражайшую покойную невесту! Ей-богу, я начинала тихо ненавидеть ее. Все эти разговоры о том, какая она поразительная и... подождите, он сказал "Предпочла другого"?!

— Что вы имеете в виду? — ошарашенно спросила я. Чувство уязвленного собственного достоинства отступило на второй план: на первый вышел азарт детектива, нащупавшего первую зацепку в запутанном деле.

Вот чувствовала же, что с этой его Марс О'Коннор не все так чисто было! Неужели таинственный Кавендиш наконец-то начал открываться мне?..

— Именно то, что и сказал, — аристократ приступил ко второй бутылке. — Я готов был

ради нее на все — как в этой глупой народной песенке про зеленые рукава: собирался сложить к ее ногам свое богатство, поменять образ жизни и даже завязать с алкоголем, а она... — он безнадежно махнул рукой. — ... она влюбилась в моего слугу, у которого за душой не было ни гроша. Смешно, правда?

Я с минуту разглядывала его лицо, отыскивая в нем признаки фальши: признание звучало слишком невероятно, чтобы быть правдой. Но у Клиффа был такой жалкий вид, что у меня язык не повернулся обвинять его в лжи или, тем более, смеяться.

— Вы еще встретите другую женщину, — не очень уверенно сказала я. В груди щемило от тоски; от невыносимой грусти, поднявшейся из самых недр моего существа. — Ту, что оценит именно вас.

— Мне не нужна другая, — покачал головой мой мучитель. — Уж лучше быть одному.

— Но... — я чуть не задохнулась от боли. — Неужели вы действительно никогда никого не полюбите, кроме нее?..

Мне было больно продолжать этот разговор. Больно сидеть рядом с ним, больно дышать, больно ЖИТЬ... Но почему меня так волнуют чувства и мысли Кавендиша?! Зачем я переживаю за него, будто он мой самый близкий человек на свете? Не все ли равно — полюбит ли он кого-то или не полюбит? Я ведь пришла к нему не за этим, и уже давно ни на что не надеюсь...

— Нет, Малек, — добил меня Клифф. — Ты и сам это понимаешь, у тебя ведь был схожий опыт... Такие чувства — раз и навсегда.

Он провел ладонью по волосам и отклонился назад, глядя куда-то вдаль — в недостижимое мной измерение, в свое прошлое и будущее.

— Раз и навсегда, — как завороченная повторила я, не в силах перестать смотреть на него: таким непередаваемо прекрасным он показался мне в этот момент.

— А самое печальное то, что я никогда не смогу сказать ей об этом. Ни одного, самого короткого слова... НИ-ЧЕ-ГО. Наша история с Марс окончена, только она грациозно вышла из нее, а я так и остался внутри... Я бы столько всего сказал ей, окажись она рядом...

Он запнулся и пошарил руками в поисках спасительного джина. Проигнорировал бокал, приложился прямо к горлышку.

— Нет, не сказали бы! — возразила я, заставив Кавендиша оторваться от бутылки и с удивлением посмотреть на меня. — Окажись она рядом, да даже будь с вами каждую свободную минуту, вы бы все равно не сделали этого! А несли всякий бред, улыбались, как дурак, и молчали о самом главном. Потому что ей не нужны ваши признания...

— Откуда ты знаешь? — вдруг заинтересовался Клифф, стряхивая с себя грусть. — Ты... Неужели ты все еще видишься с тем... человеком, который отверг тебя?

— Да. Постоянно. Мы с ним работаем вместе... — холодея, прошептала я, но, увидев округляющиеся глаза лорда, быстро добавила. — Работаем в издательстве. И это непередаваемая пытка. Уж лучше так, как у вас...

Видимо, Клифф наконец понял мое состояние. Разглядел, что еще чуть-чуть, и меня разорвет от еле сдерживаемых слез, и снова посуровел. Помрачнел, словно предгрозовая туча, тяжело вздохнул.

— Скажи, кто тебя обидел, Малек? — с состраданием спросил он. — Просто покажи мне этого человека, и я убью его. Мужчина, женщина — не важно... Я ведь и так уже преступник. Мне можно.

Вы меня пугаете...

Я остолбенела, пораженная его словами. В голосе Клиффа было столько неподдельного участия, что какая-то часть меня и правда захотела СКАЗАТЬ ему. Признаться во всем и положить конец глупому фарсу, разыгрывающемуся между нами: пускай, пускай пристрелит сам себя!

Воображение тут же нарисовало картину: маркиз, в миг осознавший всю тяжесть содеянного им преступления, делает скорбные, страшные глаза, выхватывает длинный револьвер (по закону жанра он, как прирожденный негодяй, должен всегда носить его с собой) и пускает пулю себе в го...

Нет, не в голову. У Кавендиша слишком красивая голова — ровная, немного вытянутая, с тонкими, правильными чертами лица: такое произведение искусства ни за что нельзя портить или дырявить...

Пускает пулю себе в сердце. Но... промахивается и попадает в легкое. Алая кровь заликает дорогие одежды, аристократ падает на колени, держась за грудь, его взгляд стекленеет. Я подбегаю к нему и, плача, говорю любимому мерзавцу, что все обойдется, и врач уже на подходе... Он хрипит и отнекивается, мол — болван, дважды прошедший мимо своей истинной любви и даже не способный отличить девушку от парня, недостойн ходить по земле. В последний раз тяжело вдохнув, Клифф умирает, я закрываю его глаза и...

И, собственно, что я буду делать, когда Клиффа Кавендиша просто не станет? Ради чего мне самой тогда продолжать свое существование? Он — единственный смысл, который у меня еще остался, а месть ему — моя единственная цель... Что будет, когда не останется даже этого?

Нет, представлять своего врага мертвым мне совсем не понравилось. Да и вообще, смерть — это слишком просто. Так легко ему не отделаться. Он должен жить, страдать и, желательно, делать все это поближе ко мне — чтобы я могла видеть и контролировать процесс искупления...

— Зачем вам это? — только и спросила я.

Кавендиш снова вздохнул. Бедняга даже не подозревал, что только что умер в моих фантазиях. Притом — кровавой и мучительной смертью.

— Ты — хороший парень, и мне больно видеть твои терзания. А еще... — Клифф задумался и почесал в затылке. — Постоянно хочется защищать тебя, оберегать... У тебя бедовый вид, знаешь? Какой-то... надтреснутый, что ли? Такое ощущение, будто, стоит мне только отвлечься — с тобой случится что-то дурное.

— Правда? — робко поразилась я. "Порочный Бог" в роли защитника — это что-то новое и непонятное. Прямо-таки сомнительное. — Довольно странно слышать от вас такое...

— Мне и самому это странно, — согласился Кавендиш. — Сколько живу, никогда не чувствовал ничего подобного. Не знаю, как это — нести ответственность за кого-то... Наверное, я слишком долго был одинок. У меня не было ни братьев, ни сестер. Детей тоже не довелось заиметь, да уже и не доведется, видимо. Малек, а может... — лицо маркиза вдруг осветилось каким-то внутренним светом: теплой радостью, робкой надеждой. — Может, мне усыновить тебя, а?..

— Я всего на два года вас моложе... — пробормотала я. — Вряд ли это возможно...

Кавендиш расстроился, но огорчение быстро сменилось удивлением.

— Только на два? Значит, ты почти также стар, как и я. А выглядишь таким маленьким и беззащитным...

— О какой старости вы говорите, лорд? Вам всего двадцать четыре года! — рассердилась я и хлопнула ладонью по столу.

Да, моему положению вряд ли можно было позавидовать: брошенная мужчиной своей мечты, потерявшая репутацию, поддержку семьи и вынужденная притворяться тем, кем не являюсь... Но чтобы ко всему прочему еще и СТАРАЯ?! Это был уже перебор!

— Да?.. Ну ладно, — не стал спорить Клифф. — Просто мне почему-то кажется, что мой жизненный путь подходит к концу. Будто бы я уже все дела переделал, все испытал, и совсем потерял веру в будущее... Правда, рядом с тобой... — мужчина перевел на меня восторженный, слегка осоловелый взгляд, и я начала подозревать у него признаки первые опьянения. Затем он поднял бокал и помахал им у меня перед носом. Часть содержимого расплескалась на стол, укрепив мои подозрения.

— Рядом с тобой мне снова становится легко и весело... — отправив внутрь себя остатки джина, лорд воодушевленно продолжил свой длинный, щедро сдобренный загадочными фразами и улыбками, пассаж. — И, когда ТЫ РЯДОМ, мне снова начинает НРАВИТСЯ ПИТЬ!

Повисла тишина. Кавендиш замолк, жадно наблюдая за моей реакцией на его слова. Я моргнула: моей реакцией было недоумение. И каким образом он умудрился соблазнить столько женщин? Просто старался держаться подальше от пабов в их присутствии?

— Неужели? — осторожно переспросила я. — А разве вам переставало это нравится?

В чем-чем, а в приверженности к трезвости Кавендиша точно нельзя было упрекнуть. Томный момент нарушил официант: он заглянул к нам в кабинку, собрал пустые бутылки и уточнил, не желаем ли мы чего-либо еще.

— Нет. Вот, возьмите сразу... — Кавендиш всучил ему банкноты и снова обратился ко мне. — Понимаешь, я пил. Пил почти без остановки, но однажды это занятие перестало доставлять мне удовольствие... А сейчас все снова встало на свои места. ТЫ — ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК, МАЛЕК! — вдруг прокричал Клифф на весь бар. Где-то за перегородкой звякнуло стекло — похоже, работник поронял наши бутылки. — Ты вернул мне вкус к алкоголю!

Я вжалась в спинку кресла от неожиданности. Какое-то сомнительное достижение, разве нет?..

— И вообще, почему мы сидим так далеко друг от друга? — возмутился он и пересел на мою сторону стола.

— Так-то лучше! — Кавендиш с размаху опустил руку мне на плечо и придвинул меня к себе, прижавшись к моему бедру. Я подняла голову и уперлась прямо в его взгляд: веселый, безумный и пронзительно зеленый.

Мне стало не по себе: теперь я абсолютно точно уверилась в том, что Клифф пьян. Пьян давно и безнадежно, просто давний опыт употребления крепких напитков помогал ему скрывать сей факт до поры до времени.

— Простите, лорд, мне уже пора, — я скинула его руку и встала, намереваясь покинуть бар, пока поведение Кавендиша не стало совсем уже странным.

— Уйдешь? — неверяще переспросил он, глядя на меня снизу вверх. — Оставишь меня здесь одного, наедине с моими бредовыми идеями и галлюцинациями? Неужели ты

способен на такое, Лукас?..

— Возможно... — я прикинула, каким способом лучше преодолеть препятствие в виде высокого, сильного и безнадежно нетрезвого мужчины, преграждающего мой путь к свободе.

— А ведь когда ты был в аналогичной ситуации, я не бросил тебя одного на улице, — заметил Кавендиш и взял меня за локоть. — А выпестовал, выходил и привез к себе!

Стало тихо. Слишком тихо — мне показалось, будто весь бар, отделенный от нас тонкими дубовыми перегородками, затаил дыхание, ожидая развязки нашего разговора.

— Хорошо... Останусь, — приняла решение я и обреченно опустила в кресло.

Потому что, во-первых, и правда не бросил. А во-вторых, он вцепился в меня такой мертвой хваткой и так настойчиво тянул обратно в кресло, что уйти по-тихому, без мордобоя и скандала, просто не получилось бы.

— Спасибо, — благодарно отозвался Кавендиш, отгесняя меня к противоположному краю кабинки. На короткое мгновение он будто даже протрезвел: выражение его лица стало осознанным, а голос — низким и проникновенным.

— С минуты на минуту джин совсем замутнит мой рассудок, поэтому будь готов, — деловито сказал он. — На этот раз экипаж вызываешь ты. Деньги возьмешь в правом кармане. Глубоко.

— Клифф, не покидай меня! — взмолилась я, но на смену трезвому маркизу уже вернулся его подвыпивший, несший полную чушь и пугающий меня своим вниманием, двойник.

— Не покину, — растянув губы в глупой улыбке, проворковал он. — Давай отныне всегда пить вместе, Малек?

А ведь на столе еще оставалась непочатая бутылка алкоголя...

— Лорд Кавендиш, я думаю, вам уже хватит! Это становится небезопасно — для вас, меня и окружающих, — возвала к его совести я. Бесплезно! С таким же успехом можно уговаривать стену, увещевая ее отодвинуться и дать пройти.

Может, попробовать другую тактику? Ту, что будет ему понятна? Я взяла аристократа за отворота жилета и слегка встряхнула, заставляя посмотреть на себя.

— Послушай, Клифф. Друг! — мягко, но требовательно сказала я. — Мне здесь скучно. Невыносимо скучно: еще немного, и я усну... Может, уйдем отсюда, а? Куда-нибудь... в другое место?

Маркиз некоторое время взирал на меня, а потом его взгляд прояснился.

— Ты прав, Малек. Это не бар, а какие-то ясли для сопляков! Я покажу тебе увлекательный ночной Лондон!

Он резво встал, поднял меня на ноги и потащил за собой к выходу.

Что ж, с одной задачей — увести Кавендиша подальше от джина — я успешно справилась. Осталась еще одна — заставить его лечь спать. И, желательно, дома...

***

Вы меня... что вы делаете?!

Его запала хватило ненадолго. Стоило нам выйти из бара, как холодный уличный воздух моментально лишил Кавендиша боевого настроения. Вместо того, чтобы вести меня за собой по ночному Лондону, Кавендиш обмяк, с трудом переставляя заплетающиеся ноги и так и

норовя повиснуть на мне.

Хотя в представлении Клиффа все происходило именно по первому сценарию. Одну за другой он выдвигал интереснейшие версии нашего дальнейшего времяпрепровождения. Сначала я еще прислушивалась и пугалась, но после десятой фантазии и второй канавы, в которую угодил мой доблестный боец развлекательного фронта, успокоилась и убедилась в его полнейшей безобидности: далеко в таком состоянии он точно не уйдет.

— Следуй за мной, Малек, — настаивал он, пока я пыталась вытащить его из очередной канавы. — Клифф Кавендиш станет твоим проводником в мире разврата!..

И тянул меня в лужу. Я упорно отказывалась от его приглашений — один раз даже пнула легонько, на что аристократ ничуть не обиделся. Его план относительно вечера сбылся в точности: мы с ним поменялись ролями. На этот раз ОН весь угваздался в грязи. Я тоже испачкалась, но не сильно — просто потому что Кавендиш постоянно лип ко мне.

Прохожие странно поглядывали на нас. В вечернее время на улицах столицы хватало всех: и пьянчуг, и богачей, и чудаков. Но маркиз даже в обычном состоянии привлекал внимание — что уж говорить про состояние шумное, шаткое и почти невменяемое?..

— Своей возлюбленной позабыт, в холодном доме совсем один, — вдруг запел он в полный голос. — Жестоким горем, сижу, убит — твой преданный паладин...

И опять — те же "Зеленые рукава", которые пела я! Вот только в его исполнении они звучала куда симфоничнее. Этот мерзавец даже поет, и то здорово... И как один человек может быть таким совершенным внешне и таким гадким внутри?

— Лорд Кавендиш! — прошипела я, дергая его за рукав. — Давайте потише!

— Во всём для меня ты была права, я видел и слышал тебя одну! — не слыша меня, продолжал заводить Клифф. — Твои зелёные рукава держали меня в плену!

Песня стала для него лебединой — прокричав последние строки, Кавендиш окончательно сдулся. Я прислонила его спиной к фонарю, чтоб не упал, и поспешила к дороге — караулить экипаж, который отвез бы нас в Бромптон.

— Деньги вперед, — первый остановившийся извозчик с подозрением оглядел наши перепачканные фигуры: шатающуюся — Клиффа, и мою — твердо стоящую на ногах, но маленькую и невнушающую уважения.

Деньги?.. Ах, да.

— Одну минуту, — я подошла к Кавендишу и потрясла его за плечо. — Клифф, нужно заплатить за экипаж!

Тот не отреагировал: закрыв глаза и запрокинув голову к звездному небу, аристократ мычал сквозь зубы изрядно надоевшую мне песенку. В каком там кармане хранятся несметные богатства? Не помню... Если с первого раза не повезет, придется проверять оба.

Чувствуя себя мелким воришкой, решившим обчистить уважаемого, хватившего лишку джентльмена, я осторожно запустила руки между лапами его пальто и нащупала складку в брюках Кавендиша. Засунула внутрь пальцы — ничего (какие все-таки бездонные в мужской одежде карманы — там можно не то, что кошелек спрятать, а целый гастролирующий цирк с животными и артистами!). Выругавшись сквозь зубы, я подключила вторую руку ко второму карману...

На этом неловком моменте Кавендиш вдруг соизволил прийти в себя.

— Я же сказал — ГЛУБОКО! — с укором произнес он и за плечи притянул меня к себе. — Ищи глубже...

Я пошатнулась и упала ему на грудь, утонув руками в его штанах по самые запястья.

Сдавленно охнула и подняла голову.

— Малек... — нежно проговорил Кавендиш, глядя мне в глаза. — Прости — я бываю неразборчив, когда напиваюсь...

И ядовитая, пронзительная зелень его взгляда сбила меня с ног. Окружила абсентовым дурманом, подхватила грохочущим вихрем и понесла, точно щепку, в хмельном водовороте чувств.

— Ой, мамочки!.. — тонко вскрикнула я и резко выдернула руки из его карманов — так резко, будто случайно дотронулась до змеи. Притом, в прямом смысле слова: в недрах Клиффовых брюк пряталось нечто, формой и размером напоминающее небольшого питона.

Я отпрыгнула от Кавендиша на безопасное расстояние и на трясущихся ногах поспешила обратно, сжимая в руке свой трофей — помимо неожиданных находок, левый карман все же осчастливил меня тем, за чем я в него и полезла.

Вовремя. Извозчик, кидая на нас разъяренные взгляды, как раз собирался уезжать.

— Я вас не повезу, мужеложцы проклятые! — отрезал он и поднял в воздух кнут.

— Пожалуйста, стойте!!! — я кинулась наперерез повозке и вскочила на козлы, протягивая мужику все, что нашла в кармане. Простолюдин бегло осмотрел мой кулак с охапкой купюр, и гигантская сумма заставила его передумать: понятия "маркиз Кавендиш" и "мелкие деньги" были несовместимы.

— Ладно, садитесь, — недовольно проворчал он. — Но чтобы ни звука, и все в рамках приличий, поняли?!

— Поняли... — пробурчала я, помогая Кавендишу забраться внутрь салона, хотя на деле не могла обещать ни того, ни другого.

Несмотря на мои опасения, внутри экипажа Клифф присмирел. Повозка скрипела и гроыхала колесами по мостовой, увозя нас из многолюдного центра. Аристократ съехал по бархатному сиденью, опустил голову мне на колени и задремал.

Покачивающая, затемненная кабинка экипажа усыпила бы кого угодно, но не меня. Я была слишком взволнованна, чтобы спать. Еле касаясь, провела кончиками пальцев по его длинным растрепавшимся волосам. По тонкому, чеканному профилю и выступающим дугам бровей...

И все-таки зря его отпустили из тюрьмы, так и не дав реального срока. Быть таким бессовестно красивым — уже должно быть уголовно наказуемым! А уж если к делу подключаются шлюхи и пистолеты...

Я замерла, снова переживая обиду, и уронила руку. Кавендиш не пытался задеть меня или оскорбить, но все равно ранил каждым жестом, каждым словом... Ему даже без разницы, к кому приставать на пьяную голову- к женщине, к мужчине ("неразборчивый" он, видите ли!). Ночь закончится, и наутро он все позабудет, а вот я...

Я буду помнить. Целую вечность, а может, и две. Снова и снова воскрешать в памяти то, как уютно мне было, когда он на доли секунды заключил меня в объятия: так невыносимо правильно и хорошо, будто вся несправедливость нашего мира вдруг исчезла, уступив место божественному промыслу...

Ни в этой, ни в следующей жизни мне не забыть, как нежно он прижимал меня к себе и как ласково обращался...

Карета остановилась. Извозчик спас мою гордость — если бы не его своевременное вмешательство, я бы точно расквасилась и разревелась.

— Бромптон. Выметайтесь! — раздался снаружи "приветливый" оклик.

Кавендиш открыл глаза и принял вертикальное положение.

— Мы что, приехали домой?

— Да. Вы так просили об этом... — я позволила себе маленькую ложь: по сравнению с болью, которую причинил и продолжал причинять мне Кавендиш, вранье казалось сущим пустяком.

— Хм. Да так даже лучше! — заявил Клифф, бодро выпрыгивая из экипажа и подавая мне руку.

Извозчик не довез нас до особняка — щелкнув кнутом, простолюдин резво укатил в обратном направлении, оставив нас на границе леса. Справа возвышались высокие ворота погоста.

— Малек, а хочешь пойти на кладбище?! — воодушевленно спросил Кавендиш, снова привлекая меня к себе и беря в плен своих пленительных глаз.

— Нет... — пискнула я, чувствуя, что готова пойти за ним куда угодно.

— Да ладно, это будет весело! Я тебе ТАКОЕ покажу... — и Клифф, больше не интересуясь моим мнением, потащил меня по направлению к калитке.

***

Переживу ли я эту ночь?

— Но ведь сейчас почти ночь! В такое время не пускают к могилам!

— Пускают, — отмахнулся маркиз.

Короткий отдых в фиакре вернул ему бодрость духа и твердость походки. Достигнув запертой на огромный засов калитки, мужчина пару раз дернул ее, отчего вся железная конструкция заходила ходуном и протяжно завывала.

В дверях сторожки почти тут же показался смотритель (он что, никогда не спит — только и ждет нарушителей порядка?). Маленький разгневанный старичок подошел к воротам и потряс фонарем в руке.

— КЛАДБИЩЕ ЗАКРЫТО! — гаркнул он, но, стоило ему рассмотреть фигуру моего спутника, смотритель мигом сменил гнев на милость. — Лорд Кавендиш? Проходите, Ваша Светлость, проходите. Милости просим!

Я удивленно посмотрела на Клиффа. У него оформлен членский билет Бромптонского кладбища? Сторож гостеприимно распахнул ворота, и только тут заметил меня.

— А, это ТЫ... — он явно не забыл нашу предыдущую встречу. — Ну что, решил, кого хоронить будешь? Какой гроб заказывать — большой или маленький?

— Э-э-э... — я замешкалась и посмотрела на Клиффа, судорожно пытаюсь прикинуть, какого он роста.

— Лучше большой. Чтоб уж наверняка, да, Малек? — подсказал он мне. — Спасибо, мистер Бейкер. Мы погуляем, и обратно.

— Конечно, лорд! Гуляйте, сколько вздумается. Такая луна нынче прекрасная... — и сторож утопал обратно в домик.

Луна и правда была хороша. На территории погоста не горело ни одного фонаря, но все и так было видно: каждое деревце, каждый кустик выделялся на фоне земли, могилы и склепы выглядели четкими и зловещими.

Я ожидала неспешного променада по главной аллее — гулять пришли, все-таки! — но

Кавендиш неуловимо изменился. Он перестал болтать без умолку, молча и решительно двигаясь вглубь кладбища: мимо богатых гробниц, минуя перекрестки из дорожек и оградок, все глубже в лес. Я спотыкалась о камни и корни растений, но мой провожатый совсем этого не замечал. В очередной раз чуть не полетев на землю, я хотела вытащить свою ладонь из его... и не смогла этого сделать.

Рука Кавендиша превратилась в стальной трос, накрепко зацепившийся за мою ладонь. Серебристый свет луны подсвечивал резкий профиль мужчины — сейчас он показался скорее отталкивающим, чем привлекательным. В его глазах застыл странный, холодный блеск.

— Клифф, а куда мы идем?.. — робко спросила я, пытаюсь совладать с россыпью мурашек, берущих начало в районе коленей и волнами накатывающих выше.

— Скоро узнаешь, — отстраненным голосом ответил он, даже не посмотрев на меня. — Почти пришли.

И тут я запоздало поняла, в какой переплет угодила. Я ведь о нем почти ничего не знаю — журналистские сплетни и наше непродолжительное знакомство не в счет... А ведь Кавендиш, как он сам сказал, "преступник". Он убил человека — и это из доказанных случаев, а вдруг были и еще?.. С чего бы ему так нравилось бродить ночами по кладбищам — он ведь явно пришел сюда не впервые в столь позднее время? Вдруг за этими посещениями кроется нечто большее?.. Случись что, и Лукаса Малькольма (то есть, Амелию Обри-Флетчер), никто не найдет: одной могилкой больше, одной меньше. И от сторожа правды не добиться — он явно в сговоре...

— И часто вы... — я охрипла от ужаса. — ... гуляете ночью по кладбищу?

— Да, бывает.

— И вы всегда приводите с собой попутчиков?

— Нет, Малек. Ты первый, — криво улыбнулся Клифф и остановился. — Пришли.

Ну, хоть в чем-то я у него первая... первый. Даже не знаю — стоит ли гордиться сим фактом?.. Я наконец вырвала руку из его клешней и огляделась по сторонам. На первый взгляд — ничего особенно. Все украшенные лепниной и художественной ковкой мавзолеи остались позади — кладбище и кладбище.

Разве что на этом участке захоронения располагались на чуть большем расстоянии друг от друга. Клифф замер, напряженно глядя перед собой. Я проследила за его взглядом: в темноте чуть мерцал маленький прямоугольник из белого мрамора, обнесенный невысокой оградой.

Скромная могила: ни тебе печальных статуй ангелов, ни огромных крестов... Лишь ваза с букетом живых, слегка подвявших роз. И короткое имя, выбитое в камне.

МАРСЕЛЬ О'КОННОР.

Мои глаза непроизвольно полезли на лоб. Он привел меня к могиле своей горячо любимой невесты?.. Нет, даже больше — он намеренно КУПИЛ ДОМ около места ее упокоения? Чтобы всегда быть рядом и иметь возможность прийти к ее последнему пристанищу... Принести свежий букет цветов?..

Господи, он точно ненормальный! Самый настоящий сумасшедший, опасный для окружающих! А я оказалась рядом с ним... в такое время и в таком месте... Просто кошмар! Амелия, ты сошла с ума вместе с ним!

Кавендиш тем временем вышел из оцепенения и подошел к могиле, чтобы спустя мгновение по-хозяйски усесться на памятник сверху.

Вслед за глазами из подчинения вышла моя челюсть — она покинула пазы и упала на грудь. Как-то не так я представляла себе скорбь по ушедшей любимой...

— Знакомься, Малек, — чуть насмешливо произнес аристократ. — Моя бывшая невеста, Марс О'Коннор.

— Я п...понял. Прочитал...

— Понял он, — раздраженно откликнулся Клифф. — Ничего-то ты не понял!

Да, это куда больше походило на истину. Безумные предположения касательно внутреннего мира Клиффа сменяли одно другое. Допустим, это и правда ее могила. А ведь незадолго перед этим он признался в постыдном факте ее измены... Может, здесь он расправляется с нечаянными свидетелями их страшной тайны?..

— Это вы... — голос не слушался меня, но я все же выдавила следующие слова. — Вы убили ее?

Взгляд Кавендиша стал раздосадованным.

— У тебя помутнение рассудка, Малек? Это ведь я пил джин, а не ты... Какие-то еще симптомы наблюдаешь — бредовые идеи, галлюцинации?

— Но тогда зачем вы привели меня сюда?!

Клифф задумался, слегка погладил мрамор, на котором сидел, а потом пожал плечами.

— Не знаю. Захотелось показать... — парень встал, поднял букет роз и, размахнувшись, выкинул его далеко в кусты. — Что, пойдём обратно?

Я несмело кивнула, боясь верить услышанному. Вот так просто — "обратно"? И не будет никаких душераздирающих сцен?.. Сопротивления, криков, погони? Да уж. Я больше не пыталась найти объяснений дикому поведению маркиза — разумных версий просто не осталось. Или все дело во мне? Может, я надышалась алкогольными парами, и у меня начались видения?..

Мне казалось, что до могилы Марс мы шли долго, а обратно вернулись в мгновение ока. Вот уже и ворота, вот и светящееся окно сторожки. Попрощавшись со смотрителем, мы быстро достигли парадного входа особняка. На пороге Клифф замешкался.

— Ну что, вот и все?.. — неуверенно спросил он.

— Все.

— Значит, спокойной ночи?

— Спокойной ночи, лорд.

— Тогда входим, только тс-с-с! — он приложил указательный палец к моим губам. — Армстронг не должен нас слышать!

— Хорошо, — шепотом ответила я. Мне и самой не хотелось встречаться с суровым дворецким Кавендиша.

Мы тихо проскользнули за дверь, оставили в прихожей пальто и шляпы и миновали холл. Около лестницы Клифф бессильно облокотился о меня.

— Можно?.. Малек, я так хочу спать. Просто падаю с ног...

— Ладно, — скрипнула зубами я. Конечно, в том, чтобы поднимать своего пьяного возлюбленного на второй этаж, нет ничего необычного: в некоторых семьях, говорят, жены только этим и занимаются... Но главное, что сумасбродный день наконец подошел к концу. Жду не дождусь, когда можно будет закрыть за Кавендишем дверь и вздохнуть с облегчением!

Тихо пыхтя и стараясь не шуметь, мы преодолели один лестничный пролет, другой... Поднялись на второй этаж и, крепко держась друг за друга, поползли дальше. Ближе к

третьему в мою голову закралась мысль — что-то не так.

— Лорд Кавендиш, — прошипела я. — А разве ваша спальня не на втором этаже?

— На втором, — также тихо ответил он.

— Но ведь вы поднимаетесь выше...

— Да, поднимаюсь, — не стал отрицать очевидного он.

Я моргнула и, как и на кладбище, попыталась скинуть его руку со своих плеч. И опять не смогла. Крепко придерживая меня, Кавендиш продолжал идти по лестнице — пошатываясь и напевая, но теперь у меня появились сомнения: это я веду его в постель или наоборот?..

Снова накатила паника. Вдруг приключения еще не закончились, и самое плохое еще впереди?.. Лестница оборвалась, и мы оказались на мансардном этаже. По дороге к комнате я затрепыхалась.

— Вы не туда идете, лорд! Ваша спальня этажом ниже! Вам нужно спуститься!!!

— Это мой дом, куда хочу, туда и иду! — возмутился в ответ Кавендиш и открыл дверь МОЕЙ спальни.

— Но это... — у меня просто пропал дар речи. — Это неправильно! Так нельзя!

Я схватилась за дверной проем, не желая входить, но Клифф втолкнул меня внутрь и сам завалился следом, хорошенько двинувшись о косяк: вход не был рассчитан для людей его роста.

— Что вы делаете?! — уже не таясь, вскричала я, когда он закрыл дверь. В такой ситуации не понятно, кто представляет большую опасность: Армстронг или сам Кавендиш?

— Ложусь спать, конечно же! — заявил маркиз. Потом взял рукой за лоб и жалостливо сморщился. — Ох, Малек... И почему рядом с тобой мне кажется, будто меня приложили по голове чем-то тяжелым?..

— ДА ПОТОМУ ЧТО ВАС И ПРАВДА!.. — я не успела договорить: не зажигая света, Клифф отгеснил меня к кровати.

— А, не важно! Давай, раздевайся. Ты ведь не собираешься спать в одежде? — и он пьяно полез ко мне, дернув мой жилет и оторвав все пуговицы.

Я попыталась оттолкнуть его, но потеряла равновесие, и мы оба упали на постель. Тяжелое тело рухнуло на меня сверху, но прежде, чем я успела решить, как повести себя дальше (биться или дать слабину и покориться?..), Клифф приподнялся на коленях.

Он бережно переложил меня на подушку, и только тогда повалился рядом. Обхватил обеими руками — стиснул так крепко, что о бегстве можно было даже не помышлять — и доверчиво уткнулся лицом мне в затылок.

— Я скучаю по тебе, Марс... — пробормотал он и в ту же секунду провалился в сон, а я замерла, глядя широко открытыми глазами в темноту и наконец давая волю слезам.

Да, он скучает по ней и любить всегда будет только ее, но...

Сейчас-то ведь он со мной?

* * *

Своей возлюбленной позабыт,
В холодном доме совсем один,
Жестоким горем, сию, убит

— Твой преданный паладин.
И сердце бьётся едва-едва,
И гулок стук его в тишине
— Твои зелёные рукава
Мне грезятся в полутьме.
Я был послушным твоим слугой,
Ни в чём нельзя меня обвинить.
Не мог помыслить я о другой,
Не мог тебе изменить.
Во всём для меня ты была права
Я видел и слышал тебя одну.
Твои зелёные рукава
Держали меня в плену.
О, сколько платьев, шарфов, колец
Тебе я, любимая, подарил...
Сорил деньгами, и, наконец,
Совсем себя разорил.
За то осудит меня молва,
Но деньги — пыль, и богатство — вздор,
Когда зелёные рукава
Ласкают усталый взор...
Прощай же, дева моей мечты,
Господь да хранит тебя в том краю,
Где без меня продолжаешь ты
Беспечную жизнь свою.
Но, может, услышав мои слова,
Меня пощадит милосердный бог.
Твои зелёные рукава
На мой возвратив порог.

13. Клифф

Я сошел с ума...

Еще даже не проснувшись, я уже понимал, что ни разу за последние месяцы — нет, годы, столетия!.. — я не спал так крепко и безмятежно. Сон был хорошим: предчувствуя, что вот-вот вернусь в свой темный и порочный мир, я плотнее закутывался в него — заворачивался, как в одеяло, желая продлить прекрасные минуты в созданном моим мозгом раю. Этой ночью привычных терзаний или апатии так и не случилось — ее наполняло только чудесное, доброе, правильное.

Только Малек.

Только крохотный, чудный мальчишка, стоящий передо мной на коленях и вытворяющему своим маленьким чутким ротиком поразительные ве...

ТВОЮ Ж МАТЬ!!!

Мышцы тела среагировали моментально, сжавшись и подбросив меня в воздух. Начиная свой полет, я еще спал, а заканчивая его и приземляясь — уже судорожно оглядывался по сторонам, вычлняя из окружающей действительности необычные детали интерьера.

Боже мой, где я?! Что за низкий покатый потолок и огромное окно, из которого дует, словно из ледяной преисподней? Почему я лежу на узкой и короткой кровати, и главное, почему рядом, раскинувшись, сладко спит главный герой моих неприличных снов?!

От моей возни Лукас проснулся. Парень потянулся, глубоко вздохнул и открыл чистые, словно безмятежное утреннее море, глаза. Заметил меня, уловил мой молчаливый ужас и насторожился. Явно не осознавая, что делает, высунул кончик влажного розового языка и облизал пересохшие со сна губы.

Я повторно дернулся, отпрыгивая от него как можно дальше, и свалился с кровати.

— **ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ?** — возопил я, вскакивая на ноги и понимая, что совершил роковую ошибку: видок у меня был совсем не тот, чтобы появляться перед Малькольмом "во всей красе" (хотя, именно что тот).

— Я? — сонно переспросил Малек: ему было явно не до моих красот, слишком уж он удивился. — Сплю в своей постели...

— А почему ты это делаешь рядом со мной, я тебя спрашиваю? — я сдернул с него одеяло и наспех замотал себя ниже пояса. — И почему на мне только исподнее?!

Лукас заметно смутился, провел рукой по волосам. Сам-то он был одет, в отличие от меня!

— Я раздел вас, лорд Кавендиш, — проблеял он. — Когда вы... — ну, помните?.. Подумал, в одежде неудобно...

— Как ты мог?! — рявкнул я. — Неужели тебе самому не стыдно, а? С виду такой юный и неопытный, а на самом деле... Зачем быть таким? Все эти твои... — я неопределенно махнул рукой, имея в виду его бесподобные волосы и губы. — Просто кошмар!

Лицо журналиста вытянулось, а уголки рта предательски задрожали. Но нет, я больше не пойду на поводу у этих жалостливых глаз и губ. Пора прекращать весь этот балаган! **СЕГОДНЯ ЖЕ!**

Я рывком открыл дверь и, продолжая придерживать одной рукой одеяло, выскочил в коридор. Дверной косяк встретил меня глухим громким стуком, а голова, и так затуманенная после вчерашнего (а что было вчера, кстати?..), взорвалась оглушительной болью. Проклинаю

почем зря недалеких архитекторов — и зачем делать в доме такие низкие ходы?! — я умчался вниз.

Через полчаса, искупавшийся, переодевшийся, но все еще дико злой, я сидел за рабочим столом и раздраженно переключал бумаги с места на место. Внушительная стопка успела три раза перекочевать с одного края на другой. Господи, как же я ненавижу бумажную работу... Только порадовался, что нашел себе помощника, толкового и исполнительного, и на тебе! Еще одна головная боль вдобавок к уже имеющейся. Где теперь искать нового секретаря?..

Нет, не секретаря, конечно! А секретаршу. Основным требованием к новой сотруднице будет исключительно ее пол. Больше никаких юношей в непосредственной близости от меня: лишь женщины — с пышными бедрами, огромными грудями и остальными необходимыми атрибутами. С дамами как-то проще все и понятнее... Очевиднее, что ли. Рациональнее.

Подумать только, я всю жизнь делал с женщинами непотребные вещи и не чувствовал угрызений совести, а тут — еще ничего не успел сделать, а уже ощущаю себя мерзким и отвратительным! Нет, с этой бредовой привязанностью к малознакомому пареньку однозначно пора завязывать. Сейчас же выставлю его за дверь, и пусть возвращается обратно в свой Уайтчепел!

Раздался робкий стук, и в кабинет заглянула Роза.

— Армстронг интересуется, когда вы с мистером Малькольмом придете завтракать?

При упоминании еды желудок отозвался неприятным спазмом.

— Завтрака не будет, — загробным голосом ответил я, но тут же постарался исправиться. — То есть, вы все ешьте, конечно... Но после скажи Арму, чтобы он передал Лукасу...

На миг представил, с какой радостью дворецкий вышвырнет Малькольма вон, и запнулся. Ладно, придется взять себя в руки и еще раз взглянуть в лицо корреспонденту. И сказать ему самому.

— Нет, просто попроси их обоих заглянуть ко мне, хорошо?

— Конечно, лорд Кавендиш.

Я сделаю это не потому, что мне будет приятно выгнать беспомощного мальчика обратно в его преступный район. А из соображений здравого смысла, в целях собственного сохранения... Каждый час, проведенный рядом с этим маленьким вьедливым субъектом — испытание для тела и рассудка. Как давно мы познакомились?.. Пять дней назад, или и того меньше? А я уже засыпаю и просыпаюсь рядом с ним и вижу безобразные сны с его участием...

И если вплоть до этого утра происходящее в моей голове еще можно было посчитать забавной шалостью истосковавшегося по развлечениям сердца, то сейчас... Нет, тут шалостями уже и не пахнет — это сумасшествие какое-то, опасное сексуальное отклонение! Маразм, несправедливость, злая шутка провиденья: ясно, что субтильное тельце мальчика вызывает у меня вполне очевидные желания, тогда как обычные утехи уже давно не вызывают прежнего восторга...

А что касается моих верных шлюх — Анны, Аделфы и Айседоры — они хороши, несомненно, но в не совсем обычном применении. Анна, например, делает божественный массаж ног, Айседора умеет разминать спину и плечи, ну а Аделфа вообще собеседница несравненная...

Повторный стук в дверь отвлек меня от невеселых мыслей. Выждав почтительные пару секунд, в комнату завалился Армстронг. Что-то в его лице заставило меня отвести взгляд — было в нем какое-то неприятное предвкушение. Неужели он догадался о цели визита?

Вслед за молчаливым дворецким в кабинет проскользнул Лукас: настороженный, хмурый, ссутулившийся. Будто заранее приготовившийся к дурным вестям: тоже, небось, понял, что после ночи все усложнилось...

Мужчины застыли напротив стола, с разными эмоциями ожидая моего вердикта. Затянувшееся молчание прервало низкое побряхтывание Арма, по звуку напоминающее далекие раскаты грома. Я побарабанил пальцами по столу и приступил к официальному обращению.

— Мистер Армстронг, мистер Малькольм. Я хотел вам сказать, что... — сухо начал я и зачем-то взглянул на Малька. На его бесподобные глаза и рот... Ох уж этот его рот!

Горло сдавило от непонятной горечи, язык отнялся. Нет, плохой идеей было звать их вдвоем!

— ... сказать, что сегодня я справлюсь и без вас. Мне нужно срочно отправиться в город. Одному.

Важно кивнув удачной идее, я встал из-за стола и прошествовал мимо подчиненных.

Мне и правда нужно прогуляться, освежить голову. А Малька я выставлю вечером. Никуда он не денется...

***

Томление плоти, будь оно неладно...

Сбежав из дома, оккупированного маленьким привлекательным захватчиком, я в нерешительности остановился посреди улицы.

Куда пойти, куда податься? Что сделать, чтобы хоть немного привести голову в порядок?

В прошлом, когда меня одолевала тоска и беспричинная ненависть к собственной жизни, я всегда шел на кладбище: ряды тихих безмолвных могил как нельзя лучше возвращали позитивный настрой...

Но после вчерашнего мне больше не хотелось идти на погост. И зачем я потащил туда Малька? Еще и "могилу" Марс показал, пьяный недоумок... Неужто и правда собрался "облегчить душу" и во всем признаться?

А, может, мне и сейчас нужно поговорить с кем-то о случившемся? Но с кем? Леди Гамильтон целиком и полностью поддержала меня после скандала с дочкой О'Коннора, но сейчас она вся в заботах о предстоящей свадьбе... Да и вообще — похотливые мысли по отношению к собственному подчиненному это вам не безответная любовь к какой-то там невесте! То, что происходило со мной теперь, было гораздо более диким и опасным. Как бы не потерять единственную подругу после таких откровений...

Я и сам не заметил, как дошел до оживленной части Бромптона и сел в первый подвернувшийся мне омнибус. Прижимаясь к потным телам представителей среднего класса, доехал до центра и с облегчением вывалился недалеко от набережной. Кажется, я понемногу превращаюсь в простолюдина — вот только после всех остальных открытий это волновало меня меньше всего.

Слева сверкнула золоченным крестом небольшая церковь. Поддавшись внезапному порыву, я свернул к ней. С тех пор, как я был в ней в первый и последний раз, внутри ничего не поменялось: редкие иконы на стенах, холодный мрамор каменных сводов, ряды стульев и совсем немного посетителей. За спинами людей мелькнула темная сутана отца Тадеуша — он тоже был все тот же: невысокий, средних лет, с небольшой залысиной и вечно понимающим выражением лица.

Я остановился недалеко от него, ощущая себя инородным элементом в атмосфере святости и благочестия. Закончив беседовать с почтенной пожилой парой, священник заметил меня и слегка остолбенел.

— Что случилось на этот раз, Ваше Сиятельство? — патер Тадеуш тоже помнил нашу встречу, случившуюся три года назад. — Надеюсь, вы больше никого не убили?

В его словах промелькнула ирония, но я не обиделся. В храме я и правда редкий гость. Прихожу, когда дела совсем плохи становятся.

— Нет, но моя душа снова в опасности, — мрачно произнес я. — Не согласитесь ли исповедать меня, отец Тадеуш?

Перед тем, как ответить, священник внимательно изучил украшенные фресками своды храма, будто спрашивая совета у изображенных на них святых. Всегда готовый поддержать прихожан, в случае со мной он почему-то сомневался.

— Соглашусь, — наконец ответил он. — Но перед таинством исповеди необходимо помолиться и провести испытание совести, сын мой.

Я смиренно обратил взгляд на распятие, пытаюсь вспомнить слова хоть какой-нибудь молитвы. К несчастью, в голову ничего не шло — слишком плотно там застрял Малек. Но священнослужитель растолковал мое сосредоточенное молчание по-своему: сложил руки на груди и тоже подключился к беззвучному прошению.

— Готово, — когда прошло достаточно времени, сказал я и перекрестился.

— Теперь испытание совести...

— Пожалуйста, святой отец! Все мои последние дни и так сплошное испытание! Прошу вас, давайте уже приступать к исповеди!

— Хорошо, — немного удивленно согласился патер Тадеуш. — Поговорим здесь или...?

— Пойдемте лучше в исповедальню.

Надеюсь, там будет достаточно темно. Даже не представляю, как рассказывать нашу с Мальком историю при свете дня. Да и то, что во время разговора священник не увидит моего лица, внушало оптимизм.

— Так что угрожает вашей душе на этот раз, лорд Кавендиш? — устало спросил священник, когда мы уединились в кабинке конфессионариума. Внутри было именно так, как я и рассчитывал: — мрачно, душно и уютно. Жесткая скамья под задницей не давала расслабиться, а тусклый свет, падающий через решетчатую перегородку, навевал ностальгию по тюрьме.

— Один человек. Мальчик... То есть, не совсем мальчик. — я глубоко вздохнул, мысленно ныряя в омут с головой. Нужно собраться: вдруг отец Тадеуш — единственный, кто может меня спасти?.. — Юноша. Мой новый секретарь.

С той стороны перегородки повисла озадаченная пауза. Должно быть, служитель церкви не ожидал, что мои проблемы могут быть связаны с мужчинами.

— И каким же образом он это делает, сын мой? Этот юноша... наводит вас на грех?

— Да! Хотя, скорее нет, — я почувствовал беспокойство. Священник попал прямо в

точку — осознанно или нет, но именно этим и занимался Малькольм с самой первой минуты нашего знакомства. Но мне все равно не понравился этот вопрос. Почему сразу "грех"? Пусть выслушает сначала, а потом уже решает, вешать обидные ярлыки или нет!

— Он много на что меня наводит, патер, но я не уверен... Понимаете, мы знаем друг друга совсем недавно, но между нами установились довольно странные, на мой взгляд, отношения.

Снова заминка.

— Расскажите мне об этих отношениях, лорд... Подождите! Мне показалось, или кто-то хочет войти?

— Вам показалось, — проворчал я: хотел незаметно побиться головой о деревянную стенку кабинки, но стук оказался на удивление отчетливым. — Началось все с того, что мы много разговаривали с этим человеком. О разном: женщинах, политике и шл... работе. И хотя он всегда высказывал отличную от моей точку зрения, наши беседы оказывались на удивление увлекательными, а когда мы спорили, это выходило даже забавно...

— Продолжайте.

— Да, продолжаю. Малек — то есть, Лукас, мой секретарь, никогда не жалел мою самооценку — говорил прямо, что думает обо мне и моих поступках. А я... я начал проваливаться в него. Постепенно наша связь укрепилась. Мы посещали вместе борд... ну, всякие места посещали. И теперь я готов рассказать ему о себе такое, что не могу рассказать больше никому. Рядом с ним я хочу стать лучше, чем есть на самом деле — более сильным, мужественным, честным... Хочу быть с ним рядом постоянно, помогать ему и защищать. Вот и сейчас — сижу здесь, с вами, а сам думаю — как он там поживает?.. И ведь мы расстались не более часа назад. Все это расстраивает меня, отец Тадеуш. Хочется знать — нормально ли такое общение двух мужчин? Ну, с точки зрения Господа...

Выпалив все это, я бессильно обмяк, отдавая себя во власть божьего суда.

— Не вижу ничего предосудительного в том, что вы мне рассказали, лорд Кавендиш, — мне показалось, что священник улыбался. — Полагаю, это просто тяга двух душ, нашедших друг в друге поддержку и успокоение. Вы встретили своего близкого человека — не по крови, а по духу; того, кто смог рассмотреть вашу глубинную сущность, и вы откликнулись ему в ответ. С точки зрения Господа такие отношения даже полезны: товарищ, который не стал бы обелять ваши недостатки и закрывать глаза на промахи, мог бы положительно повлиять на ваше поведение.

— Правда? — я воспрял духом, боясь поверить услышанному. — Значит, вы не запрещаете мне и дальше общаться с ним?

— Общайтесь на здоровье, Господь относится к мужской дружбе понимающе и снисходительно... Да, вынужден уточнить — просто на всякий случай, — в голосе священника промелькнула нервозность. — У вас ведь с этим юношей чисто платонические отношения? Не отмечали рядом с ним никакого... томления плоти? И прочих, не совсем праведных, порывов?..

Томление плоти... Перед глазами, как по волшебству, предстали маленькие упругие ягодицы Лукаса Малькольма, его тонкая шея, чувственный рот...

— Нет, святой отец, — внезапно охрипшим голосом произнес я. — Не отмечал.

Негоже, конечно, врать священнику, да еще и во время святого таинства отпущения грехов... Ладно, оставим ложь на следующую исповедь.

— Как хорошо! — с облегчением откликнулся патер Тадеуш. — Потому что в таком

случае Бог уже не так снисходителен...

Так и не уличив за мной никакого страшного проступка, священник закончил церемонию и отпустил меня на волю. Морально растерзанный и окончательно удрученный, я несколько часов слонялся по центру, пока голод не потянул меня обратно в Бромптон.

Что же делать? С одной стороны у нас притяжение родственных душ, поощряемое Богом, с другой — томление плоти, за которое уготованы семь кругов ада...

Нет, есть только один выход из этой ситуации. Единственно правильный и логичный. Да, поначалу будет трудно и скорее всего, больно, но потом... Потом боль проходит. Засыпает вечным сном, укрывает разодранное нутро пеплом равнодушия и апатии. Минует несколько месяцев (или, может, лет), и я буду вспоминать о сегодняшних эмоциях с отстраненным удивлением: неужели правда было?..

В Лондоне пробуждалась весна — все ярче светило солнце, подсыхали никогда не просыхающие лужи — а во мне все замерзло, покрывалось инеем. Пряча ледяные руки в карманах пальто, я вышел из омнибуса и направился к дому. Еле передвигая заочневшими ногами, поднялся по лестнице и постучал в дверь отданной Лукасу комнатухи. С той стороны послышалась тихая возня, которую я расценил, как разрешение войти.

Малек сидел за столом. Старательно отводя глаза, я облокотился спиной о стену и сложил руки на груди, разглядывая тоскливый кладбищенский пейзаж за окном.

— Мистер Малькольм, мне нужно сообщить вам... — мой собственный язык отказывался принимать участие в происходящем: он малодушно отнимался и прилипал к небу, и мне пришлось приложить усилия, чтобы убедить его повиноваться. — Я долго думал, и принял решение, что вам придется...

Сдавленный всхлип заставил меня-таки посмотреть на Малька. Парень сидел на стуле, закрыв лицо руками и... плакал. Клянусь своим публичным домом, он ПЛАКАЛ! Неужели до такой степени не хотел возвращаться в Уайтчепел?

— Что случилось, Малек? — выдавил я, чувствуя себя распоследним мерзавцем. — Почему ты рыдаешь?!

— Пока вас не было, мне звонили с работы... — юноша утер красные глаза. — Мой начальник, главный редактор газеты "Лондонский гриф". Он... он сказал, что если я сегодня же не принесу сенсационную статью, которую обещал, меня уволят. И тогда... — его лицо снова жалобно скривилось. — ... ТОГДА МНЕ ТОЧНО КОНЕЦ!

При виде его горьких слез, его понурой, такой хрупкой и беззащитной фигурки внутри меня будто лопнула струна. На толпы осаждающих разум сомнений пролилось кипящее масло уверенности, растапливая сковавший тело лед, обжигая сердце до кровоточащих волдырей...

Я резко подошел к Мальку и поднял своего секретаря на ноги, одновременно с ужасом и щемящей радостью понимая, что никуда и ни за что не выгоню его (по крайней мере, сейчас)...

Эх, гореть мне в вечном пламени преисподней!

— Пойдем! — я взял парня за руку и потянул к двери.

— КУДА?.. — Лукас оторопело округлил огромные, все еще влажные глаза.

— В редакцию, конечно! Еще посмотрим, кто кого уволит...

Шутка слишком затянулась...

В омнибусе меня как будто начали узнавать. Пассажиры расступились при виде меня, а одна старушка, чем-то напоминающая вчерашнюю скандалистку, сама уступила место для Малька (тот был так погружен в печальные думы, что даже не заметил этого).

Интересно, что сказал бы отец Тадеуш, если бы узнал, что я в третий раз за день пользуюсь транспортом для бедняков, и все благодаря своему секретарю? Небожь, простил бы мне от имени Господа некоторые вольности...

Редакция малоизвестной газетенки под названием "Лондонский гриф" находилась на самой окраине Вест-Энда, посередине переплетения тихих, серых и унылых улиц, напоминающих старую, колеблющуюся на ветру паутину, свитую жирным пауком-временем. Я придиричиво оглядел обшарпанное зданье и фыркнул, но, словив полный боли и негодования взгляд, удержал ехидное замечание. И это здесь рождаются "сенсационные" статьи — а точнее, грязные сплетни, облаченные в форму журнальных заметок? Немного же издатели сего бреда заработали на вранье...

Внутри оказалось немногим лучше. Нас встретил гул от работающих печатных машин, запыленные коридоры, темные лестницы и усталые клерки. Некоторые из них сухо здоровались с Малькольмом. Тот отвечал легким кивком, не поднимая понурой головы.

И как он оказался в таком убогом месте?.. Среди простоватых унылых мужиков? Сразу видно — он здесь лишний, чужой. Такой изящный, такой воздушный. Как ни крути, а в нем есть что-то аристократическое, какая-то врожденная утонченность и интеллигентность, пусть и не подкрепленная титулом...

От несоответствия светлого образа мальчишки и пропахшего дешевой типографской краской издательства стены последнего будто чуть раздались и повеселели. Потемневшие обои с давно истершимся рисунком сбросили пару десятков лет и запестрели узором, под потолком просвистел легкий, свежий ветерок...

А Малек шел дальше, грустный, испуганный и даже не подозревающий, какое магическое впечатление производит на здание и на меня. Перед большой и неожиданно новой дверью он глубоко вздохнул и поднял голову.

— Дальше я пойду один, лорд Кавендиш.

— В смысле?

— В прямом, — Лукас вздернул подбородок и встретился со мной взглядом. — Это моя проблема, а не ваша, и начальник тоже мой. Я сам разберусь. Зайду и скажу ему... скажу...

Его рот дрогнул, и я зачарованно уставился на него. Что, если быстро нагнуться и прикоснуться к нему губами, а потом сказать, что просто оступися и потерял равновесие?..

— И что же ты ему скажешь?

— Что-нибудь... — юноша тоже замер, потерянно глядя на меня снизу вверх. — Я ведь мужчина, в конце концов!

— Угу, — я скептически приподнял брови, но отошел в сторону. — Ну ладно, иди. Мужчина.

— Иду... — Малькольм сорвался с места и нетвердым, слегка пьяным шагом направился к двери. Постучал, дождался грозного окрика "Войдите!", приоткрыл ее и практически выпал из коридора в кабинет.

Я, как и обещал, за ним не пошел. Но бросать друга в одиночестве не стал — в последний момент подставил в проем ногу, не дав двери полностью закрыться.

— А, Малькольм, — раздался высокий мужской голос. — Явился, значит.

Приветствие прозвучало так пренебрежительно, что я невольно насторожился и просунул в щель еще и нос. Кабинет редактора оказался на удивление модно и красиво обставленным (стало ясно, куда пошли заработанные на сплетнях деньги): дубовые панели, огромный стол, бирюзовые занавески на окнах — я в выборе интерьера и то был куда скромнее. А за столом, на высоком, будто трон, стуле восседал такой же высокий и напыщенный... хм... персонаж.

— Добрый день, мистер Уилкис, — пискнул Малек. — Как поживаете?

— Как я поживаю? — удивленно переспросил молодой мужчина и выпрямился в кресле. — Ужасно, Лукас, просто ужасно. Сижу и жду, когда наша будущая звезда писательского дела мне материал для статьи принесет, а он все не несет и не несет...

Я пригляделся к редактору и мигом составил его психологический портрет. Этот тип (пренеприятнейший, чего уж кривить) джентльменов был мне знаком. Стоит им чего-то достигнуть — хотя бы родиться в почтенной семье — как они тут же начинают считать себя лучше всех остальных. Такие одеваются у лучших модельеров, нанимают толпы слуг и тешат самолюбие, унижая скромных работяг вроде Малька. А уж если еще и физические данные не подкачали, пиши пропало: очередной богатенький негодяй готов!

Местный экземпляр был явно из последних. Внешне он чем-то напоминал Лукаса — тоже был смазливеньким блондином, но при этом его "красота" разила чем-то пошлым и искусственным. Вон, духов-то на себя повыливал — отдушка с ног сбивает!

— Хороший материал не соберешь за три дня, — попытался возразить мой секретарь. — Но процесс уже идет. Я почти...

Хлыщ поморщился и прервал его легким движением кисти.

— Ох, управлять творческими личностями — одна морока. Знаем мы эти ваши "процесс идет"! Шатаетесь непонятно где весь отпущенный на статью срок, на луну любуетесь и прочим романтическим бредом занимаетесь. А потом приходите и ноете, мол, ничего не успели, так как Муза вас не посетила... А у нас, редакторов, — номер на носу, между прочим! Нам не до каких-то там Муз!

Ну, тут он в чем-то оказался прав. Луна — была, шатанье непонятно где и прочий "романтический бред" — тоже... А в остальном он несправедлив к Мальку. Тот старался разговорить меня, как мог, только "объект" тщательно саботировал любые поползновения в сторону своей личной жизни... Даже неловко, что я такой скрытный оказался!

— Простите, мистер Уилкис, — слабым голосом выговорил Малькольм. — Дайте мне еще три дня, и я обещаю предоставить обещанную статью.

— Можешь не стараться, — очень "ответственный" и очень "деловой" редактор встал из-за стола и подошел к Мальку. Судя по его франтовской одежде, в модных магазинах и перед зеркалом он проводил не меньше времени, чем за томительным ожиданием загулявших корреспондентов. — Я и так уже понял, что ничего от тебя не дождешься. Глянул одним глазком твои прежние писульки — чистое графоманство!

— Но мистер Уилкис-старший полностью одобрил мои первые статьи! — Малек аж за сердце схватился. — Хвалил, обещал повисить жалованье...

— М-да, вот чего не понимаю, того не понимаю... — состроил задумчивую гримасу начальник Лукаса. — Отчего отец так покровительствует тебе? Ни таланта, ни усердия, ни пробивных способностей... — Уилкис небрежным движением взял Малькольма за отворот жилета, словно рассматривая ткань, из которой он пошит. — Будь моя воля, ноги бы твоей здесь больше не было... И откуда у тебя такая хорошая одежда вдруг появилась, скажите на

милость?

Меня аж затрясло от негодования, а Малек отреагировал иначе. Он не сбросил руку обидчика и ничего не ответил. Вместо этого юноша затрясся. Вот прямо взял и затрепыхался перед этим хмырем, будто лист на ветру. Нет, это просто неопишимо! Почему он позволяет так разговаривать с собой? Зачем терпит и молча спускает унижения?!

Так, подождите-ка...

А не тот ли это сердцеед из вчерашнего разговора в пабе? Который работает вместе с Лукасом в издательстве и общение с которым приносит ему нестерпимую муку?!

Я так поразился внезапно пришедшей в голову догадке, что отпустил дверь и та чуть не стукнула меня по лбу. Очевидно же — как Малек смотрит на него, как робеет и теряется в его присутствии... Это точно он!

Но как такое возможно? Неужели этот слащавый "мистер Уилкис" может нравится тебе, Лукас?.. Ладно, что он мужчина — так ведь он же при этом совершенно непереносимый мужчина! Такой манерный, такой пижонистый и долговязый... Ты разочаровываешь меня, Лукас!

— Подумай, Лукас, — словно вторя моим мыслям, продолжал тем временем редактор. — Если ты не справляешься с нагрузкой — то всегда можешь поискать газету попроще, если действительно считаешь, что без писательства тебе никак... Мы, в "Лондонском грифе", привыкли выдавать отменную производительность. Профессионализм — наше основное кредо, и дилетантам нет места в команде, да и вообще...

Он так увлекся своими разглагольствованиями, что не сразу заметил, как в кабинете появился еще один человек. Я. Обвинения в непрофессионализме стали последней каплей в чаше моего терпения.

— Милейший, а вы по какому вопросу? — озадаченно спросил Уилкис, и сразу же получил ответ — невербальный.

Я размахнулся и с оттяжкой ударил его в лицо. Читал его статьи и не оценил, значит? А я не читал, но уверен — Малек отменный журналист! Что ему этот ваш замызганный "Лондонский гриф"? Он может писать хоть в "Нью Йорк Херальд", хоть в сам "Таймс"!

Редактор пошатнулся и упал (скорее присел) на пол. Сделал он это очень аккуратно — чтобы не повредить костюм, наверно.

— Предупреждаю — уволишь ЕГО, и тебе конец, — процедил я. — Статью свою получишь скоро. Ясно?

— Кто это, Лукас?.. — ошалело спросил Уилкис, держась за ушибленную щеку и тараща на меня глаза.

— Человек с ужасной репутацией. И прекрати "тыкать" ему. Его зовут мистер Малькольм, если ты забыл!

Я наклонился, чтобы ударить засранца еще раз и добавить своим словам больше веса, но Малек бросился на помощь своему возлюбленному.

— Не надо, лорд Кавендиш... — он повис у меня на локте всем своим тщедушным телом и потянул на себя, пытаясь оттащить прочь. — Пожалуйста, не бейте мистера Уилкиса больше!

Жалеет его, как же! Переживает, как бы я не испортил его симпатичную мордашку... Ладно, так уж и быть. Спустим на первый раз.

Я отряхнул ладони и направился к выходу. Малькольм, охая и то и дело оглядываясь на поверженного неприятеля, кинулся вслед за мной. Мы молча миновали длинные коридоры с

лестницами и вышли на свежий воздух. Оказавшись на улице, Лукас схватил меня за руку и развернул к себе. Он часто моргал, и я не знал, чего мне хотелось больше — грубо встряхнуть парня, чтобы привести в чувство, по-отечески обнять его или вернуться в издательство и снова наподдать Уилкису.

Только не плачь из-за этого поганца, прошу... Разве ты не видишь, что он тебя недостоин? У меня у самого сердце не на месте из-за этой ситуации!

— Зачем?.. — наконец еле слышно выговорил он. — Вы... вы...

— Чудовище, — мрачно откликнулся я. — Знаю.

***

Ты любишь мистику, Малек?

Мы шли уже больше часа. Дома, проспекты, аллеи, снова дома. Целые кварталы один за другим. Малькольм, наверное, думал, что мы идем бесцельно, а я медленно (просто не помнил точной дороги), но уверенно вел нас к цели.

Разговор не клеился. В груди свербело и болело, Малек тоже отводил глаза и периодически шмыгал носом. Я несколько раз замечал, что рефлекторно пытаюсь взять его за руку, и каждый раз одергивал себя и прятал ладонь глубоко в карманы брюк.

Карманы... не далее как ночью маленький журналист самозабвенно копался в них, чем подарил мне парочку приятных и волнующих моментов. Знаю, он старается не думать об этом и мысленно успокаивает себя тем, что я был настолько пьян, что ничего не запомнил...

А я запомнил. Все запомнил.

Сам был бы рад забыть, приглушить связанные с ним эмоции... Но не могу. Невинная шутка — иррациональное влечение к собственному секретарю — затянулась и приобрела масштаб душевного бедствия.

Что же это получается — я запал на собственного... слугу? Штучки в духе Марс, будь она неладна. Как говорится, не суди, да не судим будешь. Кстати, близилась вторая половина дня, а я всего раз вспомнил о бывшей невесте, и то без содрогания. Неужели я наконец-то "излечился" от нее? И начал жить полной и счастливой жизнью... лишь для того, чтобы заболеть снова?

Я тихо выругался. Господи, ты наказываешь меня или смеешься надо мной?

Через час терпение начало покидать Лукаса.

— Ваша Светлость, а можно поинтересоваться, куда вы идете?

— Мы идем, Малек, мы, — поправил его я.

— И куда же мы идем, Ваша Светлость? Может ли такое быть, что МЫ вовсе не хотим туда идти? — голос Малька прозвучал почти едко.

Хорошо. Значит, оправился после встречи с бывшей пассией.

— Как бы то ни было, мы пришли! — победоносно заявил я: нужная вывеска оказалась как нельзя вовремя.

Парень повернулся в направлении моей руки и недоуменно свел брови на переносице.

— "Спиритический салон леди Чаттерлей"... А зачем нам туда?

— Затем, что тебе срочно нужен материал для новой статьи.

— Да, но... — Малек сбавил ход, опасливо приближаясь к небольшому, прекрасно отделанному домику. — Разве к Чаттерлей можно попасть вот так сразу? Прямоком с

улицы?

— Вообще-то нет. Но мне — да.

Я поднял руку, чтобы постучать, но Лукас остановил меня.

— Лорд Кавендиш, погодите! Может, не надо? Я слышал об этих сеансах... На них пускают лишь высокопоставленных людей! Да и то, что происходит во время... — в голосе Малькольма промелькнула паника. — Не уверен, что смогу писать О ТАКОМ!

— Сможешь, конечно. Это прекрасный шанс проявить себя. Когда бы ты еще попал в такое место?

— И все равно... — секретарь понуро свесил голову, и я счел момент достаточно подходящим для того, чтобы приобнять беднягу за плечи.

— Послушай, милый, — черт, я действительно назвал его "милым?! Уму непостижимо! — Мне совестно перед тобой. Из-за моей несговорчивости ты чуть не потерял работу... Ты пришел в Бромптон, чтобы написать потрясающую статью — написать обо мне — а я завалил тебя своими делами и проблемами. Позволь мне помочь.

В огромных глазах Лукаса отразилась внутренняя мольба.

— Ну хорошо. Заглянем лишь на минуточку...

В этот момент входная дверь широко отворилась, и Малькольм изменился в лице — я так и не успел постучать.

В проеме застыла молодая дама весьма необычного облика: в простом белом платье, больше напоминающем ночную сорочку, нежели вечерний наряд, и темными, распущенными по плечам волосами. Понятия "леди" и "распущенные волосы" несовместимы, но Чаттерлей позволяет быть выше принятых в свете правил: какие могут быть претензии к той, кто регулярно общается с душами умерших?

Девушка остановила на мне блуждающий, рассеянно-безумный взгляд карих глаз и вдруг улыбнулась. Улыбка вышла весьма зловещей.

— Лорд Кавендиш! Я знала, что вы заглянете, и потому откладывала начало сеанса! — высоким, практически детским голоском пропела она. — И как славно, что вы взяли с собой вашего... помощника!

Из раскрытых дверей дома доносилась тихая, заунывная музыка. Лукас слегка побледнел, я же усмехнулся и коснулся губами протянутой руки. Знала она, как же — я сам об этом не догадывался вплоть до того момента, как вышел из редакции газеты.

— Рад быть вашим гостем, леди Чаттерлей. Разрешите присутствовать сегодня на вашем вечере?

— Само собой, — медиум изобразила приглашающий жест, впуская нас внутрь. — Именно вас-то мы и ждали!

В коридоре ее дома было еще темнее, чем в коридоре "Лондонского грифа". Прихожая создавала впечатление обветшалости: но если в редакции это впечатление было натуральным, то здесь — специально созданным — чтобы посетители начинали изумляться сразу же, как переступили порог необычного заведения. Леди Чаттерлей взяла с тумбочки большой тяжелый подсвечник, немного разгоняющий тьму, и повела нас в глубь здания. Колеблющийся желтый свет выхватывал портреты с обеих сторон: женщины и мужчины на них стояли или сидели, позируя художнику. Они были одеты в обычную одежду, аккуратно причесаны — вот только вместо лиц у всех у них были застывшие, белые, как воск, маски трупов^[10].

Достаточно жуткое зрелище для непосвященных, должен сказать. Я себя к таковым не

относил — я в духов не верил, а безумно популярные ныне спиритические сеансы считал не более, чем захватывающим аттракционом для изнывающих от скуки аристократов. К слову, самой леди Чаттерлей я бы никогда в этом не признался: предприимчивая мадам в этом плане была ничуть не лучше меня — тоже наживалась на человеческих слабостях. Но если я "давил" на похоть, то она — на отчаяние убитых горем родственников и вечный интерес публики ко всему мистическому.

— Это тоже одна из ваших близких подруг? — прошипел Малек мне в плечо (выше просто не доставал). Он старался говорить тихо, но хозяйка салона, шедшая от нас на расстоянии нескольких метров, каким-то (не иначе, сверхъестественным образом) услышала его слова.

— Нет, юноша, — обернулась она, и ее лицо показалось таким же бледным, как и лица изображенных на картинах мертвецов. Девушка-медиум в своем балахоне здорово смахивала на привидение. — Мы всего лишь виделись пару раз на приемах. Мельком и очень, очень давно...

Малькольм стусевался под ее пристальным взглядом и счел за лучшее захлопнуть рот. Расслабился он только тогда, когда коридор привел нас в большую комнату. Загробные скрипичные напевы стали еще слышнее: скорее всего, депрессивный музыкант спрятался где-то в потайной нише — казалось, грустная музыка доносилась отовсюду, буквально просачивалась сквозь стены. Здесь было посветлее, хоть на окнах и висели плотные бархатные шторы — свечи стояли по всему периметру зала. В центре помещения находился большой круглый стол. За ним сидели люди — почтенная седовласая пара и несколько леди и джентльменов разного возраста.

— Дорогие друзья! — торжественно пропищала Чаттерлей, обращаясь к собравшимся, взиравшим на нее со смесью страха и благоговения. — Вот необычный гость, которого я вам обещала! Познакомьтесь с лордом Кавендишем-младшим!

Посетители салона пришли сюда ради гостей давно почивших, но моя, вполне живая и весьма популярная в некоторых кругах персоне тоже их порадовала. Женщины заулыбались кончиками губ и еле уловимо порозовели, мужчины сухо кивнули, а один темноволосый хлюпик с зеленоватым оттенком кожи (клиент борделя, что ли?.. Не, по виду он куда больше напоминал романтически настроенного поэта, чем ходока по шляхам) вскочил и начал приветственно трясти меня за руку, изливая свое восхищение. Старики не стали подходить ко мне, но по их кислым мианам было понятно — они тоже в курсе моих аморальных достижений.

— Раз все в сборе, садитесь, — скомандовала Чаттерлей и первой села на пустующее место (надо же, они и свободные стулья нам оставили. Аккурат три по количеству людей). — Пора приступать. Я чувствую, что над комнатой уже сгустилось облако паранормального...

Она поводила ладонями над столом и закатила глаза, чем вызвала у меня произвольный смешок. Услышав хихиканье, медиум с досадой вернула радужки на место, и я поспешил напустить на себя серьезный и внимающий вид. Ладно, пусть разыгрывает свой спектакль. Чем лучше она войдет в роль, тем ярче получится будущая статья.

Однако Малек думал о работе в последнюю очередь. Уже порядком напуганный, при упоминании паранормального облака он боязливо поднял голову к потолку (не он один, впрочем).

— Кого мы будем вызывать, леди Чаттерлей? — с придыханием спросил брюнет —

чахлый поклонник сверхъестественного. — Может, Джорджа Байрона? Он расскажет нам о загробном мире в стихотворной форме!

— Лучше принца Альберта^[11]! — взвизгнула дородная дама в розовой шляпке. — Монаршья особа должна быть в курсе, не пора ли нам готовиться к следующей войне?

— Мой сын Уильям скончался три месяца назад! — просяще простонала старушка. Ее муж сухо кивнул, выражая молчаливое согласие. — Он не дожил пару дней до рождения своей третьей дочери и не успел поведать, куда задевал наши фамильные драгоценности!

Медиум пресекла поток предложений резким взмахом ладони.

— Нет, — протянула она, полузакрыв веки и будто заглядывая внутрь себя. — К нам просится необыкновенный дух... Мятежный, любящий и скучающий... Дух ПОКОЙНОЙ НЕВЕСТЫ КЛИФФА КАВЕНДИША! Вы готовы встретиться с ней снова, лорд?

На несколько очень долгих мгновений в комнате повисла тишина. Даже нескончаемая музыка, и та смолкла. Сидящие за столом дружно уставились на меня.

Я неспеша поправил шейный бант, смахнул пылинку с плеча и обворожительно улыбнулся.

— Что ж... Это должно быть невероятно занимательно!

Пожилая пара шумно вздохнула и послала мне убийственные взгляды — отныне у них появилась еще одна причина меня ненавидеть.

14. Малек

Призрак вашей невесты — это уже не шутки!

Хозяйка салона пугала меня и бесила одновременно. Но вот зачем, скажите на милость, ей понадобилось вызывать именно невесту Кавендиша? Неужели в загробном мире мало мертвых?! Клифф и так только о ней и думает. Можно сказать, засыпает с ее именем на устах...

А теперь эта несносная и воочию явится. Что живая пудрила парню мозги, что мертвая — все равно никак не успокоится! Ух, нельзя думать об ушедших плохо — особенно о тех, кто вскоре может вернуться обратно — а по-другому не получается...

Это все ревность моя. И мой страх.

И этот дом, буквально пропитанный магией и оккультизмом. Я никогда прежде не участвовала ни в чем подобном, и сейчас не горела желанием, но Кавендиш... Сам того не осознавая, он снова вмешивался в мою жизнь, перекраивал ее по своему желанию и пониманию. Вел себя так, будто ему есть дело до меня, и мои проблемы его действительно волнуют. А я не могла отказать. Шла на поводу.

Потому что отчаянно желала и правда быть нужной...

Вот и доигралась. Только встречи с бывшей лорда мне не хватало... А хитрая Чаттерлей ухватилась за возможность и гнет свое. Уверена, в облаке паранормального куча желающих посетить наш бранный свет... Так нет же. Всем нужна история поскандальней!

— Возьмите друг друга за руки, — приступила к инструкциям медиум. — Все, кроме меня — да, лорд, вам придется немного подвинуться, чтобы дотянуться до графа Ридели... Ваша связь нужна, чтобы вызвать духа, удержать его и заставить отвечать на ваши вопросы. Я буду телом-проводником, и покойная заговорит моими устами. Ясно?

Все закивали головами, положили руки на стол и переплели пальцы. Лорд протянул мне ладонь, и я вложила в нее свою: маленькую, хрупкую, так вольготно и уютно устроившуюся внутри... Можно подумать, Бог создал эти руки специально для моих. Чтобы окольцовывали, обрамляли и согревали.

— В комнате могут происходить странные вещи, — понизила голос Чаттерлей. — Возможно, некоторые из них могут показаться вам жуткими... Не пугайтесь. И ни в коем случае не разнимайте рук! Иначе дух может вырваться на свободу и так и остаться среди нас!

Присутствующие были взволнованы. Все, кроме Кавендиша. Он так доволен, что чуть ли не насвистывает. Небось, радуется предстоящей встрече с любимой... Ну или ни в грош не ставит способности владелицы салона. Что, по-моему, весьма опрометчиво: ее странность и оторванность от мира так очевидны, что не замечать их попросту глупо! Хотя сын герцога настолько чуток и догадлив, что уже неделю не может распознать во мне девушку... Что уж говорить о куда более тонких материях?

Чаттерлей закрыла глаза и сложила руки на поясе.

— Начинаем. Дух леди Марс О'Коннор, явись к нам! — громко и несколько театрально провозгласила она. — Явись и поведай правду!

Пару минут ничего не происходило. Половина из гостей забыла, как дышать, со все возрастающим беспокойством взирая на замершую, будто бы уснувшую укротительницу привидений. Потом по комнате прошел сквозняк, мимоходом приподняв толстые бархатные портьеры. Кто-то вскрикнул, а музыка, льющаяся из ниоткуда, стала громче и трагичнее.

Наконец медиум вздрогнула, медленно распахнула глаза, и моя душа провалилась в пятки.

Нет, ее глаза не поменяли цвет и не изменили формы или размера... но, почему-то, сразу становилось ясно — это глаза совсем другого человека.

Да и сама она... стала другой. Узкие плечи, прежде сутулые, расправились, голова потянулась вверх, отчего шея стала казаться тоньше и длиннее. Спина приобрела идеальную, прямо-таки "королевскую" осанку. Существо лениво передернуло плечами, зачарованно глядя в пространство прямо перед собой, мимо лица одной из тучных женщин, как-то сразу скукожившейся и уменьшившейся в размерах.

Посетители салона осторожно охнули, и даже Кавендиш перестал ухмыляться. Он тоже выпрямился, напряженно всматриваясь в преобразившуюся Чаттерлей, хмурясь и не веря увиденному.

Та тем временем решила встать. Она резким движением поднялась в полный рост, сопровождая свое движением внезапным грохотом и вскриками зрителей. Не глядя, переступила через ножки опрокинувшегося стула и пошла по комнате.

Она будто искала кого-то. Ног ее не было видно, простая белая юбка подметала ковер, отчего казалось, что девушка плавно парила над полом. Она шла (или плыла?), обходя стол по кругу, и обводила сидящих пристальными надменным взглядом. Посмотрела на пожилую женщину, в миг постаревшую еще больше, затем на сублильного высокого паренька, вначале восторженного, а теперь изрядно струхнувшего. Затем и я почувствовала ее взгляд. Неживой и острый, как заговоренный кинжал, он проник мне прямо в душу и пробрал могильным холодом...

Это длилось всего несколько секунд, но я испытала малодушный порыв разорвать кольцо из рук и убежать куда подальше. Она смотрела так глубоко, что не могла не увидеть во мне ту, кем я являлась на самом деле — Амелией Обри-Флетчер... Но Чаттерлей настрого запретила делать это. И за пределами зала лежал длинный страшный коридор с изображениями мертвецов... И Кавендиш, мой единственный, хоть и весьма сомнительный, защитник находился здесь, а не там...

Так ничего не сказав и не сделав, дух пошла дальше, уперлась взглядом в Клиффа и... преобразилась. На ее лице проступила краска, делая ее почти что живой, в глазах заиграли отблески былого огня.

Клифф тоже подобрался. Кислую мину уставшего от жизни аристократа сменила растерянность, принявшая почти что драматическую глубину.

Он узнал ее! Это и правда Марс О'Коннор!

— ЛЮБИМЫЙ! — изрекла Чаттерлей, протягивая к нему руки. — КАК Я СКУЧАЛА ПО ТЕБЕ В СВОЕМ ХОЛОДНОМ И МРАЧНОМ УЗИЛИЩЕ...

Я обмерла — голос временной жительницы тела медиума разительно отличался от ее собственного: еще недавно тонкий и писклявый, теперь он вибрировал низкими, властными и глубокими нотами. Кавендиш, окончательно сраженный подобным приветствием, замер... И вдруг расхохотался.

Участники и участницы сеанса обратили на него возмущенные взоры и дружно зашикали.

— Простите, — оборвав смех, пробормотал он. — Это нервное... От потрясения.

Дух будто и не заметил его оскорбительного веселья.

— СУДЬБА УГОТОВИЛА НАМ ТАК МАЛО СЧАСТЬЯ... ПОЧЕМУ? — плавно

подплыла к нам и встала позади жениха.

Теперь Чаттерлей (или О'Коннор) была совсем рядом. Любопытство подмывало обернуться и взглянуть на медиума, но я не могла даже пошевелиться. Тело сковал навязанный, пришедший откуда-то извне страх. Мои локоны приподнялись и зашевелились, а волоски на руках встали дыбом, словно их наэлектризовало.

— Вот и я думаю, почему? — воскликнул Клифф. — Чего тебе не хватало, женщина?! Я богатый, знатный, красивый... И даже встал ради тебя на путь исправления!

— ДА, КРАСИВЫЙ... — несколько задумчиво протянула Чаттерлей. — МЫ СОВСЕМ НЕ УСПЕЛИ НАСЫТИТЬСЯ ДРУГ ДРУГОМ...

И "ненасытная" покойница резко обняла его за шею. Силы она не пожалела — нежное объятие больше походило на борцовский захват. Кавендиш побагровел и запрокинул голову, но, почувствовав мою дрожь, ободряюще сжал ладонь.

— И поэтому ты решила задушить меня, чтобы мы поскорее воссоединились?! — прохрипел он. — Мне нечем дышать!

Пауза.

— ТЫ ЗЛИШЬСЯ, МИЛЫЙ? — в голосе призрака сотней встревоженных колокольчиков прозвучало недоумение. Но руки он все-таки убрал.

— Ты бросила меня одного на этом свете! Как я могу не злиться?

— БУДЬ МОЯ ВОЛЯ, Я БЫ ВСЕГДА БЫЛА РЯДОМ...

— Ну да, ну да... Может, поговорим о чем-нибудь, кроме нашей нетленной любви, МИЛАЯ?! — процедил Клифф, разминая шею. Кажется, он и вправду начинал сердиться.

Остальные участники сеанса поддержали его предложение. Видимо, убедившись в дружелюбном, сугубо романтическом настроении вызванного духа, они загомонили наперебой.

— Мисс О'Коннор, а в вашем... мрачном узилище ничего ли не слышно про грядущую войну? — спросила дама в шляпке.

— Вы встречались с поэтами прошлого? — поддакнул subtilный парень.

— Фамильные драгоценности!.. — слабо выдохнула опечаленная смертью сына старушка.

Дух в теле медиума ничего не ответила. Вместо нее ответил стол. Он приподнялся с одной стороны и опустил обратно, раздраженно бухнув ножками по полу. Сидящие (я в том числе) взвизгнули и втянули головы в плечи, отчаянно цепляясь друг за друга.

— О, теперь еще и мебель подключилась... — закатил глаза маркиз и нетерпеливо передернулся. — Леди Чаттерлей, заканчивайте спектакль, мы все восхищены вашим недюжинным талантом... Давайте уже, возвращайтесь обратно?

— Я ЕЩЕ НЕ ВСЕ СКАЗАЛА, — где-то вдалеке прогремел гром. — БЕРЕГИСЬ, КЛИФФ! РЯДОМ С ТОБОЙ ПОЯВИЛСЯ ВРАГ!

— И что? — фыркнул тот, порываясь встать. — У меня полно врагов.

— ОН ЖЕЛАЕТ ЗЛА И МЕЧТАЕТ ОТОМСТИТЬ! — выкрикнул дух, и эхо его мощного, словно труба парохода, голоса заметалось по комнате. — ОН ОБМАНЫВАЕТ ТЕБЯ! ПРЯМО В ЭТУ САМУЮ СЕКУНДУ!

— Нет, это уже ни в какие ворота... С меня хватит! — проворчал Кавендиш и встал, разрывая связь. Он отшвырнул от себя стул и под всеобщий вопль негодования направился к выходу. — Малек, ты со мной?

Я сбросила оцепенение и подхватила с места, бросившись за ним. Уже на пороге

набралась смелости и оглянулась.

Дух смотрел вслед, посылая нам полный нечеловеческой злобы взгляд.

Точнее, посылая его мне.

***

Останьтесь со мной...

— Лицемерка! — прорычал Кавендиш, оказавшись на улице.

— Что?..

— Она, — Клифф обернулся и погрозил дому кулаком. — Нет ничего хуже лживых женщин...

Надо ли говорить, настроение мое окончательно испортилось... и не только мое. По дороге домой мы с лордом молчали, погружившись в собственные размышления.

Не сомневаюсь, маркиз думал о своей ненаглядной невесте.

Я... тоже думала. О ней. О своем обмане, который тяготил меня все больше, и о плане возмездия, который уже не хотелось воплощать в жизнь...

Неделю назад, заявившись в дом к Кавендишу, я горела идеей отмщения. Меня сжигала изнутри ненависть, я думала лишь о том, как бы сбросить своего обидчика с трона богатого негодяя и проходимца. Мечтала сделать его хотя бы вполовину таким же покинутым, несчастным и преданным, какой чувствовала себя я.

Но потом я познакомилась со своим врагом ближе. И поняла, что совсем ничего не знала ни о нем, ни о его "идеальной" жизни. Клифф вовсе не был тем обласканным любимчиком судьбы, каким он мне представлялся. Богатый — да, и титул тоже имелся, но в остальном... Разве было у него хоть что-то, хоть какая-то цель и опора, что помогала бы ему вставать по утрам? Со стороны казалось, что у Кавендиша-младшего есть все, но сам он не считал себя счастливым. Ни верных друзей, ни заботливых родителей, а единственная женщина, которую он любил, изменила ему и умерла вдобавок...

Так кому я собралась мстить — тому, кто уже и так наказан, но не мною?

А если не мстить — то зачем вообще я нашла его спустя столько лет?.. Просто ради того, чтобы снова попасть под ядовитый дурман его обаяния? Снова ВЛЮБИТЬСЯ?..

Да, я и сама стала другой за эту неделю. Внутри больше не было ненависти. Да, сердце все еще болело, но душа моя пела... Плакала, пела и вовсе не желала Кавендишу зла, что бы там не напроорочила Чаттерлей-Марс...

Вернувшись в Бромптон, мы без удовольствия отужинали и разошлись по своим комнатам. Я пообещала, что тут же сяду за грядущую сенсационную статью, пожелала маркизу спокойной ночи и поднялась к себе.

В моем маленьком, ставшем уже почти родным чердаке сегодня было по-особенному пусто и уныло. В деревянных перекрытиях над головой завывал ветер. Я разделась, накинула халат поверх нижних штанов и сорочки и уселась за стол. Зажгла дополнительную свечу, подвинула стопку бумаг, глубоко вздохнула и... зависла.

Вместо громких, едких и разоблачающих строк в голову лезли сплошные глупости. Воспоминания сменялись романтическими мечтами, мечты — тревогами и сомнениями... А над всей этой кашей восклицательным знаком висело строгое напутствие леди Чаттерлей: "...ни в коем случае не разнимайте рук"! И та жуть, что творилась на сеансе...

Мамочки, как же теперь спать после всего этого?! Как работать?.. Прав был мистер Уилкис: творческие личности — сущее наказание!

Снаружи резко закричала ночная птица (надеюсь, это была она). Я подскочила и принялась мерить комнату шагами — авось, с движением придет вдохновение, да и согреюсь заодно. А то зябко как-то, неудобно... Мурашки по всему телу — ходят, бродят и никак не желают успокаиваться.

Не знаю, сколько времени я провела в таком состоянии. Дом давно уснул, а я все еще то бродила из угла в угол, обхватив себя руками, то сидела над листом бумаги. Чернила вылились из пера и изуродовали его белоснежную поверхность уродливыми бурыми пятнами, в остальном же он оставался первозданно чист.

Был и другой вариант: смириться с тем, что сегодня я ничегошеньки не напишу, потушить свет и лечь спать. Вот только при одной мысли о нем надгробные кресты ближайшего кладбища начинали подбираться прямо к дому и дружно скрестись мне в окно. А самым первым — тот, что на белом камне с простой лаконичной надписью...

Очевидно, куда отправиться дух Марс О'Коннор, доведись ему и правда задержаться в этом мире... Наказывать нового секретаря своего жениха, который мало, что дурное замышляет, так еще и слюни втихаря на него распускает!..

Стук в дверь.

Я замерла, чтобы спустя мгновение броситься открывать: кто бы там ни был, всяко лучше, чем призрак. Уж он бы не стал стучать. Нашел бы другой способ попасть ко мне. Какой-нибудь... паранормальный.

В коридоре стоял Клифф.

Вполне живой и весьма сердитый.

— Малек, ты знаешь, что твоя спальня находится прямо над моей? — грозно спросил он. — Ты уже час топаешь туда-сюда и не даешь мне уснуть!

Отчитав меня, он опустил взгляд на мои босые ноги, торчащие из-под коротковатых штанин, и... вздумал покраснеть.

— Простите, лорд. Уже ложусь!

Мне стало неловко. Я метнулась к кровати и забралась под одеяло, укрывшись им до самого подбородка.

Маркиз еще раз взглянул на меня мельком, погрозил пальцем и закрыл дверь. Я глубоко вздохнула и зажмурилась. Не хочу оставаться одна. Не хочу-у-у!

Будто услышав мою молчаливую мольбу, дверь снова распахнулась. Сердце сделало кульбит от радости и волнения, заставив меня сесть в постели. Потоптавшись на пороге, Клифф зашел в спальню. Встал посреди комнаты, засунул руки в карманы халата и поднял голову к потолку, изучая скопления паутины между деревянными балками.

— Ладно, выкладывай... Почему не спишь?

Я помялась. Признаться? Мужчина, боящийся призраков и темноты — это смешно и даже постыдно... Или после того, как я сегодня рыдала в его присутствии, можно уже не бояться позора? Бесспорно, плачущий мужчина выглядит омерзительно... А он мало того, что стерпел, так еще и пожалел. Накостылял (ух, каким неотразимым он был в этот момент!) ужасному дядюшкину сыночку, донимающему меня с самого первого дня в издательстве, и из дому не выгнал. Хотя сначала, кажется, планировал...

Впрочем, какой бы я ему не показалась — мужественной ли, женственной — я его не волную. А вот он меня — очень... Разговор хотелось продлить. Стоило Клиффу появиться в

спальне, как мои страхи отступили. Вряд ли злобный дух решится меня тронуть, пока рядом его "милый" Кавендиш.

— Если честно, дело в вашей невесте. Вдруг она захочет... ну, навестить вас еще раз?

Как я и думала, парня мои слова насмешили.

— Лукас, ну ты даешь! Моей невесте еще при жизни было на меня плевать, с чего бы ей захотелось навещать меня после ее окончания?

— Но ведь вы сегодня разорвали связь, хотя Чаттерлей предупреждала этого не делать! — возмутилась я. — Теперь дух Марс О'Коннор оказался заперт здесь, среди нас!

Кавендиш, продолжая улыбаться, покачал головой.

— Малек, Чаттерлей — лгунья. Знаешь, сколько стоят билеты на ее сеансы? Она просто не имеет права оставить зрителей без хорошего представления!

— А что мешает ей брать деньги за настоящий дар?

— Не знаю, — Клифф прошелся по комнатушке. Остановившись около окна, он выглянул наружу и пожал плечами. — Логика? Здравый смысл? Как бы то ни было, бояться нечего. Привидений не существует... Я тебя убедил?

Я задумалась, представив, что маркиза здесь нет. И тьма сразу же начала возвращаться. Что бы там не говорил прагматичный Кавендиш, а она никуда не делась. Также, как и кладбище за окном. И прощальный взгляд медиума, по-прежнему стоящий перед глазами. Все равно страшно.

— Лорд Кавендиш, а вы не могли бы... — я сама поразилась собственной наглости. И дурасти... Голос осип, на щеках выступил румянец. — Не могли бы остаться сегодня здесь? Со мной?..

***

Я бы хотела признаться, но не могу

Маркиз, не испугавшийся духов и соседства с погостом, в ответ на мое предложение отшатнулся и изменился в лице.

— В смысле с тобой? В ЭТОЙ комнате?..

— Да, — кивнула я. — Мы ведь уже ночевали вместе, и ничего.

— Ничего, — эхом повторил Клифф и отчего-то болезненно сморщился. Помолчал и указал на стул. — Хочешь, чтобы я посидел тут, пока ты засыпаешь?..

— Да. То есть, нет. Не там. А вот тут... — я сдвинулась к краю кровати и положила ладонь на одеяло рядом с собой. — Так будет безопаснее всего.

— Безопаснее всего, говоришь? — в ужасе воскликнул Клифф. — Малек, ты сам не знаешь, о чем меня просишь!

— Ну пожалуйста, ло... Клифф. Мне правда очень страшно. Это кладбище под окном... И ЕЕ могила...

Маркиз схватился за голову и замер. Несмотря на всю абсурдность просьбы, аристократ мне явно сочувствовал (также, как и себе — еще бы, такой трусливый секретарь попался!). Потом Кавендиш тяжело выдохнул и опустил плечи. Приблизился к кровати — медленно, почти обреченно.

— В конце концов... мало ли, что приключается в жизни? И в том, чтобы поддержать своего помощника в трудный момент, нет ничего предосудительного, правда?..

— Ложитесь уже! — не в силах больше слушать извиняющееся бормотание маркиза, я схватила его за руку и силой усадила рядом с собой. — Вчера вы столько не раздумывали!

— Вчера я был слишком пьян, чтобы думать — и тебе стоило остановить меня, кстати... — он приземлился на самый краешек постели. — Да и уснул я прежде, чем успел коснуться подушки...

— Вот и сегодня уснете, — обнадежила его я.

— Это вряд ли! Твоя кровать не очень-то рассчитана на двоих, между прочим... А мы должны отдохнуть и набраться сил — завтра свадьба леди Гамильтон, помнишь?

— А вы подвиньтесь ближе... Ох, да не съем же я вас в самом деле! Можете тоже укрыться одеялом, а то холодно...

С видом самого несчастного человека на свете Клифф аккуратно накиннул на ноги одеяло и прислонился спиной к стене, принимая неестественное полусидячее положение.

— И что, мы... Будем просто лежать?

— ... Если хотите, можем поговорить перед сном.

По правде, мне хотелось большего. Дотронуться до его волос и лица, как когда он задремал в карете у меня на коленях. Прижаться к груди, да и вообще ко всему, чему получится... Но если я, затащив его к себе в постель, начну еще и руки распускать, он точно не выдержит и убежит...

— Ох, Малек, — проворчал Клифф. — Я еще ни для кого ТАКОГО не делал...

— Ничего страшного, — ответила я.

Это нормально, что не делал. Если бы лорд Кавендиш-младший согревал постель каждому своему слуге (или служанке?!), я бы обеспокоилась. Или расстроилась. Сильно так расстроилась, вплоть до желания... убить.

Мы замолчали. Завывания ветра до боли напоминали стенания беспокойных призраков. Пламя свечи колебалось, отчего тень и свет пускались в пляску по комнате. Их хаотичное движение не касалось только окна — попав на поверхность черного стекла, они растворялись и пропадали в ночи.

— Ну что, так лучше? — через некоторое время спросил Кавендиш.

— Гораздо. Спасибо вам. Я уже готов поверить, что Чаттерлей нас и правда разыграла...

— Иди сюда, — парень раскрыл объятие, и я юркнула в него, с наслаждением привалившись к его теплему боку. Теперь мне и правда нечего бояться.

— Знаешь, одна деталь меня и самого удивила... — задумчиво сказал Клифф. — Когда она прикоснулась ко мне, ее руки были ледяными. Холодными настолько, будто она целых пять минут продержала их в ведре со льдом, хотя, целуя их при встрече, я такого не заметил...

— Зачем вы мне это рассказываете?! — воскликнула я, подскакивая, но маркиз тут же снова привлек меня к себе, кладя мне руку под голову и устраиваясь поудобнее.

— А, не обращай внимания. Я же должен что-то говорить, чтобы не... Не уснуть быстрее тебя.

Лежать в обнимку с трезвым Кавендишем оказалось приятнее, чем с мертвецки пьяным, и куда волнительнее. Мне против воли вспоминалась наша самая первая ночь вместе — та, когда он видел во мне женщину, а не мужчину. Единственная ночь, когда я была ему привлекательна и интересна (пусть лишь как мимолетная цель), и когда он был куда более активен и энергичен... Ох, не стоит думать об этом сейчас! Дыхание сбивалось, я изо всех

сил сдерживала дрожь, но она побеждала, заставляя меня мелко трястись в руках своего соблазнителя.

Благо, у меня было объяснение столь нервному состоянию: свеча наконец догорела. Фитилек утонул в лужице расплавленного воска, и комната немедленно погрузилась во тьму.

Да уж, заявись сейчас дух ирландки и найди меня, разомлевшую и изнемогшую, так близко от Кавендиша, мне точно не поздоровиться... Но что же теперь делать, как поступить? С каждым днем мне все сложнее было и дальше притворяться парнем рядом с ним. Из недр моего естества наружу прорывалась женщина: тоскующая, нежная, любящая...

Так может, признаться ему?.. Вот прямо сейчас. Рассказать о своей незаживающей обиде, самой попросить прощения за обман? А там уж будь, что будет...

— А что вы думаете по поводу... ну... предупреждения Чаттерлей? — начала я издали, перебирая пальцами одеяло и украдкой вдыхая возбуждающе-терпкий запах мужского парфюма.

Клиффу потребовалось некоторое время, чтобы понять, о чем я толкую.

— Об обманывающем меня враге? Да ну, бред. А если и нет — какая разница?.. У меня хватает недоброжелателей. Я успел многим перейти дорогу... И вранья тоже хватает — в бизнесе по-другому невозможно. Я спокойно отношусь ко лжи... — Клифф запнулся. — К любой лжи, кроме женской. С некоторых пор не переношу, когда женщины врут мне — особенно те, которые... Да ты вроде уже осведомлен о той странице моей биографии, — натянуто рассмеялся он.

— То есть, если бы вы узнали, что близкая женщина вас обманывала...

— Я бы не простил ее, никогда, — ладонь на моем плече сжалась, но почти сразу же снова расслабилась. — Но это все ерунда. Куртизанки меня не обманывают — им просто нет смысла врать. А ты, Малек — мужчина, к тому же необыкновенно честный. Твои слова резки, зато правдивы... И я очень ценю это, — Клифф обнял меня крепче, прижавшись подбородком к моему затылку.

— Угу... — через силу выдавила я, чувствуя, как тяжесть наполняет мое сердце. Она опустилась к животу, расползлась по рукам и ногам, превращая меня в каменного голема...

— Ну, ты чего?.. — он уловил напряженность моего тела и слегка встряхнул. — Все еще боишься страшной О'Коннор?

Я кивнула. Хотя теперь я боялась другого — что мой обман раскроется, и Кавендиш снова вычеркнет меня из своей жизни. На этот раз навсегда...

— Не бойся, она не придет, — сказал Клифф и на время замолчал. Потом покачал головой и глубоко вздохнул, будто решившись на что-то важное. — Помнишь прошлую ночь?..

Еще бы я ее не помнила. Каждая ночь и каждый день рядом с ним — один незабываемей другого.

— Кладбище, — сказал Кавендиш. — Белая могила на поляне, букет цветов... В общем, ее там нет — моей невесты.

И он рассказал мне.

15. Клифф

Любовные терзания и кое-что еще

И я рассказал ему.

Правду, такую неприглядную, болезненную и кровавую. Ничего не скрывая и не приукрашивая. Не обеляя себя и не оправдывая других участников развернувшейся драмы.

Как я ввязался в борьбу за сердце прекрасной принцессы, которая по праву была моей, и как оглушительно проиграл. Просто му конюху... Ну ладно, не конюху, а жокею, что в глазах моего окружения практически одно и то же.

Как устроил отчаянную оргию в борделе накануне свадьбы. Напился портвейна и накурился опиума, чтобы приглушить рвущую сердце боль, достал пистолет и открыл стрельбу... Серьезно ранил жокея, лишь по счастливой случайности не попал в Марс... Вместо нее попал в ее кузена, в последний момент кинувшегося наперерез пуле.

О'Брайан умер на месте. Глупая и случайная смерть. Да, мелкий пакостник заслуживал наказания, но не столь фатального.

А вот жокей, как ни странно, выжил. Почему-то ему судьба дала второй шанс. Также, как и мне. Адам Брукс теперь обитает в Америке. Обитает вместе с НЕЙ, если верить моему человеку, присматривающему за ними там, на другом континенте. И у них все куда более, чем прилично: лошади, дети, счастье аж до поросычьего визга...

Когда Марс сбежала, отец отрекся от нее и объявил мертвой, а я... Я просто поддерживал сложившийся обман, дабы не порочить имя бывшей возлюбленной и пресечь грязные сплетни, обязательно наплодившиеся бы, всплыви правда наружу. И хранил память о ней: не светлую, а ту которую она заслуживала. Вспоминал каждый день, словно свое личное проклятие... Лишь в последние дни начал забывать, и все благодаря Малькольму.

Но об исцеляющем воздействии Лукаса я как раз таки умолчал.

Малек так заслушался, что даже перестал сжиматься и дрожать от страха. Еще бы — жизнь порой подкидывает сюжеты куда более захватывающие, чем мистические байки леди Чаттерлей.

— То есть вы не только посадили свою невесту с любовником на корабль... Но еще и снабдили их деньгами на первое время?.. — глухо спросил Лукас в конце. И как-то подозрительно шмыгнул носом.

— Да. Только не вздумай снова плакать, Малек! Это всего лишь деньги... "Но деньги — пыль, и богатство — вздор...", помнишь?

— Помню, лорд...

И парень трогательно уткнулся носом мне в подмышку и вскоре уснул. Такое доверие... Призрака побоялся, а спать в одной кровати с самым отпетым развратником Лондона — нет?

Вот и как его понять? Как тронуть после такого? А ведь тронуть хотелось...

Особенно теперь, когда он так расслабленно спал у меня под боком. Мягкий, податливый, теплый... Нежный комочек с бархатной кожей и шелковистыми кудрями. А запах-то какой от них, запах! Он сам собой проникал в мозг и заставлял кровь бушевать в жилах. Я чувствовал себя котом, которому подсунули мышь прямо под нос — такую сладкую, аппетитную — и настрого запретили вонзать в нее зубы...

Ох, похоже, спать мне сегодня не суждено!

Хватит лукавить, обманывать себя и выискивать приличное объяснение происходящему. Пора смириться с очевидным: я совсем помешался на этом мальчишке. И интерес у меня к нему вовсе не дружеский... Нет, "притяжение душ" имеет место быть, как и положительное влияние на мое поведение (привет, отец Тадеуш!), но томление плоти стало совсем уж невыносимым...

Я хочу его. Хочу так, как не хотел никого уже давным-давно.

И ладно, если бы на этом все и заканчивалось! Я не просто желаю овладеть его махоньким соблазнительным тельцем (так, Кавендиш, лежи спокойно и руки загребущие свои оставь на месте!), мне хочется вызвать в нем тот же самый восторг, который ощущаю я сам. Залезть к нему в голову и убедиться, что он тоже хочет меня. Узнать все его самые сокровенные мечты и исполнить их; стать его почвой, опорой, вдохновением!..

Я влюбился. Влюбился в МУЖЧИНУ...

Ну и что с того, если подумать? Чем Малек хуже женщины? Я этих барышень столько перевидал — надоели! В конце концов, разве не меня народная молва нарекла самым изощренным любовником Англии, падким на любые извращения? Вот и доизвращался. На женщин не тянет, зато от первого встречного парнишки в горячий пот бросает...

Кое-как дотянув до рассвета, я аккуратно выбрался из постели и сбежал к себе. Чуть передохнул после тяжелой ночи и, не дожидаясь завтрака, отправился в город — оказывается, любовь высвобождает скрытые внутри резервы, заставляя организм буквально лучиться энергией.

На выходе я столкнулся с Армстронгом. Тот сидел на пороге и по пятому кругу начищал мои туфли. Вид у него при этом был слегка маниакальный.

— Может, все же пойдешь? — спросил я. — Она будет тебе рада...

Тот не ответил, но как-то так затвердел плечами и загрубел лицом, что ответа не потребовалось. Не пойдет. Кто бы подумал, что ужасный человек-гора Арм сможет так долго, верно и трепетно любить одну-единственную женщину? Или что я, известный распутник и бабник, потеряю голову от какого-то журналиста?.. Эх, чудны дела твои, Господи!

Забрав подарок для Гамильтон, я немного послонялся по утренним улицам, разглядывая палатки с выставленными на продажу товарами. Рядом со свежей сдобой, мясом и сырами приютился скромный, утопающий в цветах прилавок.

Умная торговка издала выщепила меня взглядом, не иначе, по глуповатому выражению лица и поникшей фигуре опознав во мне безнадежно влюбленного.

— Молодой господин, сделайте вашей девушке комплимент! — гаркнула она. — Ни одна леди не сможет остаться равнодушной к любовному посланию, зашифрованному в изысканном букете!

— Простите? — я подошел ближе.

— Возможно, вы хотите признаться в чувствах, но не решаетесь? — прищурилась женщина и, наскоро обтерев руки о передник, — Выразите свои эмоции с помощью растений^[12]. Например, лиловая сирень, — торговка провела рукой над пушистыми розово-голубыми шапками мелких цветов, — символизирует первые волнения любви... Белые лилии скажут избраннице о том, что вы восторгаетесь ее чистотой и невинностью; голубые фиалки пообещают верность; ну а красные розы намекают на еле сдерживаемую страсть...

Я призадумался. С девушками-то все просто и понятно, а вот как к такому посланию отнесется мужчина? Как это вообще — ухаживать за джентльменом?.. Я, конечно, и с

первыми не особо утруждался — как-то так получалось, что они всегда сами собой падали мне в объятия, без особых усилий и знаков внимания. А тут, прямо ума не приложу...

— Какой человек ваша возлюбленная, сэр? — пришла на выручку продавщица цветочных посланий. — Расскажите мне, и мы вместе подберем букет!

— О! — с жаром откликнулся я. — Он такой... Маленький, и в то же время безумно привлекательный... человек. Мягкие светлые волосы, огромные глаза, хрупкий стан, но формы местами — ого-го!

Торговка посмотрела на меня — так озадаченно и вместе с тем осуждающе, что я сразу замолчал. Должно быть, она ждала немного другого описания.

— Он... она... честный малый. Талантливый, амбициозный — скоро о нем заговорит весь Лондон, уж поверьте! Иногда чересчур дерзкий и даже злой, но в моменты, когда не ругает меня — нежный и ранимый... — чувствуя, что еще немного, и сам себя возненавижу за тот бред, который несу, я решился сказать правду. — Честно говоря, миссис, цветы нужны мне не для девушки, а для... моего секретаря.

***

Ты облажался, Кавендиш...

— ПОНЯТНО... Сэр, — женщина сохранила невозмутимое выражение лица, но перешла на другую сторону прилавка — подальше от ненормального покупателя. — Тогда предложу вам более сдержанные варианты...

Соорудив огромный букетище из бледно-желтых нарциссов (уважение), розовых гвоздик (невинная любовь) и бордовых амарантов (безнадежность), я отсыпал хозяйке цветов все имеющиеся наличные деньги и отправился домой.

Приготовился отражать удивленные взгляды прислуги (скажу, что купил для новоиспеченной невесты) и пошел на третий этаж. Поднимался к Мальку, а у самого колени дрожали, и в горле ком... Разве я когда-то спал вместе со своими пассиями — не ради удовлетворения низменных потребностей, а чтобы внушить спокойствие и чувство безопасности?.. Разве покупал им цветы? Драгоценности, одежду — да, а вот цветы...

Любой нормальный секретарь мужского пола, заявись к нему начальничек вроде меня — с ужасной репутацией, цветами и голодным взглядом — бежал бы долго и далеко... Насчет "нормальности" Малька у меня большие сомнения, и все же... Действовать надо осторожно. Деликатно, чтобы не спугнуть...

Малькольм сидел за столом, сложив руки на коленях и будто ожидая моего прихода. Завидев огромный букет, вплывший в комнату, парень выпучил глаза.

— Это... мне?! — вырвалось у него.

И столько чувств прозвенело в его голосе, словно скрипач поставил смычок на струны и тут же оборвал мелодичный, полный затаенной тоски звук... Я сразу стушевался и устыдился. И как меня угораздило... Что за абсурдная идея такая — дарить мужчине цветы?

— Да нет... Так, нашел около кладбища, думаю — чего добру пропадать?.. Но ты, если хочешь, можешь взять себе...

Я боком подошел к Малькольму и осторожно протянул ему букет.

— Еще чего! — после изумленной паузы взвился он. — Стану я всякие... веники подбирать!

Малек с возмущением отвернулся, а у меня сердце в пятки провалилось. Кажись, Кавендиш, ты облажался...

— То есть, не возьмешь? — обреченно уточнил я.

Парень повернулся и еще раз смерил цветы взглядом. Потом вырвал их из моих руках и на секунду прижал к груди.

— Возьму... Чтобы выбросить! Они воняют и вообще уже подвяли... пока на кладбище валялись!

— Может, не надо? Здесь ведь даже нет мусорного ведра, — я оглянулся по сторонам. Цветов было жаль. Конечно, это не ахти какой знак внимания, и все равно... На мой взгляд, вполне живые и свежие, они трогательно склонили пышные верхушки, смотрясь на руках у Малькольма на удивление мило.

"Тебе идет", захотелось сказать мне. Но я промолчал, опасаясь, что мой мужественный помощник окончательно расвирекает.

— А я прямо отсюда! — и Лукас шагнул к окну и дернул за ручку форточки. Та не поддавалась. Тогда он дернул сильнее. И еще. Уперся одной ногой в подоконник и налег всем телом...

— Сейчас, — я встал рядом, отодвинул шпингалет и без усилий растворил окно. Журналист размахнулся и зашвырнул мой неуклюжий "комплимент" наружу. Мы оба смотрели, как охапка цветов, кружась и роняя лепестки, падает с третьего этажа, чтобы затем приземлиться на самом краю участка, рядом с забором, отделяющем придомовую территорию от кладбища.

Соприкоснувшись с землей, букет взорвался бело-розовым облаком и остался лежать посреди потускневшего за зиму газона.

— Вот, там-то ему и место... — с мрачным удовлетворением пробормотал Лукас. — Ой, а это что такое?

Он заметил новый экипаж, примостившийся рядом со старым.

— Подарок для Гамильтон, — отстраненно ответил я. — Долго думал, что купить: ее жених обеспеченный человек, и смысла обставлять его дом я не вижу. Зато экипаж — то, чем она сможет пользоваться самолично и без его разрешения...

Кто сказал, что обольщение — плевое дело для опытного соблазнителя вроде меня?.. Это с другими было просто, потому что чувств никаких не проскальзывало. А на Малька мне даже смотреть невыносимо трудно. Сердце вот-вот разорвет грудную клетку и упорхнет на свободу, в голове — ни одной разумной мысли...

Собрав волю в кулак, я оглядел его и предпринял еще одну попытку завязать беседу. Купленный мной костюм — второй, синий, до этого ни разу не надеванный — сидя на корреспонденте, производил ошеломительное впечатление.

— Значит, ты в ЭТОМ пойдешь на свадьбу?

Парень сложил руки на груди и глянул на меня исподлобья.

— Маркиз, вы сегодня какой-то странный... Притащили цветы, теперь спрашиваете насчет одежды. Что ж мне еще надеть — платье с кринолином? Кстати... — он нервно выдохнул и закусил губу. — Как вы думаете, мне бы пошел женский наряд? То есть... из меня бы получилась... женщина?

Я чуть не поперхнулся воздухом и потрясенно застыл. Потом неловко рассмеялся и хлопнул журналиста по плечу, пряча смущение...

— Что за глупости, Малек? Ну какая из тебя женщина? — думать о Лукасе в подобном

амплуа оказалось выше моих истерзанных воздержанием сил. — Даже представить страшно!

Тот полыхнул на меня взглядом: посмотрел с неприкрытой ненавистью и резко отошел.

— А знаете, что! — процедил он. — Не пойду я ни на какую свадьбу! Мне статью писать нужно... Давно уже! А отдавать шлюх под венец в мои служебные обязанности не входит!

Я буду мстить!

Я была сурова и непреклонна. Не только выпроводила вздумавшего было упираться маркиза, но еще и самолично закрыла за ним дверь (та чуть не слетела с петель от моей категоричности).

К слову, лорда немало расстроил мой отказ посетить свадьбу своей дражайшей Гамильтон (еще бы, объект для насмешек вышел из-под контроля!). Вот, кого он по-настоящему ценит и уважает: целый экипаж ей в подарок отгрохал! А мне — вонючее недоразумение с погоста притащил.... И ведь не постыдился признаться в разорении могил!

А я уж было размечталась, навоображала невесть что. Думала, в обморок от радости упаду, когда он вместе с этим букетом в моей комнате объявился. Решила, будто бы каким-то удивительным образом смогла растопить его бесчувственное сердце, даже будучи в образе мужчины...

Дура, одним словом!

Кавендиш не видит в Лукасе Малькольме ничего привлекательного, а все милые и приятные вещи, которые он делает по отношению к нему, он делает из жалости. По-другому и быть не может: какие еще чувства может вызывать неказистый паренек у избалованного женским вниманием маркиза?..

Выгнав Клиффа, я села писать. Меня наконец-то посетило вдохновение: мрачное, словно небо над кладбищем, и тяжелое, будто двуручный меч... Оно пригвоздило меня к стулу и выпустило только тогда, когда на свет появился несколько сбивчивый, но оттого не менее эмоциональный черновик давно запланированной статьи-разоблачения.

О, я написала обо всем! О пристрастии наследника к алкоголю и прочим порочным увлечениям (отдельным пунктом шло соращение незамужних девиц). Упомянула поездки в работные дома и приложила результаты его темных заработков (спасибо копии бухгалтерских счетов, добытых мной в борделе). Я даже намекнула на то, как два семейства обманули всю страну, скрывая правду о сбежавшей за океан невесте...

Выплеснув таким образом обиду и разочарование, я успокоилась и еще раз перечитала получившийся текст. Сочинение получилось... спорным. В основе всего лежали ничем не подкрепленные обвинения в распутстве, а этим знатоков персоны Кавендиша не удивить. Заявление о фальшивой смерти графини и вовсе походило на журналистскую "утку", нежели на очевидный факт.

Что касается рабочих нюансов: сухие цифры улучшали впечатление, добавляя статье достоверности... но где доказательства, что они не были взяты из головы? Имена клиентов "Ретивых всадниц", среди которых числилось немало видных личностей — неплохо, может затронуть общественность...

Но мне хотелось, чтобы статья получилась разгромной. А для этого не хватало по-настоящему душещипательных фактов. Тех, которых высокоморальная публика Лондона просто не сможет оставить без внимания. Что, если привести в пример биографии падших женщин, используемых Кавендишем для получения материальной выгоды?.. Кажется, он как-то упоминал, что хранит в кабинете досье на своих сотрудниц...

Преисполнившись творческого азарта, я спрятала бумаги в стол и вышла в коридор. Отправлять творение в печать или нет, решу позже. Главное, что работа сдвинулась с

мертвой точки. Вечером еще одно разоблачение напишу: Кавендиш, конечно, негодяй бессердечный, но в одном он прав — текст про известнейшего медиума Лондона (и не важно, действительно ли Чаттерлей с духами контактирует или только морочит головы легковерным посетителям) придется по душе вредному редактору.

В доме было тихо. Второй экипаж исчез — Кавендиш уже отправился на праздник. Кого он взял кучером, осталось загадкой: Армстронг с упоением кромсал кусты боярышника, не замечая ничего, кроме наполовину отчекрыженных зеленых верхушек. В последние дни дворецкий будто бы смирился с моим проживанием в особняке — по крайней мере, перестал испепелять меня взглядом и рассерженно пыхтеть, стоило мне появиться в гостиной.

Убедившись, что путь свободен, я спустилась на первый этаж и прошмыгнула к кабинету. Дверь оказалась незапертой — безалаберности Клиффа можно подивиться... Проскользнув внутрь, я замерла посреди комнаты с отчаянно бьющимся сердцем. Слишком много мебели, добрая часть которой, как я уже убедилась, забита деньгами. Вот только деньги меня не интересовали. Где искать документы в первую очередь? Тоже в столе?..

Я не успела проверить свою догадку. Позади раздалось низкое утробное рычание, по тембру напоминающее рассерженный гул пчелиного роя. Рой подхватил меня за шкуру, поднял с пола и, чуть пронеся по воздуху, больно впечатал спиной в стену

— ПОПАЛСЯ! — с яростным торжеством проревел помощник Кавендиша и поднес свое лицо к моему. Одной рукой он держал меня за шкуру, в другой сжимал огромные, перепачканные зеленым соком ножницы.

Полагаю, здесь мне и пришел бы печальный конец. Вряд ли разъяренный бывший заключенный Арм стал бы выпытывать у меня причины появления в кабинете своего хозяина — порешил бы на месте, а тело прикопал где-нибудь... в яме под кустом (благо и ям, и кустов кругом хватает). Но перед лицом нешуточной опасности из меня вырвалась моя настоящая сущность.

— Мамочки-и-и! — совсем не по-мужски завизжала я и засучила ногами.

Ножницы замерли у моей шеи, и я захлебнулась криком, понимая, что видала себя с потрохами. Потянулись долгие секунды осмысления увиденного и услышанного. Наши с дворецким волосы дружно шевелились: мои — от ужаса, его — от сложных мыслительных процессов, не уместяющихся в пределах гигантской черепной коробки. И все же подчиненный оказался догадливее своего начальника.

— Ты... БАБА?! — тяжело проскрипел Армстронг, после чего аккуратно поставил меня на землю.

— Баба... — эхом откликнулась я и осела на пол. Уж лучше разоблачение, нежели неминуемая смерть...

Как и Гамильтон, Армстронгу понадобилось время, чтобы осознать мой рассказ. Он аккуратно примостился на самом краешке стула и подпер рукой подбородок, устремив взгляд в пространство.

— Иногда нужно... Понять... Оставить прошлое... Жить настоящим... — наконец просипел он, с трудом выговаривая слова. Я никогда еще не слышала от него такой длинной фразы. Да и не хотела слышать — если бы чудовище Франкенштейна из популярного романа Мэри Шэлли действительно существовал, он говорил бы именно таким голосом: страшным, надрывным, со свистом выходящим из неровного шва между телом и головой.

— Поехали, — Армстронг и сам был не в восторге от необходимости говорить: он с

явным облегчением закончил монолог и грузно направился к выходу.

— Куда?..

Неужели дворецкий сдаст меня в полицию? Интересно, какое наказание положено за обман окружающих и жизнь под чужим полом и обличем?.. Прежде подобных прецедентов не случалось... Ох, и наделает шуму такое дело! Скандал выйдет мощнее, чем с участием Кавендиша — газеты просто взорвутся от восторга... Может, лишить их удовольствия и первой написать о себе статью? Сяду в тюрьму успешным журналистом... сткой.

— На свадьбу.

Он сказал это так, что мне и в голову не пришло ослушаться. Даже если он собрался выдать мою тайну Кавендишу... Что ж, каким-то образом нужно ведь ему сказать. Я проследовала на улицу за грузно топающим великаном и забралась в экипаж.

Арм запряг лошадей и исчез в доме — как оказалось, чтобы переодеться. Белоснежная рубашка, стильный жилет, бабочка на воротнике — бывший бандит преобразился, став похож на приличного человека. Он ненадолго задумался, застыв на пороге, и снова исчез из виду.

Во второй раз он объявился еще быстрее: обогнул угол дома, осторожно неся в здоровенных ручищах злосчастный утренний букет. Я приняла растерзанную, изрядно полысевшую охапку цветов и с удивлением посмотрела на дворецкого.

— Это не для тебя, — проскрежетал он в ответ. — А для нее...

***

Когда вы уже догадаетесь, лорд?!

Это была самая странная свадьба из всех, что я когда-либо видала. Чопорные праздники, устраиваемые по поводу замужества моих кузин Марты и Луизы, даже близко не походили на задорный, жизнерадостный вертеп [\[13\]](#), организованный леди Гамильтон и ее женихом. И посетить его, пожалуй, стоило — хотя бы в познавательных целях...

В церковь молодоженов не пустили, и местом проведения был выбран обычный паб. Мы приехали уже к окончанию церемонии: я бы постеснялась войти на подобное мероприятие после начала, но не знающий стыда Арм спокойно вошел в зал и уселся на свободное место. Полагаю, рядом с его массивной фигурой меня никто и не заметил.

Прямо на наших глазах запинаящийся священник связывал узами брака успешную куртизанку и пожилого любителя нестандартных утех. После обмена кольцами молодые скрепили союз поцелуем, заставившим покраснеть не только служителя церкви, но и половину гостей (а гости там собрались бывалые!). Так и не дождавшись финала страстного лобызания, святой отец ретировался прочь. Удерживать его никто не стал.

Грубоватое помещение паба малость облагородили: развесили под потолком охапки цветов и разноцветных гирлянд, расставили подсвечники и запалили парочку огромных каминов. В целом впечатление от интерьера складывалось двоякое: все очень простое — никаких изысков или атрибутов роскоши, которыми любят щеголять представители знати — но в то же время симпатичное, уютное.

Публика тоже собралась... соответствующая, хоть и немногочисленная. Со стороны невесты пришли сплошь представительницы самой древней профессии: по-домашнему милые куртизанки в количестве девятнадцати штук. Со стороны жениха — и того меньше.

Несколько худеньких джентльменов озадаченно поглядывали на своих непривычно шумных и раскрепощенных соседок. Те, к слову, явно постарались выглядеть подобающе, прическами и нарядами почти не отличаясь от настоящих леди...

Вот только добиться идеального сходства им так и не удалось — то тут, то там из общей картины выбивались маленькие шероховатости образов: небрежно выпущенная на лоб прядь, чересчур низкое декольте, полоска кожи между рукавом платья и кружевом перчатки, а पुше того — открытые улыбки и смелые взгляды... Джентльмены волновались, потели, но понять, в чем дело, так и не могли.

Кстати, о непонятливых...

Кавендиша я заметила далеко не сразу, он сидел в стороне от скопления шлюх и их будущих жертв. На столе перед ним выстроился заборчик из пяти стопок, и наследник богатого семейства меланхолично наполнял их алкоголем, тщательно следя за тем, чтобы уровень жидкости в следующей рюмке был точно таким же, как и в предыдущей. Учитывая склонность маркиза к шумным гулянкам и эпатажному поведению, зрелище представлялось весьма грустным.

При виде парня остатки моей утренней злости окончательно испарились. Не хочу я разрушать его жизнь... И доказать ему тоже ничего не хочу. Армстронг прав: прошлое нужно отпустить. Клифф любит не меня, и бороться с этим фактом бесполезно. Пусть и дальше мечтает о той, кто и так постоянно в его мыслях, а я отойду в сторону. Сегодня же после праздника скажу, что увольняюсь, и покину чудный дом по соседству с кладбищем...

Наследник герцога поднял одну из рюмок на уровень глаз, глубоко вздохнул, разглядывая содержимое на просвет, и аккуратно поставил ее на место.

Надо бы извиниться перед ним... Не везет бедняге с людьми: мало того, что любимая сбежала прямо из-под венца, так еще и секретарь какой-то неуравновешенный попался. Нормальный подчиненный поблагодарил бы начальника да поставил спасенный букет в вазу, а я... Нахамила и вышвырнула подарок в окно!

Нет, и каким балдой надо быть, чтобы не догадаться? Среагировать подобным образом могла только женщина! Глубоко оскорбленная женщина... Ну, теперь ему недолго осталось пребывать в иллюзиях.

— Нужно поздороваться, — подтвердив мои опасения, рыкнул дворецкий. Он отобрал цветы, которые я стыдливо прятала под столом (не хватало еще, чтобы Клифф заметил и решил, будто я дала им право на существование) и потащил меня к одинокому аристократу.

Мы остановились перед ним, заслонив собой свет. Кавендиш поднял недовольный взгляд и чуть не сверзнулся со стула.

— Малек?.. Армстронг?!

Армстронг промолчал, всем своим внушительным видом подтверждая сказанное, потом толкнул меня по направлению к хозяину и просто... ушел. Угрожающе помахивая остатками букета, направился прямо к жениху с невестой, принимающими бесконечные поздравления в другом конце зала.

Я опустила на свободный стул рядом с маркизом и проследила за дворецким. Почему он меня не выдал?.. Ждет, небось, чтобы я сама Кавендишу призналась.

Стоило ему появиться около новобрачных, и беззаботно щебечущие девушки прыснули в разные стороны. Вслед за ними куда-то запропастился муж — низкий юркий мужичонка не первой молодости, смотрящий на Гамильтон с щенячьей покорностью. Армстронг застыл около заалевшей куртизанки. Протянул букет — та промолвила что-то и с благодарностью

прижала букет к груди.

Они постояли некоторое время рядом. Управляющая борделем, до этого строгая и неприступная, рядом с дворецким растаяла, обернулась юной трепетной девчонкой. Он подле нее показался особенно огромным, но вся злобность и свирепость его вида куда-то улетучилась. Человек-гора врос в землю, укоренился. От него повеяло монолитной надежностью, бесконечной, и оттого очень тоскливой, верностью.

— Он ее?..

— Да, — Клифф тоже смотрел на необычную парочку.

— А она?

— И она... наверное. С женщинами ни в чем нельзя быть уверенным, — чуть пожал плечами Кавендиш. — Они познакомились давно... Точнее, знали друг друга с самого начала. Оба выросли в трущобах. Арм был на пару лет старше, защищал ее в передрыгах... Ну и дозащищался. Сел в Пентонвиль на двадцать лет, горло рваное заполучил... Ее супруг... — Клифф поискал глазами шуплую фигурку новоиспеченного мужа — ...хороший человек. Добрый и обеспеченный. Немного слабохарактерный, конечно, но ей так даже лучше.

Маркиз обреченно взмахнул рукой и отвернулся. Я последовала его примеру.

Двадцать лет, значит. Надеюсь, я забуду Кавендиша раньше — в вечной любви нет ничего прекрасного, особенно, если любовь эта несчастна... А другой она и не бывает. Все мы кого-то, да любим, вот только чувства эти никогда не совпадают и не пересекаются. Я люблю Клиффа, Клифф любит Марс, Арм — леди Гамильтон, Гамильтон — деньги...

Искоса взглянула на аристократа. Вроде, не сердится. Хотя имел полное право, чего уж.

— Напиваетесь, лорд Кавендиш?

— Да, мистер Малькольм. Как и всегда. А вы против?

— С чего это сразу против? — проворчала я. — Если помогает, то ради Бога... И, кстати, не надо ко мне на "вы" обращаться.

— А как же к тебе обращаться, Лукас? — Клифф поглядел на меня с усмешкой. — Или ты привык к временному прозвищу?

— Можете... — голос осекся от волнения. Я взяла одну из стопок и залпом опрокинула ее в себя. Знаю, я клялась больше никогда не пить, тем более в присутствии Кавендиша, но ситуация была критической. — Можете называть меня АМЕЛИЕЙ.

Как и следовало ожидать, "Порочного Бога" такое предложение не слишком-то вдохновило. А жаль. Я очень давно не слышала своего настоящего имени. И еще дольше — того, как его произносит Клифф Кавендиш... Но Кавендиш, жестокий похититель юных сердец и грабитель девичьих надежд, лишь усмехнулся и ласково потрепал меня по затылку.

— Выкинь эти дикие идеи из головы, Малек. Ты — мужчина, понимаешь? Нравится это или не нравится — тут уж ничего не попишешь...

— Угу... — согласилась я, не зная, то ли смеяться, то ли рыдать в голос.

Женщина я, мужчина — не столь важно, в конце-то концов. А вот его рука в моих волосах, сначала вроде как поглаживающая, а затем будто запутавшаяся в них и никак не желающая выбираться обратно — другое дело.

Может, не стоит ему признаваться?.. Маркиза вроде и так все устраивало. А я все равно уходить... собиралась.

— И тебе не стоит пить, — Кавендиш серьезно заглянул мне в глаза и добавил хрипловатым голосом. — Как бы не случилось чего...

Хорошо, что я сидела. В таких ситуациях у приличных леди обычно подгибаются

колени, и мои не были исключением.

Да и пусть... случится! Я так устала быть одна, одна против целого света... Пусть произойдет уже! Хоть что-то, что сдвинуло бы мою застывшую годы назад жизнь с мертвой точки...

Вот только как это произойдет, когда единственный человек, который мог бы расколдовать меня и спасти от тягостного сна, отказывается видеть во мне принцессу?!

***

Я вас больше не ревную

— Смотрите, кто пришел! — промурлыкал ласковый голос у меня над ухом. — Я так мечтала увидеть вас снова, мистер Секретарь Кавендиша!

Я обернулась и угодила лицом в аппетитные прелести одной из работниц борделя. Хорошо, что прелести были благопристойно упрятаны в кружевную манишку, иначе конфуз оказался бы невыносим. Наклонившаяся девушка ничуть не смутилась, а наоборот, просияла и пылко прикоснулась к моим щекам.

— Жоржетта, ты что себе позволяешь? — сурово спросил Кавендиш. Но ладонь с моей головы убрал.

Та будто только сейчас заметила сидящего почти вплотную ко мне аристократа.

— Просто здороваюсь с вашим секретарем, лорд, — невинно заявила девушка. — Мы же на празднике, в конце-то концов. Веселья хочется, понимаете? Чего-то такого, чтоб сердце остановилось, а потом зашло от восторга...

— Ну и веселись, Жоржетта, веселись, — Клифф оттолкнул мою верную поклонницу и приобнял меня за плечи. — Тебе что, мало других мужчин? Так я могу устроить... сверхурочные!

Тут маркиз, конечно, перегнул. Мужчин на свадьбу пришло всего ничего. Пятеро знакомых жениха стремительно соловели от свалившегося на них внимания: проститутки входили в кураж, наседая на счастливых целыми толпами. Армстронг все еще охранял свою первую любовь, имея вид мрачный и неприступный, ну а Кавендиш... Девочки ждали, когда приступ меланхолии господина подойдет к концу — поглядывали украдкой, облизывались, но в открытую приставать боялись.

— А мне нужен именно мистер Малькольм!

— Мистер Малькольм занят, не видишь? — рассердился маркиз.

— Не вижу... — путана захлопала длинными ресницами и подтянула грудь наверх. Не каждый мужчина смог бы перенести такой прием без последствий, но Кавендиш остался непреклонен.

— Малек работает. Помогает мне. Он ведь мой... помощник.

— Ну-ну, — протянула шлюха и многозначительно посмотрела на его руку: мол, "Знаю я, в чем эта помощь выражается!". — Не хотите делиться им, так и скажите!

— ЖОРЖЕТТА. — Клифф сказал это очень низким и очень страшным голосом. — Оставлю без зарплаты!

Куртизанка надула губы и, взметнув юбкой, удалилась. Судя по ее разгневанному лицу, окажись по близости арсенал Лидии Гамильтон, она бы непременно им воспользовалась.

— Зачем вы прогнали ее, лорд? — возмутилась я, глядя бедняжке вслед.

Если при первой встрече ее внимание напугало меня, то теперь оно мне польстило. Право слово, мной еще никто и никогда так живо не интересовался... в романтическом отношении. Да, очень и очень давно за мной увивался один обаятельный аристократ, на поверку оказавшийся настоящим мерзавцем... Но, по сравнению с неподдельной страстью Жоржетты, его ухаживания казались вялыми и неубедительными.

— А что, Малек? — холодно осведомился Кавендиш. — Тоже веселья захотелось, или просто виски подействовал?

— Ни то, и ни другое, — соврала я.

Слова куртизанки нашли отклик в моей душе. Я и сама желала чего-то такого, чтоб сердце "зашлось", "остановилось", "взлетело", "упало" — в любой последовательности. Да и от веселья отказываться бы не стала. Сколько я уже не развлекалась по-человечески? Не хохотала от души, не ходила на балы и не общалась с подругами... Лишь, как старая злобная паучиха, сторонилась всех и вся и вынашивала планы мести. Не могу так больше. Не желаю!

Да и алкоголь, стоит признать, сыграл роль. Иначе как объяснить то, что Клифф все еще обнимал меня, а я и не думала сопротивляться?

— Надо подойти к Лидии, — через некоторое время сказал он. — Поздравить и... думаю, она тоже будет рада видеть тебя.

Ну еще бы, после нашего-то с ней откровенного свидания. Прямо становлюсь популярной... Жаль, что только в определенных кругах.

— Хорошо.

Кавендиш взял меня за руку и потащил через зал. Ох, что же он меня все тискает и тискает? Мне, конечно, приятно, вот только голова и так уже с перебоями работает, а он своими прикосновениями еще большую смуту вносит. Да и смотрят на нас... Прямо глаз не отрывают.

— Лидия, милая, — на лице маркиза засияла улыбка, стоило нам приблизиться к виновникам торжества. — Еще раз поздравляю тебя!

— Спасибо за экипаж, Клифф. Он восхитителен.

Невеста подала ему руку для поцелуя. А потом рассмеялась и, отбросив церемонии, обняла его. Неожиданно мрачный цвет фиолетового платья оказался здесь очень к месту: он шел невесте — подходил к ее черным волосам, морщинкам и усталым глазам — и гармонировал с залом, больше напоминающим подzemелье средневекового замка, нежели современный паб...

Рядом раздались восторженные восклицания: завидев, что Клифф вернулся в хорошее расположение духа, куртизанки позабыли про разомлевших мужчин и бросились к своему господину.

— Поговори с ними, — шепнула Гамильтон, подталкивая маркиза к возбужденным девушкам. — Они волнуются, когда ты долго не обращаешь на них внимания... А мы пока поворкуем с мистером Малькольмом, да?

И главная проститутка "Ретивых наездниц" хитро подмигнула мне.

— Ладно, — не очень охотно согласился лорд. — Только недолго и... Вы ведь не будете уединяться? А то жених расстроится...

— Молодец, душенька, — заявила Лидия, когда Клифф утонул в сонме протянутых рук и трепещущих тел. — Сработала на отлично.

Я чуть было не присела в реверансе, но вовремя опомнилась и поцеловала ее кисть. За что она хвалит меня?

— Ты нравишься ему.

Нравлюсь?.. Верно, я вроде как ценный сотрудник, да и собеседник тоже ничего...

Хотя кого я обманываю, секретарь из меня никудышный! И, чтобы быть хорошим собеседником, нужно уметь соглашаться, а этому я тоже так и не научилась.

— Только не давай ему расслабляться и смело заявляй о своих желаниях. Привлекательные мужчины вроде Клиффа слепо уверены в своих способностях, хотя на самом деле даже не подозревают, как на самом деле любят женщины.

Э-э-э... Я не поняла, о чем она толкует, но мне стало еще более неловко.

Захотелось сбежать. Или хотя бы провалиться сквозь землю.

— Когда ты собираешься ему признаться?

Тут уж я рассердилась. Почему все считают, что я должна ему признаваться? Отчего леди Гамильтон самой не сказать Кавендишу: "Спасибо за экипаж, Клифф, он восхитителен. Кстати, твой секретарь — переодетая девушка"? Или Армстронгу не хлопнуть хозяина по плечу (изо всей своей богатырской силы, желательно) и не прореветь: "Раскройте глаза, лорд! Малькольм — баба!"?

Так нет, они молчат. Не хотят расстраивать своего дорогого друга и начальника. А я, может, тоже этого не хочу. Он повеселел и в кои-то веки выглядит счастливым. Обворожительно смеется, любезничает и заигрывает с распутившими хвосты шляхами. И я при этом даже ни чуточки не ревную — ему слишком идет быть легким, шумным и веселым.

В разноцветной толпе мелькнула фигура мужа Гамильтон. И Армстронг, стоящий неподалеку, ожил. Развернулся и почти бесшумно скрылся из виду, освобождая место для законного супруга.

— Ты осуждаешь меня? — женщина поджала губы и требовательно взглянула мне в глаза.

— Я не в том положении, чтобы кого-то осуждать. Своих проблем хватает.

Та горько хмыкнула. Помолчала немного.

— Мы росли вместе. Жили в трущобах — на самых грязных и омерзительных улицах, которые можно отыскать в Лондоне. Мечтали, что поженимся и выйдемся "в люди" — он станет плотником или кучером, я — трудолюбивой прачкой... Когда мне было пятнадцать, на меня напали в подворотне. Семеро джентльменов, неизвестно как оказавшихся в наших краях, решили поразвлечься с юной нищенкой... Арм убил пятерых. Сам тяжело пострадал... Его осудили на пожизненное, и если бы по воле случая к нему однажды не подселили Клиффа, он и поныне сидел бы в Пентонвиле... А я стала проституткой. Потому что больше становиться было нечем.

Наверное, мой взгляд стал слишком уж сочувственным, потому что Гамильтон распрямила плечи и улыбнулась.

— Все изменилось. Теперь я приказываю мужчинам и я же причиняю им боль. И мне больше никогда не придется нуждаться в деньгах... Иди к Кавендишу, душенька. Он устал от них, просто виду не показывает.

17. Малек и Клифф

Соблазните меня, лорд...

Устал он, как же. Да его энергии по части обхаживания девиц позавидовал бы любой! Хорошо, что я его больше не ревную. Да и какая разница, ревную или нет? Завтра я уйду, а он продолжит и дальше очаровывать своих поклонниц-куртизанок. И пусть очаровывает на здоровье, я не жадная. Пусть веселится, пусть смеется... со всеми, кроме вот этой вот блондинки, которая слишком уж самоуверенная, и с которой он выглядит чересчур радостным. Радость радостью, но должна же быть мера!

— А вы, лорд Кавендиш, не держите своих обещаний, между прочим... — я и сама не заметила, как оказалась подле Клиффа.

— Правда? — удивился он. — Это каких?

— Вы собирались обучить меня тонкой науке обольщения женщин, — понизила голос я. — Но, видно, передумали делиться своими сакральными умениями?

— Ты вроде и без этого неплохо справляешься. Хотя... Ладно, пойдем туда, где меньше шума.

Мы перекочевали к нашему столу, одиноко стоящему на отшибе зала.

— Значит, хочешь научиться покорять женские сердца, да? — маркиз испытующе посмотрел на меня. — Я могу рассказать тебе парочку секретов и показать несколько приемов, но результат зависит еще и от исходных данных, понимаешь?

Понимаю, что мне далеко до вас, мистер Совершенство, и все-таки... Пока мы не расстались насовсем, можно же хотя бы пообщаться вдоволь?

— Слушай, — Клифф придвинул свой стул к моему. — Настоящий джентльмен должен выглядеть уверенно и небрежно. Он — холоден, но галантен. Смотрит немного снисходительно и свысока. Может показывать свою заинтересованность, но сам никогда не страдает из-за любви.... Малек, не зыркай на меня так своими глазами, а то я умру от ужаса!

И ничего я не зыркаю, просто как прилежная ученица пытаюсь скопировать его "снисходительный и высокий" взгляд. Хотя что-то компетентность Кавендиша в этом вопросе начала вызывать у меня сомнения: сам-то он совсем не страдал из-за любви. Три года только этим и не занимался!

— Позы прирожденного сердцееда должны быть небрежны и претенциозны. Вот, например... — Кавендиш откинулся на стуле и закинул обе ноги на столешницу, сложив их одну на другую. — Повтори.

Я повторила, послушно уложив ботинки на другом краю стола. Видела бы меня матушка, точно бы повторно выгнала из дома. Мои ноги по сравнению с аристократическими конечностями маркиза казались жалкими и короткими, туфли — и вовсе детскими... Еще и штанины стыдно задрались, приоткрывая тощие цыплячьи лодыжки. Разве ж таким зрелищем кого-то соблазнишь?

Клифф отвел взгляд и ослабил шейный платок. Тяжко выдохнул и вернул тело в обычное положение.

— Знаешь, Малек, убери-ка ты их. И, да, тебе все-таки придется немного выпить... Процесс легче пойдет. — Кавендиш взял одну из стопок, все еще ждущих своего часа, и изящным движением поднес ее к губам. — В присутствии дамы пить нужно красиво и

элегантно. Мизинец отведен в сторону, кисть с локтем расслаблены...

Я схватила еще одну рюмку и, как мне показалось, очень элегантно отправила ее внутрь. Локоть, правда, забыла расслабить, и оттого врезала им прямо по занесенной руке Кавендиша. Виски пролился на белоснежные одежды маркиза, мигом лишив его облик непозволительной безукоризненности.

— Ой, извините... — я откашлялась, с трудом проглотив огненный напиток, оставивший пылающий след по гортани, и огляделась в поисках салфетки.

— Ничего страшного, — Клифф спокойно отставил пустую стопку и подобрался. — Это обычная ситуация. Собственно, поэтому у настоящего джентльмена должно быть много одежды, а не для того, чтобы красоваться перед всеми... Впрочем, в таких случаях обычно все равно кидаются устранять последствия...

Он запнулся, потому что я уже повернулась к нему с лоскутком ткани. Наши глаза встретились.

— Ну, вытирай уже, — произнес Кавендиш. — Чего застыл?

Я прикусила губу и прикоснулась к его груди. Горячая, даже сквозь намокшую одежду и хлопок салфетки. И сердце бьется. Быстро. Колотится изо всех сил, отдает мне в руку... И на секунду кажется, будто оно лежит у меня в ладони. Кровоточит и согревает... А Кавендиш придерживает дыхание и наблюдает за мной из-под полуопущенных век.

Пожар в животе усиливается: выпитое медленно разъедает мою плоть, закручивая внутренности в плотный, полный предвкушения, клубок. И случается невозможное: окаменевшая махина моей жизни сдвигается с места, мир вздрагивает и куда-то катится...

Знаю, это всего лишь головокружение от алкоголя, а магия, что происходит между нами, всего лишь игра. И хотя Клифф скорее всего представляет на месте меня оборотительную незнакомку, я хочу, чтобы он и правда соблазнил ее.

То есть, меня. Как когда-то давно. И потому я буду послушно повторять за ним каждое слово и копировать его жесты, лишь бы прикоснуться к этому таинству любви.

Чужому, ненастоящему, но такому желанному.

— Что там дальше... по плану соблазнения прелестных дам? — робко спросила я.

— Дальше... — Клифф придвинулся еще ближе и накрыл мою ладонь своей, прижимая ее к своей груди. Гипнотизируя меня взглядом, будто я — пушистая зверушка из театральных фокусов. — Дальше, когда зрительный контакт налажен, и возникает ощущение полета, самое время сказать этой даме что-нибудь волнующее. Что-нибудь вроде: "Я люблю вас, лорд Кавендиш"...

***

Сдерживаться боле невозможно

Малькольм чуть напрягся. Точнее, окончательно окаменел. Сидит, не дыша, держит мое сердце в руке. Всего меня держит. Даже смешно! Такой маленький, слабый и невысокий — вздумай я обхватить его щиколотку, пальцы бы в кольцо сомкнулись — а победил самого Клиффа Кавендиша! Спеленал, подчинил, овладел...

Он этого не понимает, конечно. Испугался до икоты. Бежать бы от такого полоумного работодателя! — да только мышцы отказали и силы покинули — вырвать ладонь из судорожной хватки, и то не получается.

Я его понимаю, черт возьми, но подделать с собой ничего не могу. Только жмусь к нему все сильнее и схожу с ума. Он ведь собирается уходить. И уйдет... Завтра, а может и сегодня вечером он покинет меня, потому что происходящее переходит все границы разумного. И я заранее скучаю по нему, хоть и должен отпустить.

— А нормально, что я обращаюсь к этой даме "лорд Кавендиш"? — с сомнением спросил Лукас.

Сообразительный он, все-таки. Потому и понравился мне.

— Нормально. Иначе ты совсем запутаешься.

По правде говоря, я и сам уже вконец запутался. Смотрю на него и ничего не понимаю, не верю глазам да и чувствам не доверяю... Как у мужчины могут быть такие тонкие кисти, нежные щеки, шелковистые волосы? Кто ты, Малек? Что за невиданное существо, явившееся из Уайтчепела, чтобы свалиться мне на голову неподобающей любовью?

— Я люблю вас, лорд Кавендиш, — тихо повторил Малек, не сводя с меня огромных чистых глаз. Он сказал это так, что я ему сразу же поверил. "Мой ученик!", мелькнула на задворках сознания гордая мысль. Далеко пойдет в соблазнении. Не любит и любить не может... но до чего убедителен!

И эти его глаза... Чем дольше я смотрю в них, тем больше меня одолевает странное чувство дежавю. Будто я уже отражался в них когда-то. Бред бредовый, но мне кажется, что я встречал Малька прежде: во сне, в другой жизни или вообще в другом мире... Но точно не реальности — такого презабавного паренька я бы точно запомнил!

— А дальше?.. — Малькольм поежился и попытался отстраниться, но не очень-то преуспел, потому что нас затягивало друг в друга.

— Дальше... — одной рукой развязал и бросил на стол шейный платок, который битый час не давал дышать полной грудью. — Идем танцевать! — и повел Малька за собой в середину зала, где уже кружили под музыку первые пары.

Ладонь его так и не отпустил — отпускать нельзя, иначе он исчезнет еще быстрее, чем планировал. А я еще не готов с ним расстаться. Это станет самым безумным поступком в моей жизни, но я собираюсь и правда соблазнить его. Пусть многолюдная свадьба — не лучшее место для подобных выкрутасов. Пусть по столице прокатится новость — развратник Клифф Кавендиш перешел на мужчин! Моя репутация и так достаточно испорчена, чтобы подобная малость могла ей повредить.

— Вы и танцевать умеете?!

— Еще как!

Конечно, умею. Я ведь аристократ! Вот только танцевать мы будем немного не так, как принято в благовоспитанном обществе (да и кто осмелится назвать сборище путан и извращенцев "благовоспитанным обществом"?). Ненавижу эти чопорные хороводы, когда пары кружат друг напротив друга, пересекаясь взглядами и иногда соприкасаясь ладонями — мы с Мальком давно прошли этап прелюдий, пора переходить к более активным действиям...

Я не смогу держаться от него на таком огромном расстоянии. И потому привлекаю того к себе, закидываю левую руку юноши себе на плечо, сам обнимаю его за талию. Пройдет несколько десятилетий, и подобные танцы станут нормой, уж помяните слово "Порочного бога"! А пока...

— Что вы делаете?!

Пока Малек совершенно не готов к тому, что происходит. Жаль, у меня не будет второго

шанса его раскрепостить — а то если он и в постели так же быстро схватывает... Так, про постель думать не стоит — а то душа не выдерживает напряжения: вспенивается, разбухает от счастья. Она у меня вообще довольно выдающаяся, а от взаимодействия с этим пронырой и того больше: я из-за него и в омнибусах катался, и на исповеди показался. Хамил старушкам, бил наглых хлыщей, терпел паранормальный спектакль сбрендившей вызывательницы духов... И откуда во мне столько благородства?

— Когда нужные слова найдены, следует закрепить результат и дать даме ощутить свое... нежное хрупкое тело. У тебя ведь нежное тело, Малек?

— Э-э-э?... — округлившиеся глаза и полуоткрытый рот.

Все идет, как надо: обычно на данной стадии связь между мыслительной функцией и способностью ясно эти мысли выражать уже потеряна. Притом, с обеих сторон. Я ведь не пил — так и не решился завуалировать печальные, но такие удивительные эмоции алкогольным маревом — а меня уже ведет.

Я неловко пошатнулся, и журналист принял это движение за начало танца. Скванно переступил ногами несколько раз. Не оттолкнул в ужасе, а, наоборот, потянулся ко мне — глянь, он и правда готов на все, лишь бы научиться соблазнять! Кусая губы и неровно дыша, Лукас положил руку мне на шею, привстал на цыпочки. И все равно дотянулся разве что до подбородка. Эх, и почему ты такой мелкий, а?

Мне не нравится, что он боится и напрягается. Я хочу, чтобы он жил у меня в руках, становился пластичной, податливой массой — тек сквозь пальцы, светился и переливался. Мое блондинистое чудо. Мое недельное помешательство, локальное умопомрачение. Пусть завтра все обрушится в преисподнюю, но на сегодня ты — моя эгоистичная прихоть. Но я веду себя так развязно не потому, что хочу эту прихоть удовлетворить во что бы то ни стало. Просто мир помешался вместе со мной: это похоже на шквал февральского ветра, обрушившегося из ниоткуда и подгоняющего меня в спину. Он бушует, несет вперед и нет никакой возможности сопротивляться ему и мешать исполнять его волю.

***

ЧТО ЗА?!!

Внимание мы привлечем, можно даже не сомневаться. Главное, Армстронг уже покинул вечеринку — дворецкий за такое и по шее надавать может... Я ведь видел, что именно он привел Лукаса на банкет: проводил до стола, предупредительно отодвинул стул (и когда маленький вертихвост успел очаровать моего неподкупного слугу?!). Я конкуренции не боюсь и готов биться за Малька с кем угодно — хоть с напوماженным редактором, хоть с приставучей Жоржеттой. Только слишком уж крепка у Арма рука..

А проститутки... Пускай смотрят, чай, и не такое в жизни видали! Пускай Жоржетта вонзает мне в спину кинжалы разъяренных взглядов, Лукаса я ей не отдам. Мда, никогда бы не подумал, что придется отбивать свою пассивность у своих же подопечных... Только и остается, что отвлекать их внимание на себя, а то ведь съедят, слопают целиком — и такого сладкого грех не слопать!

Я тряхнул головой, сбрасывая ступор от его робких прикосновений, и вспоминая шаги вальса. Порывисто развернулся, ускорился, прошел через весь зал и закончил комбинацию, приобняв Малька и заглядывая ему в лицо.

— Успеваешь?

— Йю-ю-юп... — что-то невнятно (при большом желании — а желание мое велико! — можно принять за согласие) пропищал тот, и я пошел на второй круг. Можно не обольщаться, танцор из меня аховый — я не вел, а скорее таскал парня за собой, то и дело приподнимая его в воздух, так как ноги его спотыкались и сплетались с моими. Впрочем, все не так уж и плохо, я могу двигаться и дышать — Лукасу стоило бы придушить меня за такое обхождение, но пока он просто цеплялся за мою шею. Потом и вовсе, скользнул ладонью вверх, запустил ее в волосы...

И окружающее вдруг потеряло смысл. Веселый праздник стих и поблек. Я забыл, где мы находимся, зачем... Единственное, что имело значение в данный момент — хрупкий человечек в моих руках и то, как я желал остаться с ним наедине.

— Малек, можно я провожу тебя до дома? — спросил серьезно, а внутри все аж замерло от волнения. Скажет "нет", и куда мне тогда ехать, где ночевать? Я, Клифф Кавендиш, и не в такие ситуации попадал — и на улице спать приходилось, и в салонах и в опочивальнях малознакомых людей — но, чувствую, стар я уже для всего этого. Годы не те... Сколько мне уже, неужели и правда двадцать четыре всего?..

До Лукаса казалось — я уже все пережил и все испытал. Сотню женщин перепробовал, в тысячах друзей разочаровался. И любил и ненавидел так, что израсходовал весь свой эмоциональный резерв. А поди ж ты! Появился, негодник, и я снова, словно белый лист перед ним. Вроде и не было никого прежде. Ничего больше не хочу, кроме как засыпать рядом с ним и просыпаться. Что со мной будет, когда ты уйдешь, Малек?..

— М-можно... — также серьезно выдохнул он.

При виде нас дежуривший неподалеку от паба извозчик закатил глаза.

— Опять вы, мужеложцы нечестивые... — он сплюнул на землю. — Ладно, куда вам? Снова в Бромптон?

— Именно.

Странно, и откуда он нас знает? Неужели и правда весь город уже в курсе?.. Хотя это не важно. Я держал Малькольма за руку. Держал крепко и пока что отпускать не собирался. Даже не знаю, что должно случиться, чтобы у меня достало сил добровольно отлепиться от него...

— Ну что, спокойной ночи? — мы в нерешительности остановились на крыльце: также, как и после недавней прогулки на кладбище.

Лукас поднял на меня глаза, и взгляд его прибил меня к земле: ошалелый, подавленный, но в то же время какой-то жадный и жаждущий...

— Спокойной но... — ответил он также, как и тогда, но договорить не успел, потому что я поцеловал его.

Дверь открылась мягко и бесшумно (не зря, все-таки, плачу слугам!), когда мы навалились на нее и рухнули внутрь дома.

— Ты как, не ушибся? — обеспокоенно спросил я, поднимаясь с Малька и отскребая того с пола. Лежать на журналисте оказалось приятно — ну, другого я и не ожидал. Можно был б и не вставать, только место не совсем подходящее...

Тот деликатно промолчал, что было не в его манере. На вид вроде живой, хоть и пришибленный... И, главное, опять тянет ко мне руки. Ну или просто показалось в темноте. В любом случае, отвергать такой шанс было бы глупостью, и я поцеловал его снова.

По дороге в спальню Лукаса мы еще несколько раз упали. Свалили парочку

канделябров. Лестница оказалась тяжелым препятствием, но совместными усилиями мы одолели и ее. Наследили. Нашумели — да уж, шума от нас было предостаточно, но теперь меня не остановил бы и десяток Армстронгов, кинувшихся из-за угла.

Эту дверь я взял на себя — аккуратно растворил ее спиной и, пригнувшись (запомнил, наконец!), втянул Лукаса вслед за собой.

— Подожди, — пробормотал он, когда я оставил его рот в покое. — Есть кое-что...

И тут же задохнулся снова, потому что поцелуй переместился на шею. Мой платок остался в пабе, и платок Лукаса я тоже снял.

— Не надо...

Стянул с него пиджак, затем жилет — все это в мгновение ока. Мужчин раздевать оказалось проще, чем женщин — сказывались годы практики на себе?.. Я уже приготовился возиться с рубашкой, как у моего намечающегося любовника вдруг прорезался голос.

— Да стой же ты! — с явным отчаянием вскрикнул он. — Мне надо вам... Надо тебе...

— Не надо ничего говорить, Малек, — прервал я его.

Слова делают только хуже. А я не хочу, чтобы этот волшебный момент был испорчен. Да и руки мои живут собственной жизнью — сам не заметил, как лишил журналиста рубашки. Осталась шелковая сорочка, да и то, ненадолго...

Он всхлипнул и попытался оттолкнуть меня, но сделал только хуже — ткань белья с треском разошлась, жемчужины пуговиц хлынули вниз и застучали по деревянным доскам.

Еще недавно я не собирался выпускать Малькольма из объятий, но тут уж обстоятельства оказались сильнее моих намерений. Я отдернул руки и в который раз уронил Лукаса на пол.

Потому что мужчина моей мечты вдруг совершенно естественно закатил глаза и лишился чувств.

И потому что под сорочкой его пряталась небольшая, но явно не мужская... ГРУДЬ!!!

Никогда не возвращайся

Еще даже не придя в себя, я поняла — случилось непоправимое. Мозг не стал жалеть хозяйку и моментально восстановил всю последовательность действий: свадьбу леди Гамильтон, урок по соблазнению от самого Кавендиша, наш танец и ранний отъезд домой... Затылок побаливал (возможно, из-за падений, а не похмелья), обнаженную грудь холодило от непонятого предчувствия... Мою грудь!

Ой, ой... Ой! Мысль о том, что Клифф увидел меня без сорочки, быстро привела меня в чувство. А ведь перед этим он меня еще и раздевал, и целовал, и к стенкам разным прижимал! Мать Божья, и как же все зашло так далеко?

Определенно, мне нельзя употреблять алкоголь — выпила всего рюмку или две, но события закрутились в ритме... в ритме вот этого самого неприличного танца, который исполнил со мной маркиз! Или виноват не алкоголь, а Кавендиш с его сногсшибательной харизмой? Будь я заправду мужчиной, все равно бы не устояла против подобного любовного натиска...

Да уж, ему самому нельзя употреблять тем более — уж не знаю, сколько он принял на грудь, но, выпивши, "Порочный Бог" становится не "неразборчив", а прямо-таки "всеяден"!

Я привстала на локтях: оказалось, что я лежу в своей кровати. Заботливо накинутое одеяло прикрывает мой срам — после невольного разоблачения меня, кажется, свалил обморок. Обморок благополучно перешел в сон — за окном уже занимался рассвет... И Кавендиш, сорвавший с меня рубашку... Он все еще был здесь.

Маркиз сидел около окна, повернув стул в мою сторону. Создавалось впечатление, что он провел в таком положении всю ночь. Вот только от вчерашнего Кавендиша — чуткого, страстного и обольстительного ловеласа в франтовском камзоле — остался лишь камзол. На смену горячему лорду пришел лорд ледяной: застывший, отстраненный, максимально закрытый и формальный. Казалось, стекло за его спиной покрылось инеем от такого соседства.

— А я ведь все-таки вспомнил тебя, — сказал Кавендиш, увидев, что я проснулась. — Значит, Амелия?.. Фамилии не назову, уж прости. Наверное, такая же блеклая и неинтересная, как и ты сама.

Я упала обратно в постель, натянув одеяло аж до подбородка. Вспомнил, значит. Да у вас феноменальная память, лорд Кавендиш! И догадливость. И способность оскорбить одной незначительной фразой...

— Застрявшая в грязи карета. Лето и ливень... Ты жила недалеко от Лайон Парка, верно? Имение... — аристократ поднял глаза к потолку и покрутил ладонью, словно призывая на помощь провидение, потом сдался и обмяк. — Нет, бесполезно. Слишком давно и недолго. Как бы то ни было, поблизости нет ни одного «Ньюхаус-Стемпинга»... Или насчет него ты тоже соврала?

Я промолчала. Надо же, припомнил название моей родины, придуманное впопыхах во время одного из разговоров. А целую ночь, проведенную вместе, не смог. Также, как и несколько встреч и прогулок, наполненных дрожью и томлением сердца... Видимо, слишком много этого было в жизни молодого наследника — и ночей, и прогулок, и встреч.

— И давно ты этим занимаешься?

— Чем?

— Выдаешь себя за того, кем не являешься, и морочишь головы чест... Конечно, меня тяжело назвать "честным человеком", но... — Кавендиш побледнел, хотя бледнее было уже некуда. — Почему?!

— У девушек, запятнавших репутацию добрачной связью, не так много сценариев возможного будущего. — Голос со сна хриплый и глухой. Но теперь уж отмолчаться не получится, придется говорить правду. — Можно наложить на себя руки, уйти у монастырь или просто смириться с позором... Амелия выбрала нестандартный вариант.

— Я тебя не принуждал, — лицо маркиза окаменело. — И в койку силой не тянул — уж в этом-то уверен.

— И все равно! Я стала чужой в собственном доме. От меня отвернулось общество, родители... Пришлось уехать. Выкручиваться как-то, самой зарабатывать на жизнь! Вы хоть раз оказывались в состоянии полного забвения и нищеты, лорд Кавендиш? У вас с герцогом не все гладко, но когда его сын очутился в Пентонвиле, он все равно попытался вытащить вас, верно?!

— Я и не говорю, что поступил благородно с тобой, — парень поджал губы и отвернулся. — Но ты могла бы просто рассказать мне. Без этого... наглого и мерзкого обмана. Я бы дал денег. Помог... как-нибудь.

"Как? Устроили бы меня в свой бордель?" — чуть не съехидничала я. Но... По тому, что я видела и чему стала свидетелем за последнюю неделю выходило — он и правда попытался бы помочь. Денег дал бы... много. Вот только они были мне не нужны.

Будь на его месте другой — кто-то, кто не так болезненно отозвался бы в сердце — я, может, и правда пришла бы за помощью. Но маркиз задел мою гордость. Даже больше — он ее выпотрошил и изувечил. И именно ему я хотела бы столько всего поведать — пронзительные, тоскливые слова рвались из моей души вот уже не один год... Но вместо этого рядом с ним, Кавендишем, я становилась отъявленной врушкой и обманщицей — потому что своим пренебрежением и равнодушием он повесил на мои признания огромный амбарный замок...

— Я хотела... повидаться.

— Повидалась?

— И узнать вас получше...

— Да, любопытства тебе не занимать. Все узнала, что собиралась?..

Я проглотила обидный намек и не ответила. Нужно было не дожидаться конца свадьбы и бежать сразу же. Неужели и правда рассчитывала, что он сможет простить меня после такого? Дура! Дура влюбленная... и ничего больше!

— Молчишь? — спросил Кавендиш. — А у меня остались еще вопросы. Хотя их нужно было задавать раньше, да? Какой же я идиот... Не проверял, в прошлом твоём не копался, в душу не лез... Когда ты сказала, что собирала обо мне информацию, я решил, что это шутка... Но как же ты все это устроила? Свидание с Лидией, например. Или она?..

Клифф запнулся и нахмурился. Его лицо мрачнело с каждой секундой.

— Она узнала и ничего мне не сказала?!

Я снова не ответила, лишь постаралась плотнее вжаться в постель.

— Армстронг был прав, когда советовал держаться от тебя подальше! Так, подождите... А почему он вообще не вышвырнул тебя? На свадьбу притащил, руку подавал?. Он, что, тоже ЗНАЛ?!

Теперь я не смогла бы ответить, даже если бы захотела. Кавендиш стал страшен. Пока я приходила в себя после обморока, он, наоборот, из себя выходил. Его лицо багровело, кулаки сжались... Мамочка родная!

— А ведь ты понравилась мне... То есть, не ты, а тот милый юноша, за которого ты себя выдавала, конечно, — тебя-то настоящую я и знать не знаю! Представляешь, каково все это время было мне: медленно сходить с ума, подозревая за собой грешные наклонности и кляня себя за это?

Тут уж я не выдержала и дала волю праведному гневу. Тяжело ему пришлось, видите ли! Бедненький избалованный наследничек попереживал немного — какая трагедия!

— Ах, простите за доставленные неудобства, лорд! — воскликнула я, вскакивая на постели и не замечая, что одеяло свалилось вниз. — А можете представить, каково пришлось МНЕ — столько времени и по вашей вине притворяться человеком другого пола?!

Маркиз выдержал длинную паузу, тяжело дыша и сверля меня взглядом. Отдышавшись и насмотревшись, он перевел дух и продолжил уже спокойнее.

— С твоими формами это было несложно...

Я снова плюхнулась на спину, прикрываясь. Или стесняться бессмысленно? Пока я была без сознания, мерзавец, небось, уже все рассмотрел... Убедился, что женщина из меня так себе — держаться не за что и не за чем.

— Ну, хоть в чем-то ты меня не обманула... — горько усмехнулся Кавендиш, отворачиваясь к столу. — Ты и правда журналистка... Писательница!

Последнее слово он почти что выплюнул. А когда повернулся обратно, я увидела в его руках листы бумаги, исписанные мелким нервным подчерком...

Какое безобразие! Пока я лежала в обмороке, маркиз не только щупал меня, он еще и рылся в моем (то есть своем) столе! И ведь не упрекнешь — после того, что я сама натворила...

— Что ж, причина твоего неумеренного любопытства мне понятна... И то, зачем ты вообще устроила весь этот спектакль... — Кавендиш поднял статью над головой и помахал ей, словно мечом правосудия. — Скажи правду, хотя бы раз — ты ведь пришла в мой дом, чтобы отомстить?

— Да, — прошептала я.

Он успокоился. И снова отстранился. Отдалился в бескрайние холодные дали, откуда прежнего Кавендиша было не докричаться.

— Что ж, можешь считать, что тебе это удалось — я раздавлен... А талант у тебя определенно имеется! — он пробежал глазами по строчкам. — "Кавендиш-младший — самый обыкновенный лодырь и пустозвон. К тому же, на редкость непривлекательный: что внутри, что снаружи...". Даже не знаю, что тут еще добавить...

Он прочитал написанную мной фразу с таким чувством омерзения и скрытого сострадания к самому себе, что мне сразу же захотелось надавать автору тумаков. Я глубоко вздохнула и сложила руки на груди. Все, это конец. Неделя завершилась, как там моя обещанная могила?.. Поднимайте, выносите. Теперь наша с Кавендишем история и правда подошла к своему финалу. Тому, после которого быть уже не может ничего...

Клифф покинул свой ледяной трон и направился к двери, не глядя на меня.

— Раз твоя миссия исполнена, можешь уходить, — он взял тонюсенькую стопку обеими руками и хотел было порвать ее, но потом передумал. Просто уронил ее над кроватью, и листы покрыли меня вторым одеялом.

— Надеюсь, ты сможешь продать свою драгоценную статью подороже. И еще надеюсь, что в любом из своих обликии — женском или мужском — ты больше никогда не вернешься.

19. Клифф

Мне без тебя невыносимо...

Два месяца спустя

В дверь кабинета постучали. Какая изысканная вежливость! И зачем стучать, если приглашение мое никому не требуется? Нет, ну что за жизнь такая отвратительная? Даже в собственном доме не найти успокоения! Где не скроешься, все равно отыщут, над душой встанут и начнут вздыхать. Уговаривать примутся: "Лорд Кавендиш, я вам рыбный пудинг приготовила. Может, покушаете?", "Лорд Кавендиш, сходите прогуляться, там чудесная погода — солнце светит, птички поют"...

Достали, ей-Богу. Я им маленький ребенок, что ли?! Не хочу я ни есть, ни гулять. Хочу сидеть в темной комнате и морально разлагаться.

После минутной паузы постучали еще раз. Ну-ну.

И ведь замок не поможет — в прошлый раз, когда я вздумал запереться на засов, Арм попросту высадил дверь... Вот и что я вообще здесь забыл? Слуги обнаглели, о приватности частной жизни даже слыхом не слыхивали... Нужно съезжать из Бромптона, во только дом этот, небольшой и мрачный, как магнитом держит...

Еще через минуту, так и не дождавшись ответа, дворецкий вошел ко мне. Положил на стол небольшую открытку и застыл с чувством выполненного долга. Я отвернулся, не удостоив подарок даже беглым взглядом. Терпеть не могу все это — бумагу, чернила и иже с ними связанное. Как вижу, сразу тошнота накатывает и события двухмесячной давности перед глазами встают...

Мой бывший верный слуга бухнул по столу кулаком, и я недовольно опустил глаза, вглядываясь в полутьме. Гербовая печать, витиеватый подчерк, тонкий флер духов. очередное бессмысленное аристократическое сборище. Еще и не на мое имя адресовано — Клиффа Кавендиша уже давно не приглашают на приличные вечера.

— Ну и зачем ты притащил это вонючее приглашение? Считаешь, мне самое время потанцевать на светском приеме?!

Армстронг не ответил, чего и следовало ожидать. Лишь дернул за шнурок и зажег электричество. Я зажмурился — после стольких часов, проведенных под покровом ночи и депрессии, свет больно резанул по глазам. Еще немного, и превращусь в пещерного жителя — злобного, грязного и обросшего.

— Я не хочу никого видеть! В том числе и тебя! Выметайся.

Дворецкий встал посреди комнаты. Ноги расставил, руки на груди сложил — ну прямо шкипер посреди шаткой палубы. Явно, на этот раз он так просто не покинет мой кабинет.

— Ну и чего тебе нужно? Seriously, ты был единственным человеком, которому я доверял безгранично...

Слуга посмотрел укоризненно. Знаю, он предпринимает все эти неловкие попытки меня растормошить, просто чтобы загладить вину. Но я не собираюсь его прощать.

Как и Лидию, которая засыпает письмами с извинениями и увещеваниями. Радует одно — она не смогла уехать в свадебное путешествие, так как я совсем скис и перестал появляться на работе... Зато начал ездить к отцу Тадеушу. Я ж без исповедей больше не могу: нужно перед кем-то душу излить — если не перед Лукасом, то перед священником.

Пить тоже не могу на удивление: стоит прикоснуться к виски или портвейну, хуже во

сто крат становится. Проклятье! Этот дрянной мальчишка... то есть, девчонка! (и когда я наконец привыкну к смене пола?) — не только вернула меня в лоно церкви, но и вылечила от алкоголизма...

Я отодвинул от себя открытку и сердито взглянул на слугу.

— Вы сделали из меня посмешище. Дружно дурачили во главе с Мальком...

Предатели. Кругом одни предатели! Но и я тоже хорош... Как можно было не догадаться, что передо мной девушка?! Даже Армстронг, этот чурбан, к женщинам на пушечный выстрел не приближающийся, и тот раньше меня обо всем узнал! Очевидно же — эти тонкие черты, прозрачность и эфемерность. Одна в комнате спать боялась и букет выбросила...

Моя наивность меня погубила! Раскусил бы обман сразу, и ничего этого не случилось бы. Устроил бы ее в уважаемую газету за приличное жалование — да, пришлось бы здорово заплатить главному редактору, но это лучше, пытаться пробиться, сочиняя "сенсационные" статейки для желтой прессы. Переселил бы в хороший район, квартиру снял... Да и себя бы уберег от потрясений. Не влюбился без памяти в наши длинные разговоры. Не загнал сам себя в ловушку, открываясь перед ней больше, чем перед кем-либо...

— Почему мне так не везет в любви, а? — с тоской протянул я, подпирая голову ладонью. — Сначала Марс, теперь эта... Амелия! В мире полно кротких достойных леди. А меня все на приключения тянет...

Во взгляде Арма промелькнуло сочувствие. Он глубоко вздохнул и понурил голову. Ну прямо преданный грустный пес — все понимает, а сказать не может.

И ведь предстань она передо мной в истинном образе сразу — в груди даже не дрогнуло бы. Я на женщин в романтическом плане уже давно внимания не обращаю: смотрю, но не вижу, общаюсь, но не западаю. А она?.. Милая, симпатичная, чудная — но этого слишком мало, чтобы влюбить в себя Клиффа Кавендиша.

Для этого нужно было поступить только так, как она поступила: вскрыть по-новому старые раны, влезть в них по самые локти, вытащить на поверхность все саднящее и сокровенное... Утолить боль, излечить прежнюю зависимость — чтобы ударить исподтишка и одарить новым: свежей болью и свежей зависимостью...

— Ты сам как считаешь, разве она правильно поступила? Ты на моем месте ее бы не выгнал?

Дворецкий замешкался.

Ладно, можешь не отвечать. Видно — симпатизирует ей, но и со мной отношения вконец портить не хочет. Ему-то легко судить, это не он грезил по "мужским" ягодицам и лодыжкам, в то время как эти лодыжки рассматривали тебя лишь как объект наживы...

Пожалуй, я чересчур жестко с ней обошелся тогда. Хотел задеть побольнее — также, как она задела меня, понаписав обо мне едкие (а, главное, правдивые!) пакости. И четыре года назад тоже гадко поступил... Но все равно.

И я пытался найти ее позже и объяснить, почему так делать нехорошо. Но не смог... Она ведь так и не назвала мне своей настоящей фамилии. И главный редактор "Грифа" тоже не назвал — она оттуда вообще уволилась. Переехала со съемной комнатки в Уайтчепеле. Куда-то запропала....

Потом, правда, нашлась: в "Таймсе" вышла статья про спиритический блеф леди Чаттерлей. Громкая, ядовитая, сатирическая — именно такая, как мы и задумывали... Да и слог я узнал — я его после той находке в ее столе век не забуду... Но редактор "Таймса"

тоже отказался со мной сотрудничать — это их должность обязывает, что ли — быть такими вредными и несговорчивыми?!

Да и зачем ее искать вообще?.. Она четко обозначила в статье свою позицию по отношению ко мне: Кавендиш — изверг, развратник, бездарь и урод (последнее обиднее всего, почему-то). А мне казалось, что я Мальку нравлюсь... Так что бесполезно. Или все-таки нет?..

— Я — недоумок, да? — мрачно спросил Арма. — Безмозглый ублюдок и распоследняя эгоистичная сволочь?

Тот деликатно, но красноречиво промолчал.

— И она никогда и ни за что не простит меня?..

Дворецкий страдальчески возвел глаза к потолку и ткнул массивным пальцем в приглашение. Я прочел внимательнее: "Выдающееся событие апреля... Весенний бал... Приглашена пресса..."

ПРЕССА!

План созрел в голове моментально. Я вылетел из-за стола, чуть не опрокинув по дороге Армстронга, ринулся в душ, оттуда — в бордель.

Соскучившиеся куртизанки встретили меня восторженным писком. Вдоволь наобнимавшись, я отстранился и деловито произнес:

— Девушки, мне нужна ваша помощь...

20. Малек

А мне без вас — прекрасно!

В дверь постучали, и я оторвала взгляд от своей писанины.

— Войдите.

— Мистер Малькольм, как ваши дела? — в кабинет заглянул симпатичный светловолосый джентльмен. — Долго еще работать над статьей планируете?

— К завтраму будет готова, мистер Тейлор. Хотя... — с враньем, даже мелким и не значительным, пора завязывать. А то и правда, войдет в привычку. — Было бы лучше, если бы вы мне дали еще один день на финальную вычитку... Можно?

— Можно, — редактор улыбнулся. — Но сегодня у вас еще одно мероприятие, помните?

— Помню, — вздохнув, ответила я. — Буду обязательно.

Идти на праздник изнеженных аристократов не было никакого желания. С некоторых пор их довольные надушенные физиономии вызывали лишь отвращение. Да и страшновато... Вдруг узнают? Так-то моя семья никогда не блистала в высшем обществе, да и облик нынешний не располагает к приступам ностальгии, но все равно...

— Не хотите светить лицом? — мужчина понимающе усмехнулся. — Правильно — хороший журналист должен оставаться невидимкой... Но по этому поводу не волнуйтесь — бал будет костюмированным.

И он положил на стол простую черную маску.

— Это радует! — просияла я.

— Тогда договорились. Потанцуйте там немного, развлекитесь, но не забывайте слушать и смотреть в оба. После таких событий идеи для горячих статей появляются сами собой.

И мужчина, подмигнув, удалился, а я в очередной раз поблагодарила судьбу за то, что на новом месте работы ко мне относились совсем иначе, нежели в "Лондонском грифе". Достойно платили, не смеялись над неказистым внешним видом и не ужимали в сроках... Вон, даже отдельный кабинетик выделили — крошечный, зато собственный.

Новый редактор тоже совсем другой. Молодой, как и кузен, но куда более милый и приветливый. Смотрит на меня... по-доброму смотрит. С затаенным интересом. Мне кажется, он догадывается, что перед ним не совсем джентльмен...

Вот бывают же люди! Чтоб и умом, и внешностью, и благородством не обделены. А этот!..

Я хлюпнула и уронила перо на стол. Тут же взяла себя в руки и отодвинула бумагу куда подальше. Все-таки правильно сделала, что выпросила еще один день на работу... Если уж начинают тягостные воспоминания в голову лезть, пиши пропало! — то есть, пиши, не пиши, все равно ничего путного не напишется...

Прошло два месяца, как я покинула дом Кавендиша. Два месяца моей новой жизни.

Очередной виток.

Думала, будет больнее... Но нет. По-видимому, у меня начал вырабатываться иммунитет к наплевательскому отношению Клиффа Кавендиша. И, чего уж юлить, в этот раз напортила именно я... Но вины и угрызений совести не было: с небес пролился хрустально-очищающий дождь небесного благословения — я окончательно приняла судьбу и успокоилась.

Так уж случилось, что моя первая и единственная любовь оказалась несчастливой. Но теперь, когда мы с Кавендишем откровенно обсудили нашу историю, я знала, что смогу поставить точку в своей застарелой и щемящей привязанности. Обида прошла, словно ее и не бывало. Любовь... тоже. Пожалуй, именно отсутствие логического финала нашего несбывшегося романа и мешало мне забыть Клиффа все эти годы....

Статью про него я, конечно, так никому и не показала. Зато написала новую — про медиума-обманщицу — и ей внезапно заинтересовался издатель самой известной в Лондоне газеты... Все поменялось так быстро, что на страдания просто не осталось времени!

Отныне передо мной открылась совсем другая жизнь: перспективная, интересная, свободная от предрассудков. Вот чем бы я сейчас занималась, не попадись мне на пути столь бессердечный негодник? Вышивала крестиком и гладью, ходила на смотрины — а может, вовсе была бы замужем за каким-нибудь скучным старым эсквайром?.. Слушалась бы его во всем, управляла хозяйством, а о писательстве могла бы только мечтать — прямо мороз по коже...

Зато теперь я живу почти наравне с мужчинами. Сама себя обеспечиваю, но и поступаю так, как сама считаю нужным. Снимаю приличную квартирку. С работой тоже все отлично — в идеях недостатка нет, руководство "Таймса" меня ценит. Вот встану на ноги окончательно и примусь личную жизнь устраивать. Может, свяжусь с Жоржеттой...

Да, следует признать — без катастрофического вмешательства Кавендиша ничего из этого бы не случилось. Статья, принеся мне успех, тоже появилась лишь благодаря ему: это маркиз с легкой руки привел меня на спиритический сеанс. И все последующие тексты, которые так нравились моему редактору, получались такими цепляющими именно из-за него: чинность и добродушие не в чести у столичных издателей, а вот язвительность и обозленность — очень даже...

Да и с внешним видом моим все не так уж и плохо. Добротный костюм, низкий голос, уверенное лицо — и вот перед тобой уже расступаются! Мне, конечно, сейчас никто и близко не нужен, но однажды, возможно, я решусь связать с кем-либо жизнь — а уж женщина это будет или мужчина, не так важно. Понравилась же я шлюхам, в конце-то концов! Да и Кавендишу тоже, если верить его словам...

Последняя мысль вернула мне хорошее расположение духа, и оставшееся время я дописывала статью в ускоренном темпе. Потом взяла со стола маску, попрощалась с мистером Тейлором и уехала домой — готовиться.

Помылась, надушилась (нужно же будет влиться в общество расфуфыренных пэров и их дам). Тщательно выгладила купленный Клиффом смокинг и облачилась в праздничный наряд. Все-таки, правильным поступком было бы оставить Кавендишу в тот день его подарки, а самой отправиться домой в...

Отправляться было не в чем, и природная практичность взяла верх: мужчины появляются и исчезают, а красивую качественную одежду моего размера еще попробуй отыщи!

Так что после ухода Кавендиша из моей спальни я долго ползала по полу — но не для того, чтобы покаяться, а дабы собрать каждую из разлетевшихся по комнате пуговиц. А потом, уже прозябая в Уайтчепеле, несколько вечеров подряд пришивала их обратно.

"Блеклая и неинтересная", как же — руки его, разрывающие на мне сорочку, явно думали иначе... А уж некоторые другие части тела, которыми он так старательно ко мне прижимался, и вовсе!

Ну, да Бог ему судья. Отныне пусть сам разбирается со своими конечностями и головой, которые никак не могут прийти к единому мнению по поводу моей персоны! Для меня у нас с ним уже все кончено, но конец этот сулит не боль, а облегчение...

А вот купленное Клиффом пальто пришлось оставить дома — весна требовательно вступала в права, окрашивая изумрудной зеленью парки и сады столицы, закат подсвечивал крыши и тротуары огненно-красным багрянцем... Даже к вечеру воздух все еще оставался теплым. Он ласкал мои щеки и тоже дарил надежду.

На подъезде к Кенсингтонскому дворцу было не протолкнуться. Стараясь не испачкать ботинки в конских испражнениях, я протиснулась между заставившими двор экипажами и проскользнула в парадный вход, предъявив официально одетому дворецкому свое приглашение. Перед тем, как войти в зал, где уже сновали туда-сюда аристократы, остановилась перед зеркалом. Пригладила свои короткие, уложенные на одну сторону и зафиксированные гелем локоны, поправила бутоньерку и сдула несуществующую пылинку с плеча — и все-таки джентльмен из меня получился преотличнейший...

Заиграла легкая музыка — скрипачи в дальнем конце зала как раз взялись за смычки. Надев на лицо маску и стараясь не привлекать лишнего внимания, я смешалась с празднично разодетой толпой. Временами отвешивая легкие поклоны и кивая встречным дворянам, нашла себе место около стены и принялась изучать гостей.

Публика на весеннем балу собралась необычная. И, судя по ярким и вычурным одеждам, многие готовились к мероприятию заранее — не то, что я. Аристократы не только надели на лица маски, но и раздобыли карнавальные костюмы: здесь были и короли прошлого с массивными золотыми коронами на головах, и шуты; восточные принцессы, венецианские дожи и "чумные врачи" со зловещими черными клювами вместо лиц...

Я с восторгом скользила взглядом по людям, зверям, историческим деятелям и сказочным персонажам, чувствуя, как вдохновение наполняет меня до краев. Какие они все удивительные и... странные!

Особенно странная вот та дама в бордовой кружевной маске, что призывно смотрит на меня поверх голов. Высокая-то какая, у нее что, в роду были великаны?..

Дама чуть повернула голову, являя миру чеканный профиль с выдающимся носом, и из меня чуть не вырвался крик изумления.

СВЯТЫЕ НЕБЕСА!!!

21. Малек

Оливия дэ Кавендиш

Кавендиш на балу, да еще и в таком виде?! Быть такого не может...

Только я собралась перевести дух, как странная дама подняла руку и игриво помахала мне затянутой в кружево ладонью...

Нет, это уже ни в какие ворота!

Я постаралась сменить дислокацию, отлепившись от стены и нырнув в самую гущу народа. Хорошо, что маленькая и неприметная — легко затеряться. Поплутав по залу туда-сюда, я приткнулась к небольшой группе джентльменов, обсуждающих внешнюю политику.

— Влияние Британской империи неуклонно падает! — вещал невысокий сухонький пэр, из-под серой маски которого топорщились длинные и жёсткие, как проволока, усы. — Королеве следует возродить Ост-Индскую компанию и вернуть себе Азию!

Присутствующие одобрительно загудели. Я тоже покивала, слушая их болтовню с выражением глубочайшего интереса на лице.

— Шампанского?.. — рядом остановился вышколенный лакей с фужерами на подносе.

— Да, пожалуй. — я хватанула один из них и уже поднесла к губам...

— Вы уверены, что хотите сделать это, мистер Малькольм? — произнес бархатный голос у меня над ухом, и я чуть не выронила фужер.

— П-простите? — надо мной возвышался Клифф Кавендиш собственной персоной. Ну, то есть узнать его смогла только я, и то, потому что провела с ним целую неделю в куда более тесном контакте, чем позволяет обществом.

Для всех остальных это была женщина. Очень видная и статная... дама: с объемным черным шиньоном, из-под которого выбивались мелкие завитки, стройная, изящная, и при этом поразительно высокая и широкоплечая. В роскошном бордовом платье с высоким воротником, скрывающим выступающий кадык, с веером и маской, наполовину закрывающей лицо... Вот ведь негодяй, даже в женском амплуа, и то прекрасен и убедителен!

— А вы кто... такая? — просипела я.

Внешняя политика была забыта: компания джентльменов уставилась на нас с маркизом во все глаза.

— Неужели вы забыли меня, мистер Малькольм? — выдохнул Клифф, особо не скрывая низкого голоса и лишь подражая манерным женским интонациям. — Мне казалось, обстоятельства, при которых мы встретились, были настолько яркими, что запомнить их невозможно...

— Вы меня с кем-то перепутали... Уверяю вас, мы никогда не встречались прежде! — сердито выдала я.

— Ах, мужчины так легкомысленны! — "брюнетка" огорченно покачала головой и облокотилась на плечо одного из пэров, не достающей ей и до подбородка.

— А что сделал этот малец? — усатый джентльмен взирал на нее снизу вверх с выражением ошалелого восторга.

— О, много чего! Разбил мое сердце, лишил покоя, скрылся в неизвестном направлении... А теперь заявляет, что знать меня не знает!

И Клифф промокнул краем рукава подведенный черной краской глаз, судорожно

обмахиваясь веером.

— Не берите в голову, он не стоит и мизинца с вашей прелестной... руки... — усач приподнял ладонь Кавендиша, больше своей раза в полтора. — Я бы вас ни за что не забыл! Кстати, а как вас зовут, леди?..

— Спасибо, милый друг. Я — Оливия дэ Хэвилленд.

— А откуда вы родом? — уточнил еще один джентльмен. — Никогда не слышал о Хэвиллендах!

— Из... Ньюхаус-Стемпинга. Это маленький городок, о нем вы скорее всего тоже не слышали. И, кстати, — поспешил сменить тему Кавендиш, — я абсолютно согласна с вашими словами насчет "вернуть" и "возродить"...

Воспользовавшись тем, что фокус внимания мужчин полностью сместился на переодетого маркиза, я юркнула за спину одного из них и предприняла еще одну попытку сбежать. Вот и пусть себе воркуют, а мне не до этих глупых игр... Не все, знаете ли, возможно возродить — некоторые вещи мертвы настолько, что реинкарнации не подлежат!

Я приткнулась в нишу за небольшим оркестром и собралась залпом выпить свое шампанское, как на горизонте снова показалась невыносимая "леди Хэвилленд", заставив меня-таки выронить злополучный бокал на пол.

— От меня не спрячешься, Малек. Я твою чахлую фигурку и из тысячи узнаю... — заявил он, зажимая меня в угол.

— Что за спектакль вы тут устроили, лорд?! — сердито прошипела я. — Какая еще Оливия? Вы совсем ополоумели, заявляться на светский прием в дамском платье?..

— Ты тогда сказал, что я не представляю, каково это — притворяться человеком другого пола. И я решил попробовать. Кстати, вынужден сообщить, что притворяться мужчиной все-таки легче, чем женщиной — ваши наряды совершенно невозможно носить!

— Ох, еще раз простите за неудобства! — я оттолкнула его, переступила через осколки фужера и устремилась прочь. — Что вы себе возомнили вообще? Думаете, придя сюда в таком виде, сразу загладите все ваши ужасные слова и поступки?!

— Да ничего я не думаю, — как-то обреченно вздохнул Клифф, следуя по пятам за мной. — У меня с этим вообще проблемы... Просто знаю, еще несколько дней в такой манере — без тебя — я не протяну...

Ха, какие все-таки мужчины слабые! "Не протянет" он без меня, как же! Я вот протянула, целых четыре года тянула, и теперь, когда мне наконец-то стало все равно, он делает такие заявления? Наглец!

— Я соскучился, Малек. — Продолжил Кавендиш и схватил меня за рукав. — По твоим глазам, волосам, запаху... Мне без тебя невыносимо.

— А мне без вас — прекрасно! — заявила я, хотя в груди болезненно защемило. Это просто от неожиданности... Да и музыканты, сволочи, как раз в этот момент заиграли тоскливый медленный вальс. — Отстаньте от меня, мы шокируем гостей!

На нас уже начали оглядываться. Несмотря на заявленные в программе вечера развлечения, собравшиеся аристократы вежливо скучали, обмениваясь дежурными приветствиями и пожеланиями здоровья. Зато парочка из устрашающего вида мужеподобной дамы и отчаянно улепетывающего от нее хрупкого паренька здорово скрашивала томительное ожидание.

— Ах так... — Кавендиш сузил глаза и всучил свой веер проходящему мимо лакею. Тот захлопал глазами, ничего не понимая. — Быстро сделай вид, что сам пригласил меня на

танец, иначе мы шокируем гостей еще больше!

— Не буду я вас приглашать! — выплонула я. — Из вас получилась ужасная дама, вы в курсе? Что еще за Оливия дэ... Кавендиш!

— Так, это уже слишком... — пробормотал маркиз и, ухватив меня под локоть, потащил к танцующим. — Не смей оскорблять внешность леди Хэвилленд. Знаешь, как женщины болезненно к этому относятся?

— Уберите руки! — шепотом вскричала я. На весь зал орать было неудобно, но и держать эмоции в себе — тоже невозможно. — Я буду кричать... По-настоящему!

— Кричи, Амелия, кричи. Чем больше народа на нас обратит внимание, тем лучше, так ведь?

Я попыталась вырвать локоть, но хватка у аристократической дамы оказалась железной. Мы прошли мимо человека в костюме священника, не сводящего с Клиффа задумчивого взгляда.

— Добрый вечер, отец Тадеуш, — Кавендиш хотел было приподнять шляпу по привычке, но за отсутствием оной чуть не сорвал с себя накладной шиньон. — Я не грешу... Пока.

— Каждой твари по паре... — мужчина поднял глаза к потолку и перекрестился.

Несмотря на мое сопротивление, упертый маркиз явно вознамерился сделать нас посмешищем всего бала. Вслед неслись возгласы и шепотки: "Кого-то она мне напоминает...", "А это случайно не...?"

— Но вас узнают! — с отчаянием простонала я, когда он вытащил меня на середину зала. — И тогда вашу репутацию уже точно ничто и никогда не спасет!

— Плевать. Как и на всех них, — он взял меня за руку, другую положил к себе на талию.

— Тогда подумайте о МОЕЙ репутации! — я топнула ногой: хотела попасть ненавистному наследнику по ступне, но из-за его пышных юбок промазала. — Или на нее вам тоже плевать?..

— Тебя здесь никто не знает, Амелия. Мы с тобой — два изгоя, отвергнутых обществом. Оно пережевало нас и выплонуло на обочину жизни... и теперь мы можем делать все, что захотим! Ты умеешь вести? А, без разницы...

— Это будет самый нелепый и ужасный танец на свете... — я уткнулась носом в высокий бархатный лиф, под которым отмечались две округлости неестественного происхождения, и зажмурилась. — Вы уверены, что хотите этого?

— Я мечтаю об этом с того самого момента, как мы впервые станцевали на свадьбу у Лидии... Ничего, милый, ничего, — бросил Кавендиш для глазающей на нас парочке вальсирующих. — Все будет хорошо!

И нежно погладил меня по голове.

Боже мой! Какой кошмар. Ополоумел. Кавендиш точно не в своем уме...

Ладно, всего один танец, а потом я точно сбегу от него!

***

Каждой твари по паре

Все случилось именно так, как я и предполагала. Под чарующую музыку первого вальса и под бравурную — второго, мы с Оливией де Кавендиш прошли на бреющем полете через

зал. Остальные участники бала были так поражены нашим эпатажным дефиле, что больше сталкивались друг с другом, чем исполняли плавный и прекрасный танец. Я старалась поменьше открывать глаза и не думать о том, что вытворяют мои ноги. Во всем происходящем был только один плюс — то, что я была участником процесса и не видела, как мы смотримся со стороны.

— Ты как, Малек? — во время короткой передышки спросил Клифф.

— Плохо, — простонала я. — Все очень, очень плохо!

— Не переживай, малыш. Ради тебя я готов пожертвовать титулом самого изящного танцора Лондона, — Кавендиш зацепил пальцем мою бутоньерку, вытащил обрезанный бутон розы и вставил ее себе в... зубы.

— Прекратите паясничать! — зашипела я, вырывая несчастный цветок из его рта и кидая на пол. — Вы забываетесь: дамы так себя не ведут!

Окружающие за небольшим исключением были со мной согласны (остальные чудом умудрялись держаться подальше). Особенно недоумевал приземистый шатен с золотистыми кудрями, которому Кавендиш раз за разом заступал дорогу. Когда мы в очередной раз "подрезали" его пару, низкорослый кавалер зло зыркнул на Оливию и процедил:

— С таким пропорциями место в хлеву, мадам. Или в стойле!

Клифф не стал отвечать на оскорбление. Просто на следующем шаге вытянул ногу далеко вбок, и обидчик, споткнувшись о длинную конечность, полетел на пол вместе с партнершей. По пути он задел еще одну близкостоящую пару, та — следующую: на первый взгляд цельная композиция из кружащихся людей начала сыпаться, словно карточный домик. Зал огласили вскрики, охи дам и проклятия, недостойные благородных джентльменов.

Воспользовавшись заминкой, я высвободилась из рук Кавендиша и рванула прочь. Вот ведь позор на мою голову! Я пришла на бал, чтобы отыскать источник нового скандала, а не для того, чтобы самой стать его причиной! Просочившись через толкающихся и гомонящих людей, я бросилась к выходу из зала. Нырнула в первый попавшийся коридор и быстрым шагом направилась прочь.

Эх, зря!.. Почти сразу раздалось возмущенное цоканье каблуков, свет от многочисленных канделябров дрогнул и заметался — в проеме показалась фигура великаноподобной дамы.

Господи, да отвяжется он когда-нибудь или нет?!

Я ускорила шаг, размышляя, есть ли надежда на то, что длинный помпезный коридор выведет меня на улицу в конце концов.

— Зачем вы преследуете меня... дражайшая мисс Оливия? — хотела добавить словцо покрепче, но мы как раз миновали двух лакеев, несущих тяжелые подносы с закусками. — Приличные леди так себя не ведут!

— А я НЕ приличная, — провозгласил Кавендиш, когда озадаченные слуги остались позади. — Я очень, очень неприличная леди!

— Тем более! Разве вам недостаточно ясно дали понять, что не желают вас больше видеть?..

— Вы совершенно не цените мои старания, мисс Амелия... — пропыхтел маркиз, тоже ускоряя шаг. — Знаете, чего стоило найти женские туфли моего размера?! А прицепить парик?

— Не знаю и знать не хочу... Отстаньте, прошу. Вы точно сошли с ума!

— Да, сошел... Совсем голову из-за тебя потерял!

Я не выдержала и сорвалась на бег. Как это подло, обвинять девушку в своих неприятностях! Сам там себе в одиночку распрощался со здравым смыслом, а виновата — Амелия?!

За следующим поворотом вдруг нарисовался старинный доспех, и мы чуть не встретились с ним лицом к лицу. Задев препятствие по касательной, я вжала голову в плечи и обернулась, ожидая услышать невероятный грохот, но вывернувшийся из-за угла Клифф оказался ловчее меня — он не только не врезался в "железного человека", но и успел поймать его до момента соприкосновения с полом — видно, сказалось детство, проведенное в средневековом замке.

— Я считаю, вам стоит подумать еще раз, — заявил он, с трудом возвращая доспех в вертикальное положение. Если у сегодняшнего вечера и были шансы войти в историю не как самый безумный вечер в моей жизни, то Оливия дэ Хэвилленд, держащая на руках рыцаря, сделала его ничтожным. — Я могу быть полезен в хозяйстве... И постели!

— Пробовали, знаем. Не так уж вы и неотразимы... — получилось не очень уверенно, поэтому я прикусила язык и продолжила бегство.

— Прекрати удирать! — Кавендиш помрачнел, но от преследования не отказался. — Я сейчас не в том виде, чтобы играть в догонялки... Ах ты ж, зараза! — он споткнулся и чуть не упал. С рассерженным рычанием скинул с себя туфли и возобновил пробежку, задрав юбки чуть ли не до колена. — Ну, Малек, погоди!!!

Я пискнула и ускорила темп. Стоит признать, костюмы от сэра Томаса — просто чудо, заниматься спортом в них одно удовольствие. Вот только Кавендиш не разделял моего восторга... Что-то подсказывало: если маркиз и правда меня догонит, мало не покажется.

Мы все глубже забирались в лабиринты Кенсингтонского дворца. Пронеслись мимо пары джентльменов, обогнули пожилую горничную... И ведь никто даже не остановился, чтобы помочь. Если б мужчина догонял испуганную даму, уже весь дом бы собрался, чтобы остановить хулигана, а наоборот — всем хоть бы хны!

— Выходи за меня, Лукас!.. То есть, Амелия! — теряя терпение, заорал Кавендиш.

— ЧЕГО? — от удивления я опешила и чуть не остановилась, попав прямо в лапы преследователя.

— Замуж за меня выходи, говорю! Предложение тебе делаю, глупая!

— Да засуньте вы это предложение... — пробормотала я, но ход невольно сбавила. Какое-то сильное и внезапное чувство, словно молния, пронзило всю мою суть от макушки и до непокорных пят, выбивая кислород из легких и скручивая внутренности в болезненно-напряженный клубок.

Резвые ноги начали заплетаться. Перед глазами все поплыло, и, побоявшись снова хлопнуться в обморок, я завалилась в первую попавшуюся комнату. Это оказался роскошный кабинет с дубовой мебелью и алыми шторами. Но наслаждаться красотой обстановки было некогда — снаружи уже всюю топал Кавендиш, и я навалилась на дверь спиной, даже не подумав поискать запор.

***

Когда собственное тело, и то предает...

Одним легким движением руки маркиз убрал все преграды, и меня вынесло на середину комнаты. С победоносным рыком Клифф проник внутрь, и его воинственного вида можно было бы испугаться... Вот только босые ноги в белых кружевных чулках, выглядывающих из-под задранного подола, портили все впечатление.

— Господи! ТАМ вы тоже переоделись..? — я в смущении закрыла глаза рукой.

Клифф опустил юбку и двинулся на меня. Шиньон его съехал набок, шнуровка лифа, казалось, готова была лопнуть на широкой, сотрясающейся от частого дыхания груди. Он устало обтер лоб, сорвал с себя маску и перчатки. Краска на холемом лице слегка потекла, и я невольно посочувствовала смелому лорду — это кто ж его, бедного, так размалевал? С такими чертами лица даже минимального количества косметики было бы достаточно, чтобы сойти за хорошенькую леди, но с нынешним боевым раскрасом он походил скорее на уличную девку.

— Конечно. Смотри, Амелия, что ты со мной сделала! Если уж следовать образу, то целиком. Как же в ваших корсетах трудно дышать, однако! А чулки?.. Это же просто пыточное приспособление для ломания ног! Серьезно, ты должна сказать мне "спасибо" за то, что избавил тебя от такого мучения...

Жалуясь, он незаметно теснил меня к стене. Я пятилась до тех пор, пока не уперлась попой во что-то жесткое (скосила глаза — подоконник). А Кавендиш все подходил и подходил. Красивый такой... я с удивлением поняла, что он нравится мне любым, даже в нелепом женском костюме и с размазанной тушью под глазами.

Ах, как же страшно. Страшно предать принципы и не устоять! Но что же делать? Выброситься из окна?.. Пожалуй, оно того не стоит.

— Так что ты мне ответишь, Амелия? — Клифф крепко обнял меня и на несколько секунд зарылся носом в волосы. Постоял так, пошатываясь, как пьяный, потом подsunул ладони мне под мышки и усадил на подоконник.

— А?.. — голова отказывалась соображать. Я хотела оттолкнуть его, но не смогла. Как крысы покидают тонущий корабль, так и силы, почувствовав неладное, спешно покидали стремительно предающее меня тело.

Руки сами притянули Клиффа к себе. Пышные юбки Оливии мешали мне прижаться к нему максимально плотно, поэтому в дело пошли ноги — они закинулись ему на талию и обвили его туловище (тоже сами, заметьте!), вольготно устроившись на возвышении тюрнюра. Хм, какое интересное применение изобретения Уорта^[14].

Удобно, однако, надо взять на заметку и как-нибудь повторить... Мамочки, сумасшествие Кавендиша оказалось заразным! Как я вообще могу думать в этом направлении?!

— Я только что предложил тебе разделить со мной жизнь... — проговорил лорд, не обращая внимания на мои внутренние и внешние метания. — А также славу отпетого бабника и негодяя, мое состояние (немаленькое, заметь), уютный особняк у кладбища и публичный дом с девятнадцатью очаровательными дамами...

— Да с чего вы взяли, что мне этого хочется? — совсем уж вяло возмутилась я, вдыхая приторный аромат женского парфюма. Из-под накладного шиньона дэ Хэвилленд выбились родные волосы маркиза, и я с наслаждением утонула в них носом, желая спрятаться от творящегося беспредела.

— Скажи, ты ведь тогда пришла ко мне, потому что еще любила?..

Я чуть не подавилась его прядью. Выплюнула ее и с возмущением отстранилась от него.

— Да как вы вообще!.. Даже близко такого... Не то, чтобы совсем не было... Но, как бы то ни было, теперь это точно в прошлом!!!

— Значит, вернем прошлое, — уверенно кивнул Кавендиш. — Как Ост-Индскую компанию...

— Не получится! После того, как я увидела на вас женские чулки, у меня внутри ничего не дрогнет... ну, в ЭТОМ плане!

— Дрогнет, Малек, — со спокойной угрозой произнес Кавендиш. — У меня ведь дрогнуло, когда я тебя в мужских портках лицезрел...

И чтобы подкрепить угрозу, начал целовать меня в шею. Перед глазами снова поплыло, я начала терять опору...

Кавендиш встряхнул меня и сердито подул в лицо.

— Только не вздумай снова лишаться чувств на самом интересном месте, Амелия! Отвечай, ты согласна?..

— Ни за что...

Маркиз задумался.

— Тогда просто проведи со мной ночь. Всего одну. Подари мне свое тепло, а после исчезни, оставив меня на долгие годы с разбитым сердцем.

Я замерла, вглядываясь в его глаза и ища в них признаки издевки, но они были предельно серьезны. Даже грустны.

— И вы обещаете, что после этого наконец отпустите меня?..

Кавендиш глубоко вздохнул, помолчал и торжественно изрек:

— Даю честное дворянское слово!

Я потерела край его воротника и осторожно убрала руки прочь.

— Ну хорошо. Только не здесь. И сначала вы переоденетесь... И смоете вот это вот все! — указала на его размалеванное макияжем лицо.

— Прекрасно! — просиял маркиз. — Экипаж ждет нас внизу!

Я не буду больше убегать

Мы не проехали и половины дороги до дома, как я пожалела о своем решении. Перспектива отплатить лорду той же монетой была привлекательной, чего скрывать. Эгоистично воспользоваться им для удовлетворения собственных желаний, аа потом хладнокровно скрыться в неизвестном направлении, заставив того раз за разом возвращаться мысленно к этой ночи...

А что такого? Амелии Обри-Флетчер, для которой невинность превыше всех остальных достоинств, больше нет. Я нынешняя давно и прочно обесчещена. Хранить мне больше нечего, а вот подумать о собственном удовольствии стоит. Мужчины ведь поступают именно так?..

Но неужели я и правда смогу коснуться того, о ком так долго мечтала — не в алкогольном бреду и не сдаваясь под мужским натиском — а идя на непозволительную близость "в трезвом уме и ясной памяти"? И, главное, смогу ли остановиться потом и добровольно уйти? Уйти, зная, что и сама не смогу забыть случившееся...

Я поерзала и попыталась отстраниться от Клиффа-Оливи, обнимающего меня в полутьме фиакра. Повозка раскачивалась и подпрыгивала: Армстронг гнал что есть силы, — будто тоже не хотел упустить возможность заманить меня в дом маркиза.

— Лорд Кавендиш, знаете, я подумала... То, о чем мы с вами договорились — сегодня никак не получится. Меня ведь пригласили на Весенний бал с совершенно определенной целью — найти материал для очередной статьи. А я не только не нашла его... Еще и сбежала и собралась... БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ ночью... — под конец мой голос предательски охрип.

— Почему же не нашла? — Клифф не спешил отпускать меня. — Знала бы ты, сколько эксцентричных и безумных аристократов собралось сегодня под сводами дворца! Например, молчаливый толстяк, с которым ты имела счастье стоять рядом сегодня — второй барон Ротшильд. Тот, который собрал в своем поместье настоящий зверинец и разъезжает по Лондону в карете, запряженной зебрами.

— Сам Уолтер Ротшильд? — изумилась я. — Правда?

— Абсолютная! Еще я, кажется, видел на приеме Маргарет — дальнюю родственницу ныне почившего герцога Портлендского. Он прославился тем, что построил обширную сеть подземных тоннелей между родовым замком и лондонским особняком, где и скрывался от людей до конца своей жизни... Если тебе и этого мало... Можешь написать о безумном сыне герцога Кавендиша, снова шокировавшего достойную публику и заявившегося на карнавал в костюме дамы!

— Вы разрешаете?..

— Да, — кажется, он пожал плечами. — Если высмеивание моего громкого имени поможет твоей карьере, я не против.

— Это очень мило с вашей стороны, — пробормотала я, прилагая усилия, чтобы не растечься по дивану от признательности. — Но мне и правда нужно еще... поработать. Иначе меня могут уволить, — запас аргументов иссякал, и я вернулась к старому проверенному оправданию.

— РАБОТАТЬ ПО НОЧАМ? — тут уж Кавендиш отодвинулся, чтобы заглянуть мне в лицо. — Ты точно все еще журналистка?

— Да, — я вспыхнула — от смущения и от того, что мне снова приходится врать. — Просто мой новый редактор — еще хуже предыдущего...

— Это который "мистер Ричард Тейлор"? — лорд нахмурился. — Да, неприятный тип... Ох, вечно ты на негодаев попадаешь, Малек! Неужели он еще несноснее меня?

В голосе маркиза прозвучала ревность.

— Нет, что вы! Несноснее вас нет никого!

— Хорошо, — мужчина в женском платье расслабился и откинулся на диван, снова кладя руку мне на плечо. — Завтра с утра поработаешь. А если что — я и с ним ПОГОВОРИТЬ могу...

— Ладно. Завтра, так завтра, — скрипя сердце согласилась я. Если Кавендиш и дальше будет бить по лицу каждого моего работодателя, мне никогда не сделать нормальную карьеру! — Кстати, а откуда вы его знаете?

— Да так, — уклончиво ответил тот и занялся изучением подпрыгивающего потолка фиакра. — Встречались где-то... Кстати, знаешь, от кого я унаследовал страсть к азартным играм, вечеринкам и беспорядочным половым связям? От своей прабабки Джорджианы^[15]. Ох, ну и плутовка была! Хочешь, расскажу тебе о ней подробней?

Голос Клиффа успокаивал, и я тоже расслабилась на некоторое время. Но только до тех пор, пока повозка не свернула на знакомую дорогу, ведущую вдоль погоста, и не остановилась у парадных ворот трехэтажного особняка. Армстронг окаменел на козлах, делая вид, что не замечает, как из его средства передвижения на улицу выбралась высокая дама и низкорослый юноша.

Я в нерешительности остановилась перед воротами. Особняк стоял тихий и абсолютно темный. За ним гостеприимно покачивало ветвями Бромптонское кладбище.

— Не волнуйся, я отпустил всех слуг по домам, — сказал Кавендиш, открывая калитку —. Арм уйдет ночевать в дальний флигель и ничего не услышит... Если мы будем достаточно тихими, конечно, — нервно хихикнул маркиз.

Я насупилась и чуть не оторвала петлицу, которую теребила все это время. Что за двусмысленные намеки?! Лично я ШУМЕТЬ абсолютно не собираюсь!

Не глядя на аристократа, прошла по дорожке, поднялась на ступеньки крыльца. Казалось, окна соседних домов (к счастью, далеких и немногочисленных), дружно уставились серыми провалами, провожая взглядами готовую морально опуститься меня... Хотя для стороннего зрителя все должно было выглядеть иначе. Мужчина-совратитель стоял и ждал, пока готовая морально опуститься дама долго возилась с замком, ругаясь на непослушные юбки. Потом также долго пыталась зажечь свет в коридоре...

— Куда пойдем?.. — спросил Клифф, подойдя к лестнице. — К тебе или ко мне?

— Все равно.

— Тогда ко мне. В твоей спальне у нас как-то не складывается...

Ну, я бы не стала по-прежнему называть каморку под чердаком "своей"... Но и спорить тоже не было желания. Меня начало потряхивать от возбуждения — нервного, рваного, неприятного. Неужели я и правда приехала сюда, чтобы..?

Думать об этом было невыносимо, и я гнала мысли о предстоящем событии прочь. Клифф завел меня в собственную комнату, поискал свечи, натываясь на мебель и ругаясь сквозь зубы. Спустя минуту помещение озарил неверный свет. Обстановка попримечней, чем наверху, хотя тоже довольно простая: ковер под ногами, алые шторы, огромная кровать с балдахинном — сколько женщин в ней уже перебивалось?..

Я отвернулась и обняла себя руками. Об этом думать было также невыносимо.

— Подождешь, пока я схожу в ванную?

— Угу, — села в кресло у окна и приготовилась ждать. Спустя пять минут отсутствия Кавендиша встала, подошла к двери и попробовала отворить... Не заперто.

Я выглянула в пустынный коридор, прислушиваясь к далекому звуку льющейся воды. Уйти?..

Нет. Слишком трусливо. Столько раз мечтала снова побывать в объятиях Клиффа, а как подвернулась такая возможность — пошла на поводу у страха и сбежала?

Я тихо закрыла дверь и вернулась обратно к своему месту. На смену яркому свету и торжественной музыке, наполняющим бальный зал, пришла тишина и уединенность. Тело сковало оцепенение, хотя сердце билось также громко и неистово, как и во время погони... Меня переполняли тоска и волнение. От этих раздирающих душу чувств хотелось не то, что бежать — требовалось выть, кричать во весь голос...

Мерзавец. И зачем он только появился на бал в этом шокирующем образе?.. Как бы я не упиралась и не доказывала обратное — меня тронул поступок Кавендиша... "Порочный бог" умел быть убедительным. Он и прежде ради обольщения новой дурочки готов был пойти на многие — теперь вот в женский наряд обрядился да и предложение походу сделал (ни за что не поверю, что он и правда собрался жениться на мне!)....

И "дурочка" растаяла. Сидит и послушно ждет, когда мучитель осенит ее своим вниманием...

От таких мыслей на душе стало еще поганее. Я зашипела сквозь зубы и занялась проверкой своего облика. В порядке ли волосы? (такие короткие и бесцветные — как они вообще могут быть "в порядке"?), хорошо ли сидит костюм? (стрелки на брюках не разгладились от стремительного бега — маленькое, но достижение)...

Господи, чем я занимаюсь?! Еще б ботинки досуха натерла — вдруг Кавендиша да и покорит их неземной блеск?.. И вообще, почему его так долго нет?

Я была на грани истерики, когда преображенный маркиз наконец вернулся в спальню — умытый, чистый, ароматный. Его волосы, потяжелевшие под весом влаги, казались еще более длинными и темными, на груди, белеющей в расстегнутом вороте нательной сорочки, сверкали капельки воды. В руках он держал какой-то пузырек.

— Что это у вас в руках? — спросила я. Вопрос был задан не из интереса, а скорее чтобы отвлечься: рядом с прекрасным полуголым аристократом в дорогом нижнем белье я ощущала себя еще более нелепой, чем обычно.

— Нюхательная соль. Сегодня ты должна быть в сознании... — мы оба поняла, что шутка получилась несмешной.

В комнате повисло молчание. Тело не желало расставаться с мягким креслом, но я заставила себя встать и на деревенеющих ногах приблизилась к кровати. Опустив глаза, медленно сняла фрак и уронила его на атласное покрывало. Хотела снять и жилет, но пальцы, заледеневшие после долгого сидения, бестолку скользили по гладким пуговицам.

Кавендиш, мрачно понаблюдав немного за моими мучениями, нахмурился и подошел ко мне. Накрыв мои руки своими большими теплыми ладонями и мягко отстранил их.

— Подожди... Давай я сам.

Греховодник, развратник и извращенец

Клифф одну за другой расстегнул пуговицы и аккуратно потянул жилет мне за спину и вниз, отчего тот свалился с плеч и присоединился к фраку, сиротливо лежащему на кровати. Я оглянулась назад, на сброшенные вещи, еле удержавшись от того, чтобы не подхватить их и не повесить аккуратно на спинку стула (такие хорошие, жалко мять!). Затем маркиз взялся за шейный платок, вынудив меня приподнять голову и взглянуть себе в лицо.

Я на пару секунд встретилась с его зелеными глазами, казавшимися сейчас слишком темными и серьезными, и поспешно отвела взор: снова тонуть в их притягательной глубине мне совершенно ни к чему.

Избавившись от платка, Кавендиш опустился на колени и снял с меня ботинки (эх, надо было все-таки протереть!). Я оперлась о его плечи, чтобы не потерять равновесие и последние крохи самообладания, поочередно утопая ногами в пушистом ковре, пока он стягивал с меня носки.

— Смотришь так, будто я поломал тебе жизнь... — между делом обронил маркиз.

— Так и есть, — выдавила я. Дышать полной грудью никак не получалось, оттого слова выходили скомканными и глухими.

Маркиз замер, поставив одну из моих стоп на свою ладонь и внимательно ее разглядывая. Я с изумлением взирала на него, но, кроме склоненной темной макушки, не видела ничего.

— Я почию ее обратно, — наконец сказал он. — Обещаю.

А потом вдруг наклонился еще ниже, и я почувствовала жаркий поцелуй на своей начавшей замерзать ноге.

Что за дикости он вытворяет?! Странно! Все это слишком странно и... интимно! Я в ужасе дернула ногой, желая убрать ее подальше от лордовых загребущих рук, и ненароком лягнула его по лицу.

— Ой, я случайно!

Кавендиш поднял голову, прижимая ладонь к ушибленному носу.

— Ни за что не поверю... Амелия, прости меня. Мне...

— Не извиняйтесь, лорд, это лишнее! — Слушать извинения в такой момент было уже чересчур. — Давайте уже сделаем все побыстрее и разбежимся! — взмолилась я.

— Ты не передумала? — Клифф изменился в лице. Притянул меня к себе за бедра и принялся деловито расстегивать пуговицы на моих штанах.

Я закусила губу чуть не до крови и помотала головой.

— Н-н-нет, — простучали зубы.

— А так и не скажешь... — усмехнулся маркиз, стягивая брюки к щиколоткам. Хлопок проскользил по батисту кальсон, точно огладив меня сверху вниз. — Трясешься, как жертвенный агнец перед заклинанием.

Несмотря на позднюю весну, в спальне каменного дома было по-прежнему стыло. Прохладный воздух скапливался вокруг моего тела. Внутри же, наоборот, разгорался пожар. От разницы температур кожа покрылась огромными, почти болезненными мурашками. И, да — я тряслась, но от чего более — от холода или волнения, не понимала. Присутствие Кавендиша, наша уединенность и, главное, намерение встретить утро в одной постели ввергали меня в смятение. И ведь все его прикосновения, совершенно непозволительные для незамужней девушки — это только начало. Ах, как пережить сегодняшнюю ночь?..

— Не смотрите, если не нравится. Я, считай, с мужчинами и не спала никогда...

— Я тоже, — мерзавец очень вовремя поднялся с колен, потому что мне захотелось пнуть его снова. — Как же на тебя не смотреть-то, а, Малек? Завязать себе глаза? Идея интересная, хотя, для первого раза как-то чересчур.

— Что ж вы все к пошлостям-то сводите! — огрызнулась я. — Можете помолчать хоть немного?

— Не могу, — слава Господу, Клифф отвлекся от моей одежды и принялся раздевать себя. Стянул сорочку через ворот и присоединил ее к остальной одежде. — Когда волнуюсь, всегда болтаю без остановки.

Я отвернулась, потому что смотреть на нагих посторонних мужчин — неприлично.

— А ВЫ-то чего волнуетесь? Просто обратитесь к своему богатому опыту и поступайте, как всегда в таких ситуациях поступаете.

Он как-то обиженно пожал плечами и начал расстегивать мою рубашку.

— Как скажешь. У меня ведь такой "богатый" опыт по части снятия с людей мужской одежды...

Я зажмурилась, чтобы не видеть, как очередная деталь гардероба покидает мое тело. Рубашка дергалась туда-сюда, но сниматься не спешила — мне даже пришлось приоткрыть один глаз, чтобы узнать, в чем там дело. Маркиз теребил пуговицы непослушными пальцами — у него что, тоже руки дрожат, что ли?..

Оттолкнула его и сама принялась за дело. Только пришила, не дай Бог оторвет по второму разу!

— Мда, — фыркнула я. — В прошлый раз, помнится, вы действовали поувереннее.

— В прошлый ра... — парень начал отвечать, но подавился словами — чтоб уж побыстрее прекратить эту пытку, я тут же сняла сорочку — негнушимися, будто чужими ладонями.

Когда Клифф увидел мою грудь наутро после разоблачения, смущения не было. Сейчас же я словно вместе с исподним сняла с себя кожу. И осталась стоять с обнаженным нутром, душой и сердцем нараспашку, ожидая реакции. И Кавендиш...

Запнулся, словно налетев с размаху на непреодолимую преграду, опустил руки и замер. Просто стоял и смотрел с какой-то мучительной, изумленной тоской. И его неподвижность и молчание ранили больше самых беспощадных слов.

Я окинула себя быстрым взглядом и покраснела. Мда, после Жоржетиных и прочих куртизанских прелестей такое зрелище не сильно впечатляет, наверное. Мягкости во мне ни грамма нет, грудь совсем крохотная, розовые соски скукожились и торчат в разные стороны жалко и нелепо...

— НУ? Чего замерли? — требовательно спросила я, пряча смущение за грубостью. — Или мои формы слишком невыдающиеся, чтобы разжечь в вас искру страсти?

Честно говоря, я и сама не понимала, зачем говорю все эти гадости и пытаюсь задеть маркиза за живое. Резкие слова вылетали сами собой, будто пытаюсь выстроить стену между мной, почти голый и оттого уязвимой, и пронизывающим взглядом Кавендиша. А ведь мне казалось, я его простила... Но нет. Стоило копнуть чуть глубже, и все заиграло и вскрылось по новой — и моя ненужная неразделенная любовь, и жгучая обида...

— Кажется, я не смогу... — пробормотал Клифф, отступая назад. Он провел рукой по волосам, и на его лице проступила растерянность. — Если хочешь, можешь уйти прямо сейчас. Держать или принуждать не буду.

Он обошел меня, стараясь не смотреть и вообще держаться подальше, взял вещи с

кровати и протянул их мне.

Сначала показалось, что я ослышалась. Потом через пелену непонимания и огорчения проступил гнев. Я теперь недостаточно хороша, даже чтобы просто переспать со мной?..

— Со всеми можете, а со мной — нет?!

— С тобой все по-другому.

Чуть не зарыдала от такого чувственного признания. Когда же он наконец перестанет уязвлять меня своим пренебрежением?!

— О, да вы слабак, лорд Кавендиш, — прорычала я, отталкивая его руку с одеждой. — Газеты сильно преувеличили, надевая вас титулом известнейшего любовника Лондона!

Тут уж Клифф ответил мне. Едко, метко, зло, как и подобает истинному аристократу.

— Простите, Амелия Как-вас-там-по-батюшке! Я готовился делать это с женщиной, а теперь даже не знаю, как к вам и подступиться!

Моя ладонь взлетела и со всего размаху влепила маркизу пощечину. Влажные волосы взметнулись черным росчерком, голова мотнулась влево. Сын герцога медленно вернул ее на место, посмотрел на меня тяжелым взглядом, и я разом струхнула. На белом холемом лице проступало алое пятно.

— Какие интересные ощущения, мисс, — хриплым пробирающим голосом проговорил Клифф. — Можете ударить еще и по другой щеке?

— Зачем? — опешила я. — Когда вы успели стать примерным христианином^[16]?

— К черту религию. Твои удары пробуждают во мне "искру страсти"!

Я выпучила глаза, не зная, как реагировать. Да он не просто греховодник и развратник — он самый настоящий извращенец!

— Бей! — приказал Кавендиш, и я подчинилась. Вторая пощечина получилась не в пример слабее (левая рука как-никак), зато грудь моя стыдно подпрыгнула от такого жеста, и маркиза проняло. Он подхватил меня на руки и, безостановочно целуя, повалил на постель.

— Стойте, лорд! Подождите... — я не без труда выбралась из-под маркиза и слезла с кровати.

Под его вконец обалдевшим взглядом подобрала свою одежду, быстро повесила ее на спинку стула, разгладив складки, и сама упала на него сверху.

Эпилог. Малек

Когда я проснулась, на улице уже давно и прочно обосновался день, и его жизнерадостные отголоски проникали в спальню со стороны кладбища — в виде споров и переругиваний "несчастливых" родственников. Маркиз спал рядом, наполовину зарывшись в скомканные простыни — еще более молодой и красивый, чем всегда. На его тонком лице застыла слабая улыбка, да и вообще во сне он выглядел непозволительно бесхитростным и невинным (невинный, как же — после длительных ночных непотребств можно уже не притворяться).

"Порочный бог"... Теперь-то я доподлинно знала, что прозвище свое он получил не даром!

Я полежала еще чуть-чуть, прокручивая в памяти события прошедшей ночи, одновременно ужасаясь и умиляясь, а после нехотя вылезла из-под одеяла и потянулась. Зябко — за ночь комната остыла еще больше. Через окно проникали лучи света — теплые, золотые, но когда они еще растопят царящий в комнате холод...

Уходить не хочется, но надо. Что ж я, совсем бесхребетная, что ли?.. Попытка встать с постели отозвалась в теле ноющей болью — спасибо лорду, вознамерившемуся опробовать непременно все самые дикие позиции из коллекции картинок в столовой ("Второго раза ведь не будет, Малек! Или, все-таки, будет?..")

Превозмогая утреннюю лень и свою слабохарактерность, я доползла до края кровати. Уйти бодрой походкой точно не получится — тут доковылять бы до калитки... Жаль, что на услуги Армстронга-извозчика можно больше не рассчитывать: придется самой идти аж до сердца Бромптона, потом трястись в дилижансе... Дома садиться за обещанную статью — и о чем писать, когда в голову одни непристойности после вчерашнего лезут?..

Я успела спустить ноги с постели, как притомившийся мужчина рядом вдруг соизволил проснуться.

— Доброе утро, — расплылся в счастливой улыбке он, но тут же насторожился. — Эй, ты куда?

— Доброе, — официальным тоном промолвила я. — К себе домой, куда ж еще.

— Но зачем так рано? — ужаснулся он и мигом сгреб меня обратно. — Ух, холодина-то какая! Солнце еще даже не встало!

— Встало, еще как... Встало! — я отпихнула разгоряченного со сна лорда, но он только прижал меня крепче, обхватил обеими руками и сверху одеяло для надежности накиннул. — Раскройте глаза, уже давно день!

— Все равно. Мы ведь поспали всего ничего — ты только к утру перестала ЕГО бояться...

Я покраснела с ног до головы, но барахтаться не перестала, что, кажется, еще больше раззадоривало молодого аристократа.

— Мне пора приниматься за работу, честно. Мистер Тейлор, небось, уже голову ломает, почему я до сих пор не в редакции...

— Ничего, пусть поломает. Ты ведь можешь писать и здесь. Я выдам тебе все необходимое. Столов и стульев у меня навалом. Бумаги — сколько угодно. Чернил — хоть залейся!

— Это невозможно, лорд... — я выпрямила руки и попыталась отлепить от себя

маркиза, которого притягивало ко мне, словно магнитом, но это и правда было невозможно. — Я свою часть уговора выполнила, а вы обещали не задерживать меня более!

Кавендиш нахмурился и замер, обдумывая услышанное.

— И вовсе я такого не обещал.

— КАК?! Вы же дали свое дворянское слово?!

— А, верно, — будто бы только сейчас вспомнил лорд. — Но то было слово Оливии дэ Хэвилленд... А я теперь — снова Клифф Кавендиш.

Я пару секунд осмысливала услышанное, после чего принялась вырываться с удвоенной силой и негодованием.

— ДА ВЫ..! ВЫ..! И правда распоследний негодяй и обманщик! Отпустите, кому говорю!!!

— Ладно, — внезапно пошел на попятную маркиз и ослабил хватку. — Иди, если все решила...

Я кубарем выкатилась из перин и подбежала к стулу с вещами. Лихорадочными движениями натянула сорочку с кальсонами (фух, наконец-то не голая!) и только потом оглянулась на Кавендиша.

Он полулежал в постели, наблюдая за мной из-под полуопущенных ресниц, и больше не делал попыток уговорить или удержать. Просто смотрел — жадно и тяжело, со светлой и в то же время щемящей тоской, словно старался запомнить каждое мгновение.

И мои руки, уже тянущиеся к рубашке, опустились. Он и правда никогда не смотрел на меня ТАК...

Одновременно с сомнениями накатило озноб. Холод пробрался под тонкую ткань белья и прокатился по телу волной колючих мурашек. Кавендиш прав — холодина просто нестерпимая. Погреться бы хоть самую малость, а уж потом...

Кавендиш уловил смену моего настроения, откинул одеяло и гостеприимно раскрыл объятия. Я неохотно вернулась обратно. Юркнула в постель, под бок к маркизу, который был таким жарким, словно проглотил целый мешок раскаленных углей. Ах, как же хорошо в тепле...

Но, конечно, это ничего не меняет. Уйду чуть попозже — не сможет же он денно и ночью караулить меня?..

Мы немного полежали молча, размышляя каждый о своем. Я думала о том, что если он сейчас что-нибудь скажет насчет женской непостоянности или неудачно пошутит, то точно убегу. Клифф... Интересно, о чем думал он?

— Знаешь, тебе ведь и правда не обязательно уходить, — осторожно начал маркиз, накручивая мой локон на палец — совсем короткий и бесцветный, но ему, поди, и правда нравится... — Ты могла бы пожить здесь некоторое время, чего на съемное тратиться? Свободную комнату я бы тебе нашел...

— Ту, что на чердаке?

— Нет! Больше никогда не поселю тебя на чердаке! На первом этаже предостаточно пустых спален. Да и на моем, если хорошенько поискать... Слуги, кстати, были бы только рады. Миссис Коулман вечно ворчит, что ей не для кого готовить шикарные обеды и ужины. Элайза мечтает подружиться с тобой, чтобы было, с кого брать пример... Ну а Армстронг вообще твой поклонник еще с ТЕХ времен.

Я хмыкнула.

— То есть я должна поменять весь своей сложившийся образ жизни только из-за вашей

прихоти и желания слуг?

— Нет, конечно. Из-за себя тоже. Живя в моем доме, ты могла бы снова стать собой. Настоящей. Являть себя той, кем и являешься — прекрасной, непостижимой и с ума сводящей женщиной...

Я недоверчиво покосилась на него и поджала губы, не желая показывать, что мне приятны его слова.

— Как занятно. Помнится, во время нашей прошлой встречи вы говорили другое. Называли меня "блеклой и неинтересной"... Или тогда вы тоже соврали?

— Соврал, конечно, — хохотнул Клифф, — я ведь распоследний негодяй и обманщик! Ты настолько блеклая и настолько неинтересная, что я уже третий месяц ни о ком другом и помыслить не могу! Серьезно, да я не то что помыслить — я ЖИТЬ без тебя не могу! Выходи за меня, Амелия! — и, воодушевившись собственными словами, лорд полез ко мне целоваться.

Надо же, интима добился, а о браке говорить не перестал. Неужели все так серьезно?.. Кое-как дотерпев до конца страстного поцелуя, я оттолкнула маркиза и возмутилась.

— Вы несете черт знает что, лорд Кавендиш! Какой же священник согласится нас обвенчать?

Маркиз призадумался и почесал макушку.

— Думаю, один найдется...

— Тот взяточник со свадьбы Гамильтон? — презрительно усмехнулась я.

— Нет, другой. Искренний служитель Господа... — мужчина поднял глаза к небу и перекрестился свободной от обнимания меня рукой. — Он пойдет на это, лишь бы я перестал ездить к нему в храм.

— И что же, я пойду замуж... в ПЛАТЬЕ?

— Ага. В белом, хоть порочные леди вроде тебя и не надевают белое... — лорд будто и не заметил прилетевшую ему в голову подушку, отбросил ее и продолжил фантазировать. — В очень длинном и очень, очень шикарном...

— Не хочу, — пискнула я, опасаясь, что он меня задушит в пылу своих грез. — Быть женщиной, значит быть слабой. А я решила быть сильной. Да и в штанах гораздо удобнее. А платья и корсеты... Сами их и надевайте!

— Хорошо, — легко согласился Клифф. — Честно говоря, в брюках ты выглядишь даже привлекательнее... Как-нибудь обязательно попробуем: я в платье, ты в штанах, — его глаза хитро заблестели, он перевернул меня на спину и навалился сверху, вжимая меня в перину. — Ух, и горячая будет ночька!..

Нет, этот Кавендиш совершенно неисправим в своих развратных пожеланиях! Я шлепнула его по лицу, но легонько, дабы порочный лорд не перевозбудился, и оттянула его от себя за волосы.

— Какой вы ветреный и непостоянный, лорд Кавендиш! Еще недавно до дрожи любили свою невесту, теперь заявляете, что в ваших мыслях одна я... Где гарантия, что через некоторое время вы не влюбитесь в кого-то еще?

Отрезвляющий прием сработал: Клифф перестал приставать и повалился на спину рядом. Уложил мою голову к себе на грудь, одной рукой обхватил за плечи, другую подложил под голову и уставился вдаль. Видимо, вопрос его по-настоящему обеспокоил.

— Гарантий нет, — ответил он совсем не то, чего я ожидала. — Жизнь длинна и непредсказуема. Вполне возможно, со временем ты и сама переключишься на более

положительных персонажей.

Я хотела было возразить, но подняла лицо и наткнулась взглядом на его чеканный профиль, слегка взъерошенные, но все равно тяжелые и шелковистые волосы... Слова застряли в горле. Хочется надеяться, что переключусь, вот только верится в это слабо...

Но спасибо ему за то, что не стал обещать невыполнимого. Клятвы в вечной верности и любви из уст завязтого повесы звучали бы фальшиво. И даже если сейчас в его мыслях и правда есть место лишь для меня... Я не смогу править его сердцем безраздельно и бесконечно. Клифф Кавендиш искренне любит противоположный пол, и привязывать его к себе одной было бы слишком эгоистично...

— Вы известный бабник, лорд, — вздохнула я. На что вообще можно рассчитывать, соглашаясь выйти за "Порочного бога Лондона"? — Думаю, вы и дальше будете бегать за каждой юбкой, захватившей ваше внимание... Или даже штанами!

Клифф поглядел на меня — пылко, весело, почти подобострастно — и улыбнулся.

— А после также приползать к тебе на коленях, чтобы вымолить прощение.

Я хмыкнула. Очень надо мне такое счастье! Бежать от него, и как можно скорее...

— И что будет потом? Если я соглашусь?.. — тоже обняла его и потерлась щекой о нежную гладкую грудь маркиза (интересно, она так и будет всегда безволосой, или со времен что-нибудь да вырастет?.. Жаль, я этого не увижу). — Будем жить, как любая нормальная семья?

— Ну, примерной семьи из нас никогда не получится. Я — убийца и владелец притона, от имени которого шарахается весь город, ты — беглянка, запятнавшая честь семьи добрачной связью... Но все равно. Будем жить под одной крышей, олицетворять аморальность и падение нравов...

— И переедем в другой дом? Подальше от кладбища?

Кавендиш помолчал.

— Я прикипел душой к этому спокойному месту, но если ты настаиваешь...

— Еще как настаиваю!

— Ладно, переедем в самый центр Вест-Энда. Начнем надоедать тамошним аристократам и вызывать у добропорядочных кумушек панику и негодование.

— Рожать детей?..

— Нет, только не детей! — ужаснулся Клифф. — Мне всего двадцать четыре, рано еще думать о таком!

Согласна. Мне детей тоже совершенно не хотелось. К тому же, от такого ненадежного объекта...

— Я, — продолжил Кавендиш, — буду и дальше держать бордель и опекать девочек, ты...

Знаю, я обещала не быть жадной в отношении Кавендиша, но при упоминания "Ретивых наездниц" и его любвеобильных обитательниц меня переполнила дикая ярость, а руки, обвивающую шею маркиза, сами собой сжались.

— Не хочу ничего слышать о вашем борделе! Больше НИКОГДА! НИКАКИХ! ШЛЮХ!!! — прорычала я, вонзая ногти в его белоснежную кожу.

— Хорошо, — расплылся в покорной улыбке Клифф, но тут же нахмурился и привстал, оперевшись на локоть.

— Подожди... А как же Жоржетта, Клозетта и все остальные? Неужели ты выгонишь их на улицу лишь из-за своей необоснованной ревности? Они ведь погибнут, если я закрою

публичный дом.

— А мне все равно!!!

Выгоню, еще как выго... То есть, о какой ревности вообще речь?! Еще чего не хватало, ревновать подобного негодяя!

— Милая, давай обсудим это позже?.. — примирительно проворковал Кавендиш, поглаживая меня по голове.

— Никаких позже! И вообще, почему быть женщиной так тяжело и беспросветно? — воскликнула я, вскакивая и усаживаясь на кровати, больше не чувствуя холода. Во мне вспылал мятежный огонь борцов с несправедливостью. — Мужчины могут хоть каждую неделю посещать гулящих дам, и им никто и ничего не скажет, а мы, при одном взгляде на противоположный пол, сразу становимся падшими? Где объективность? — проголосила я. — Почему женщины не могут ни развестись, ни найти достойную работу? Когда нам дадут свободу слова? Я требую равноправия! ЭМАН-СИПА-АЦИЯ!

— Хорошо, только успокойся, — Клифф потянулся ко мне и снова уложил меня рядом с собой. — Можешь уйти в политическую деятельность и потратить все мои многочисленные средства на поддержку суфражисток... Но лучше — направь свой революционный пыл в область журналистики. У тебя в этом явный талант!

— Хм, — я покосилась в его сторону. Льстит ведь, как есть льстит, лишь бы своего добиться. — Может, мне вообще не работать, с вашими-то средствами?

— Боюсь, так не получится, — вздохнул Клифф. — Ведь мне придется закрыть бордель. А я, цитирую — "бездарь и лентяй, не умеющий ничего, кроме как насаждать порок в массы" — вряд ли сумею зарабатывать другим способом... Так что тебе придется содержать нашу семью.

Я поразмыслила над его словами. М-да, эмансипация эмансипацией, но перспектива всю жизнь обеспечивать избалованного наследника, спускающего на костюмы целые состояния, так себе. Ладно, потом решим, что и как...

— Так что, пойдешь за меня? — в который раз спросил Кавендиш.

Я глубоко вздохнула и покачала головой.

— Не-а.

Лорд горько кивнул и уткнулся носом мне в затылок.

— Тогда может останешься хотя бы на ночь? В конце концов, половина дня уже прошла, не успеешь глазом моргнуть — стемнеет...

Я глянула на лучезарное голубое небо за окном, даже отдаленно не навевающим мысль о приближающемся вечере, и грозно свела брови.

— Останусь. Но ТОЛЬКО НА ОДНУ!!!

***

Клифф

Просто бездумно, неприлично счастлив.

Конец

Фут — единица измерения длины в английской системе мер. Равняется примерно 30 см.

Пентонвиль (неформальное название «Вилль») — мужская тюрьма нового образца, построенная в 1842 году в Лондоне.

Щипание пеньки — одно из распространенных занятий в работном доме: бедняки расплетали просмоленные веревки, волокнами из которых конопатили суда.

Суфражистки — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав, право собственности для замужних дам и пр.

Английская песня Greensleeves («Леди Зеленые рукава») — одна из самых знаменитых старинных баллад в мире. Ее возраст более 400-х лет. Greensleeves исполняется от лица мужчины: он обращается к своей возлюбленной, которая отвергла его ухаживания. По одной из легенд (скорее всего, ошибочных), король Генрих VIII посвятил ее своей будущей невесте Анне Болейн.

Известнейшая композиция В.С. Баха, написанная для органа.

Уайтчепел — район, печально известный по происходившим там в 1888 году убийствам Джека-потрошителя. Его жертвами были проститутки.

Фундаментальный труд Исаака Ньютона, в котором он сформулировал закон всемирного тяготения и три закона движения, ставшие основой классической механики и названные его именем.

В Викторианскую эпоху питейные заведения начали делить на отдельные помещения для разных сословий: бедняков и простых людей пускали только в общий бар — с минимальными удобствами и одним барменом. Средний класс и аристократы пили в бар-салоне. Бар-салон был верхом элегантности и роскоши, которого вообще можно было достичь в публичных питейных заведениях.

Отсылка к популярной традиции Викторианской эпохи — фотографированию умерших людей.

Принц Альберт — покойный, горячо любимый муж королевы Виктории.

В Викторианскую эпоху была очень популярна "флориография", т. е. язык цветов: растениям придавалась собственная символика, с помощью которых можно было выразить свои эмоции или чувства (когда о них нельзя было говорить открыто)

Вертеп — притон, место разврата и преступлений.

В конце девятнадцатого века на смену классическому кринолину пришел "тюрнюр" — приспособление в виде подушечки, которое подкладывалось сзади под платье для придания нужных форм ниже талии. Придумал его все тот же "модный чародей" Чарльз Уорт.

Уолтер, второй барон Ротшильд, Уильям, герцог Портлендский и Джорджиана Кавендиш (герцогиня Девонширская) — реальные исторические персонажи. О яркой жизни Джорджианы даже сняли фильм "Герцогиня" с Кирой Найтли в главной роли.

Амелия имеет в виду заповедь, согласно которой человек, которого ударили под одной щеке, должен подставить и другую.